

Русская власть: описания и рефлексии

**СИСТЕМА РУССКОЙ ВЛАСТИ:
ДИССОНАНСЫ ИЛИ СОЗВУЧИЯ КОНЦЕПТОВ?
(материалы круглого стола)**

Материалы творческой мастерской, проходившей в г. Ростове-на-Дону 28-29 мая 2009г.

Участники:

Авдулов Н.С., кандидат исторических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Байлов А.В., кандидат исторических наук, доцент (Таганрог)
Буйло Б.И., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Венков А.В., доктор исторических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Глебова И.И., доктор политических наук, профессор (Москва)
Громов Р.А., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Денисова Г.С., доктор социологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Ерохин Н.Е., ученый секретарь Южного федерального округа (Ростов-на-Дону)
Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Захаревич В.Г., доктор технических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Иванников И.А., доктор юридических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Кирой В.Н., доктор биологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Лубский А.В., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Макаренко В.П., доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, академик Академии педагогических наук Украины (Ростов-на-Дону)
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России (Ростов-на-Дону)
Москаленко С.Г., кандидат исторических наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Пивоваров Ю.С., доктор политических наук, профессор, академик РАН (Москва)
Поцелуев С.П., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону)
Рожковский В.Б.,
Ткаченко В.Н., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины (Киев)
Шипилова Р.А., кандидат исторических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

В.П.Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите начать творческую мастерскую на тему «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов». Первоначальный вариант подзаголовка звучал иначе: «Сравнительный анализ концепций Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова и В.П.Макаренко». Но по ходу согласований выяснилось: позиции Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова разошлись. Поэтому мы выбрали нейтральный вариант названия. Идея творческой мастерской состоит в привлечении известных современных учёных для выступлений с докладами по концепциям, которые уже опубликованы и обсуждаются в научном сообществе. Эта форма работы входит в рамки гранта ЮФУ по теме «Политическая концептология». Мы проводим уже пятую конференцию. Теперь нам надо не столько заниматься самовыражением или разговорами на общие темы, сколько обсуждать конкретные авторские концепции. Поэтому главное требование к участникам – знание анализируемого и критикуемого материала.

Дебаты будут развёрнуты вокруг следующих основных вопросов:

1. Каков теоретический и социальный контекст генезиса концепций.
2. Как авторы вычленяют объект исследования.
3. Какие основные понятия, метафоры, идеи и концепты вводятся для анализа.
4. Какие правила и закономерности поведения анализируемого объекта фиксируются концепциями.
5. Каковы социально-политические и теоретические следствия концепций.
6. Есть ли аномалии и нерешённые вопросы в структуре и следствиях концептов.
7. Какое влияние концепции оказывают на социально-политическую мысль России, ее отдельных регионов и сопредельных государств.

Основой обсуждения сегодня и завтра будут труды присутствующего здесь Ю.С.Пивоварова – академика РАН, директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Вместе с А.И.Фурсовым он опубликовал в «Русском историческом журнале» (Лето 1998, Том 1, № 3) работу «Русская система – генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы)». А также обсуждается моя книга «Русская власть: теоретико-социологические проблемы» (изд. СКНЦ ВШ, 1998). Она выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда (проект 95-06-17929).

В нашей мастерской принимают участие ученые, преподаватели, студенты и аспиранты Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркаска. Пару слов о регламенте: у нас классический академический способ работы – доклады (30-40 минут), выступления в дискуссиях (10-15 минут), реплики (3-5 минут). Разрешите приступить к выполнению повестки дня. Слово предоставляется ректору Южного федерального университета профессору Захаревичу В.Г.

В.Г.Захаревич: Дорогие друзья! Я помню, как, ещё будучи молодым человеком, прочитал древнее изречение: «То, что знают мастера, не написано в книгах мастеров». Некоторое знание невозможно выразить в словах, будь то речь или письменный источник. Второй момент по поводу вашего мастер-класса – национальный проект дает нам широкие возможности. Мы можем себе позволить приглашать выдающихся людей России для общения на эти темы. Один из них здесь находится. Насчет темы конференции я хочу сказать пару критических слов. Тема тяжелая. Если взять в качестве примера социально-экономическое развитие японцев, то они любят начальство, любят работу, очень трудолюбивы, аккуратны и т.д. Послевоенная Германия – разрушенная страна – всё восстановила благодаря своей пунктуальности, хорошему отношению к труду и прочим вещам. А у нас историческая нелюбовь к начальству, выполнение любой работы спустя рукава. Если бы канцлер Гельмут Коль взял миллион немцев и приехал бы к нам в Россию и поуправлял, что бы получилось? У нас народ необычный. Какие нужно использовать необычные средства, чтоб русского человека поднять на деятельность? Это вопрос сложный. Поэтому я считаю, что актуальность темы мастерской несомненна. Желая всем удачи в этом непростом деле!

В.П.Макаренко: Слово академику РАН, профессору Ю.С.Пивоварову.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо, Владислав Георгиевич и Виктор Павлович, за приглашение и такие теплые слова. Но немного смешно – мы все научные работники, не более того. То, что мы сделали, узнают потом – через много лет, когда мы помрём. Многие работы, которые когда-то перевозились, уже забыты, о них никто не помнит. В любом случае, огромное спасибо, я впервые в Ростове-на-Дону, в университете и в этой библиотеке – мне очень приятно. Я постараюсь соответствовать и рассказать то, что могу.

Хочется несколько слов рассказать о своем институте. Это Институт научной информации по общественным наукам, сокращенно ИНИОН. Это часть РАН и самый большой гуманитарный институт ее структуры. Он основан в 1969 году, но ещё в 1918 году В.И.Ленин создал фундаментальную библиотеку по общественным наукам. Ленин, которого сейчас модно критиковать, был человеком вполне современным. Он хотел иметь то, что имеют американские президенты – Библиотеку Конгресса. Библиотека Конгресса США не просто библиотека – это исследовательский центр, он обслуживает деловую и политическую элиту правительства Штатов. В СССР такую библиотеку стали создавать большевики, которые в эмиграции работали в библиотеке Конгресса США. Правда, к 1936 году их всех порешили – кого в лагерь отправили, кого расстреляли просто, но как в России бывает – это никуда не исчезло, а начало перерабатываться. В конечном счёте, на основе этой библиотеки решением ЦК КПСС создали институт в 1969 году. Тогда основной задачей было – говорить правду власти, что происходит за рубежом. То есть, были люди, которые должны были сидеть и читать западные и восточные книжки и журналы, писать правду во все

органы, которые принимают решения (КГБ, МИД, Совмин и т.д.), в виде текстов «для служебного пользования». Этот институт привлёк много толковых людей, поскольку это было единственное место, где не было цензуры и были самые новые книги. Надо сказать, советское правительство потратило много денег на закупку литературы и создало прекрасную библиотеку. В 1980-е годы это была лучшая библиотека по общественным наукам, она уступала только библиотеке американского Конгресса. Но в 1990 годы наступил полный провал: нет заказчика, сейчас Академия Наук переживает не лучшие времена. Однако мы по-прежнему сохранили свою работу как мини-академия наук, имеем массу отделов: социологии, истории, философии, политологии. Мы работаем по всем дисциплинам социального знания и по всем регионам, выпускаем реферативные сборники, обзоры и библиографические базы данных, монографии и т.д. Наш институт – это такой холдинг – включает в себя библиотеку, исследовательский центр, лаборатории, издательства и т.п. Сейчас у нас более 14 млн. единиц хранения, это третья в России библиотека по количеству единиц хранения. Если кто-то будет в Москве, милости просим: метро «Профсоюзная», Нахимовский проспект, 51/21. Вы, как сотрудники университета, имеете право пользоваться нашими материалами, и я бы хотел сказать, что очень выгодно пользоваться нашими материалами, библиографическими изданиями, поскольку это такой моментальный снимок того, что происходит в науке – можно держать руку на пульсе. В этом смысле, это вещь достаточно полезная. Вот и всё, что я хотел рассказать о нашем институте. Ещё раз спасибо за приглашение. Я думаю, мы можем начинать нашу работу. Я и моя коллега, профессор Глебова И.И., постараемся соответствовать, насколько это возможно.

Вы знаете те книги, которые я со своими коллегами пишу. На их основе трудно управлять обществом, они могут лишь помочь что-либо прояснить. Например, Ваш вопрос, Владислав Георгиевич, по поводу Гельмута Коля: если бы он сюда приехал, он бы не смог работать. Между прочим, до революции треть русской деловой элиты были выходцы из Германии. Как-то работали и неплохо работали. Хотя как бывший германист могу сказать, что для меня является большой загадкой, как Германия, уничтоженная в 1945 году Советской армией, смогла всё так сделать. Они находились в гораздо большей разрухе, чем мы, все основные промышленные города были развалены, не осталось ни одного нетронутого города. Они сумели все поднять – это просто невероятно.

Вопрос из зала: А план Маршалла?

Ю.С.Пивоваров: План Маршалла, конечно, помог, но не сыграл решающую роль, там было много вещей: например, когда до 1956 года был запрет на вывоз валюты из страны – деньги должны были храниться в Германии. У них не было нефти, газа, и с углём непонятно что. Я думаю, причина кроется в немцах, в их характере. Но об этом мы можем ещё поговорить. Спасибо.

В.П.Макаренко: Слово член-корреспонденту Академии педагогических наук Украины, доктору исторических наук, профессору Василию Николаевичу Ткаченко.

В.Н.Ткаченко: Я, собственно, не активный участник сегодняшнего дискурса. Мне представляется наше собрание очень интересным. Было бы не корректно с украинской стороны вникать в анализ русской власти. Мы должны получить тот анализ, как сами русские относятся к своей истории и власти – это будет нормально. Это не значит, что мы самоустраиваемся от этого дела – это очень деликатная проблема. У нас в исторической науке до сих пор не разобрались, где кончается история и начинается политика. Мне представляется, что мы должны быть весьма корректны в оценках друг друга. Я думаю, исследователи Ростова-на-Дону накопили немалый материал по этому вопросу, и мы сможем продуктивно общаться. Важно выслушивать точку зрения другого, уметь представлять, что у другого может быть своя точка зрения по этому вопросу. У меня она тоже есть, как у человека, проработавшего 13 лет в государственных органах, и старавшегося выстраивать отношения между соседями – Россией, Белоруссией, Молдавией – гармонично. Мы должны жить вместе дружно, но беспокоят некоторые тенденции. Вчера приехал в Ростов, как-то не спалось, и по телевизору часа в три ночи вышел на дискуссию – там Марков, Рыжов вместе с двумя журналистками обсуждали эту тему – связь между историей и политикой. И выяснили, что русская историческая наука хорошая, а вот украинская историческая наука призвана формировать из русских образ врага. Ну, сказал и сказал, но это ведь не я один только слышу, а многие, и формируется общественное мнение. Мне бы не хотелось оставлять этот вопрос просто так, в воздухе. Социологические данные показывают, что это не так. Вот опросы Центра Ю.Левады в Москве, они разрабатывают совместные методологии, чтоб не было различия в трактовках. Последние события в Грузии подогрели общественное мнение, но что характерно для Украины: как раньше 80% украинцев хорошо относилось к России – до грузинских событий, - так и после них.

Нас очень беспокоит такая цифра: до грузинских событий к украинцам в России хорошо относились 54%, а после грузинских событий – 37%. Мне представляется, что мы, научные работники, собираясь вместе, призваны не забывать о конечном итоге нашей научной работы. В этой аудитории я бы хотел вспомнить одну притчу – мудрость еврейской культуры: «В период беззакония евреи обратились к Господу Богу. Евреи говорят:

– Дай нам закон.

Господь Бог сказал:

– Хорошо, я дам вам закон, но где гарантия, кто может поручиться, что вы будете выполнять этот закон?

Тогда евреи сказали:

– Наши предки и будут гарантией, Авраам, Иаков и т.д.

Господь Бог сказал:

– Где вы такое видели, чтобы мертвый человек мог поручиться за деяния живого?

Тогда евреи сказали:

– Ну, тогда мы берём на себя ответственность, мы поручаемся, что будем выполнять закон.

Господь Бог тогда сказал:

– Где вы такое видели, чтоб тот, кто берёт, сам нёс ответственность за свои дела?

И евреи ответили:

– Тогда поручителями за нас будут наши дети.

И тогда Господь Бог сказал:

– Это правильно и это мудро».

Поэтому очень важно задуматься о том, что мы оставим нашим детям, какие деяния будут после нас. Спасибо, я думаю, наша работа будет идти в таком направлении.

В.П.Макаренко: Разрешите перейти ко второй части нашей работы. Здесь, в основном, собрались книжные люди. Начнем с рассказа о новых изданиях. Мы уже более 2-х лет продолжаем творческое сотрудничество с коллегами-экономистами. Предоставляю слово доктору экономических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ Октаю Юсуфовичу Мамедову.

О.Ю.Мамедов: Мне радостно, что, наконец, собрались здесь все обществоведы. Ведь как это важно, чтобы были вместе историки, политологи, экономисты. Я считаю, присутствие здесь экономистов не случайно, т.к. можно спросить прямо: скажи мне, какая у тебя экономика, и я тебе скажу, какая у тебя власть. Можно наоборот: от власти идти к экономике, – ничто так не говорит о нашей экономике, как исследование в пределах института русской власти. Уважаемые коллеги, мы с 2003 года издаем журнал, который называется очень просто – «Экономический вестник Южного федерального университета». Мы с самого начала хотели, чтобы это был теоретический журнал. В провинции теоретический журнал делать очень сложно, но мы стараемся. Он завоёвывает определённые позиции: у нас печатаются москвичи, ленинградцы, и зарубежные коллеги пишут оригинальные статьи, которые нигде раньше не публиковались. Я Вам покажу первый номер за этот год, он называется «Terра Economicus» – пространство экономики, и должен сказать, что у нас есть не только экономисты, но и юристы, социологи, политологи. Вот, я передаю Вам журнал, – пожалуйста. И еще я хочу сказать: мы считаем, и с самого начала наш журнал шел как обществоведческий; экономисты – это основа социального знания. Мы приглашаем всех наших коллег по социальной отрасли публиковаться с актуальными статьями в нашем журнале. У нас ещё вышла книга, которая так и называется «Terра Economicus», она, на мой взгляд, должна была «взорвать» читающую публику.

В.П.Макаренко: Слово доктору экономических наук, профессору Алексею Юрьевичу Архипову.

А.Ю.Архипов: Дорогие коллеги, о свежих публикациях я рассказывать не буду, скажу лишь об одном издании, хочу вручить его нашим коллегам в президиуме. После небольшого затишья у нас была проведена международная конференция по проблемам глобализации, уже вторая в подобном роде. Приятно, что кроме экономистов в ней участвовали философы, социологи, политологи. Вышел первый том, а таких у нас будет три после конференции, где собраны эти материалы. У нас активно иностранные учёные участвуют, из Варшавского университета, из Украины немало было коллег. Я думаю, мероприятие, которое сегодня у нас идёт, очень важно, такое обсуждение необходимо, оно поможет нам самим, обществу и власти двигаться вперёд. Желаю всем успехов!

В.П.Макаренко: Слово моему младшему коллеге, кандидату философских наук, доценту Сергею Петровичу Поцелуеву. Он выпустил интересную книжку, её часть опубликована в журнале «Полис».

С.П.Поцелуев: Я написал книжку, которая финансировалась Федеральным проектом «Образование», при поддержке ректората ЮФУ. Сама книжка возникла из статьи, статья из философского удивления перед дискурсом нашего телевидения. Книжка называется «Политические парадиалоги». Название немножко заумное, но я понял, что не одинок в такого рода названиях, т.к «псевдо», «пара», «квази» – все это слова, отражающие целое явление.

В.П.Макаренко: Теперь, коллеги, разрешите представить Вашему вниманию наш журнал «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». Это новое научное направление, которое я разрабатываю в ряде книг, начиная с «Русской власти». Кроме Интернетовского варианта мы издали печатный вариант. В России это первый и пока единственный журнал по этому направлению. Его идея состоит в интеграции учёных гуманитарного профиля, от историков до философов. С удовольствием сообщаю, что академик Ю.С.Пивоваров и профессор И.И.Глебова привезли нам свежие статьи. Мы стараемся отойти от ростовского хуторянства. У нас публикуются авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также ростовчане – экономисты, историки, политологи, философы. Приглашаю всех к сотрудничеству.

Забегая вперёд, скажу о двух опасностях, которые подстерегают вузовских учёных: бесконечный пересказ учебников; диссертационная машина, 90% коллег считают, что диссертация – это наука. Но это не так. Думаю, Юрий Сергеевич об этом расскажет. Полемика с этими банальностями – одна из целей нашего журнала.

Перейду к третьему пункту нашей программы. Я сегодня нашел образ – трио бандуристов. Мы трое в течение двух дней будем вам рассказывать о наших свежих публикациях. Готовы вести открытый бой по их защите. Первым поднимается в атаку Юрий Сергеевич Пивоваров.

Ю.С.Пивоваров: Виктор Павлович уже сказал по поводу диссертаций, я не знаю, что он имел в виду, но видимо то, что я являюсь, к несчастью для себя, председателем экспертного совета ВАКа по истории. Раз в две недели имею счастье или несчастье участвовать в рассмотрении докторских диссертаций по истории. Очень тяжело становится, когда смотришь на эти диссертации. Когда людей вызывают в ВАК и задают вопросы, вырисовывается чудовищная ситуация. Я не знаю, как в других науках, но у историков ситуация чудовищная. С одной стороны, есть докторские диссертации с такой темой: «Подвиг ленинского комсомола в годы Великой Отечественной войны». Я ничего против комсомола не имею, сам в нем в своё время состоял, но когда диссертация называется «Подвиг...», то зачем её вообще писать, в названии и так уже всё сказано. Или, например, есть масса диссертаций такого типа: кандидатская была у человека лет 25 назад – «Деятельность партийных органов Дальнего Востока в 1923-1925 годах», а докторская – «Деятельность православной церкви в ...» и т.п. Или приезжают какие-нибудь люди из РАО ЕЭС с темой «История русского парламентаризма» – докторской. Я спрашиваю: «Когда парламент в России был создан?». Они отвечают: «В XVIII веке». Вот такие существуют диссертации. Конечно, ситуация чудовищная. Общий уровень диссертационных работ резко упал. С одной стороны, больше свободы, больше возможностей получать независимую информацию, чем в наши молодые годы, но почему-то уровень упал. Хотя есть отдельные блистательные работы, но в общем... Думаю, диссертация – это не то место, где научная истина ищется. Это, скорее, некий обряд инициации, обряд приобретения должностей. Но и должность в России важна. Как говорил великий русский историк С.М.Соловьёв: «В России чин – это пистолет».

Но давайте к теме. Виктор Павлович нашел меня в Москве и предложил рассказать о концепции Русской системы, одним из авторов которой я являюсь. Это была попытка создать концепцию под названием «Русская система», которую предприняли два, тогда ещё не старых человека, 15 лет назад, в середине 1990-х годов. Одного звали Андрей Ильич Фурсов, он есть и сейчас, работает в институте; вторым был я, Юрий Сергеевич. Мы люди скромные, не хотим писать 12 томов, чтоб прославить себя в веках. Написали 1 том, листов на 12; как книжка, он нигде не вышел, печатался в виде статей в разных журналах. Некоторые материалы вы читали. Основной и наиболее полный текст «Русской системы» вышел в 1997 году в журнале «Политическая наука». Затем авторы поссорились. Каждый из них развивает то, что может, и концептуальности нет; видимо, мы были лучшими поодиночке. Так получилось. То, что я буду рассказывать сегодня, – это моя версия. Мы разошлись в 2001 году, и уже 8 лет работаем отдельно.

Должен сказать, неожиданно для меня словосочетание «Русская система» вошло в науку, многие цитируют несколько терминов из этой концепции – то, что мы называли русской властью моносубъектом русской истории. Это почему-то многим понравилось. Почему мы стали писать эту работу?

Это связано с институтом, в котором мы служили. Поскольку мы не всегда были начальниками, а были и младшими научными сотрудниками, наша задача была – читать западные и восточные научные книжки, реферировать и писать обзоры. Вот мы их читали-читали, и годам к 40 поняли: та наука, прежде всего западная, которую мы изучали всю свою молодую жизнь, не годится для описания того, что происходит в родной стране. Естественно, в 1990-е годы все это было достаточно обострено. Один режим сломался, что будет – неизвестно. Людям думающим надо как-то это понять. С помощью западной науки это сделать не получалось. Причём, в самом прямом смысле слова. Конечно, концепции западные я знаю неплохо, как исторические, так и социологические. Мой коллега востоковедные вещи знает. Они тоже не подходили для исследования действительности, которую мы наблюдали и в которую были погружены как обыватели и люди. Мы с коллегой договорились, что не будем использовать слов, которые уже заняты в каких-то других концепциях, например: мы не пользуемся такими словами, как государство, народ, нация, классы и что-то ещё. В этом можно увидеть оригинальничанье, но нет. Это было связано с тем, что ничего невозможно было нам объяснить. Наша Русская система имела два эпитафия. Эти два человека – авторы эпитафий – люди, выросшие в России. Первый – Илья Пригожин, биолог, лауреат Нобелевской премии. Он писал: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке. Мы должны использовать ряд описаний, несводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформациями». То есть, мы исходили из того, что на одном единственном языке нельзя выразить мир. Второе принадлежит поэту, тоже лауреату Нобелевской премии, Иосифу Бродскому: «Любой опыт, исходящий из России, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности. Безусловно, память одной цивилизации не может, и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наилучшая из тавтологий». В эти слова надо вдумываться, тем не менее, их смысл понятен: трудно выразить реальность одной культуры и цивилизации на языке другой культуры. Может быть, возможно, но трудно. Например, авторам по фамилиям Фурсов и Пивоваров это казалось невозможным, поэтому они стали говорить о своём.

Поскольку у нас трехактная сцена, я буду исходить из того, что что-то расскажу сегодня, что-то завтра – в свободном режиме. Как выяснилось, в зале сидят специалисты разных специальностей, социологи, политологи, историки. Так вот, создание «Русской системы» – это попытка ухода от этих дисциплинарностей. Мы не хотим быть историко-центричными, экономико-центричными, политико-центричными и т.д. Все мы связаны. Все эти специальности возникли в лоне западной науки. Гуманитарные науки, которыми мы с вами занимаемся, – детище западной цивилизации. Ни одна другая культура, ни одна дру-

гая цивилизация не создала науки как способа рационального познания мира, рационального самопознания человека. Действительно, посмотрите на русскую культуру и русскую цивилизацию. Я сразу скажу, что исхожу из идеи: Россия – это не Запад и не Восток. Мы не есть ни какая-то отсталая Европа, ни передовой Восток. Мы – нечто иное, об этом я буду говорить. Если посмотреть на русскую культуру и цивилизацию, то наука у нас появляется вместе с реформами Петра I. До этого наши предки по какой-то причине не имели потребности в рациональном самопознании и познании общества, в котором жили. Можно сказать, что зачатки рационального познания были, но науки как системы абстрактного мышления не было. Если посмотрим на другие великие цивилизации, такие, как Индийская, Китайская, Арабская, то мы там тоже не найдём науки в современном смысле слова. Кстати, историки науки датируют существование науки XVII-ым веком. Современная наука возникает на Западе – это уникальный плод уникальной цивилизации.

Но из-за того, что другие уникальные цивилизации не выработали такой уникальный продукт, как социальная и гуманитарная наука, получилось, что западная наука, будучи уникальной по генезису, приобрела универсальный характер. Например, работая в ИНИОНе, – есть у нас такой белый зал, куда новую литературу привозят, – просматриваешь книгу из Дели или Токио, неважно, какой язык, но ясно, что это принадлежит к одной социальной и гуманитарной науке. Это все одна наука, со всеми делениями на историю, политологию, социологию. Безусловно, это связано с особенностями западного общества. Запад создал тип самопознания, который адекватен для западного самопознания. Вся дисциплинарная сетка наук связана с особым типом западного мышления и с особым структурированием западного общества. Например, власть там отделена от экономики, религия отделена от политики, и т.д. В других цивилизациях и культурах мы найдём совершенно другие соотношения и сочетания.

Проблема возникновения науки вообще и гуманитарной в особенности связана с тем, что Европа, как и мы, есть христианские цивилизации. В христианстве есть то, чем оно отличается от всех остальных религий. Я всегда своим студентам говорю: сходите в Третьяковскую галерею, там есть художник с характерной русской фамилией Ге; на его картине изображён Понтий Пилат, который спрашивает Иисуса Христа: «Что есть истина?». Стоит римский генерал и молодой тридцатилетний еврей, у которого он и спрашивает, а еврей опустил голову и молчит. Я у студентов спрашиваю, мол, почему он всё время молчит, он ведь Бог? В христианстве не может быть вопросов – что есть истина? В христианстве могут быть вопросы – кто есть истина? Христос и есть истина в христианстве. Это персоналистическая религия, религия Богочеловека; тема личности и есть единственная тема единственной западной цивилизации. Личности в христианском смысле слова нет ни в одной другой цивилизации. А личность – это существо, наделённое свободой воли. В этом смысле социальные науки Запада исследуют поведение этой личности со свободой воли. Это очень слож-

ное дело. В других цивилизациях и культурах такого подхода к человеческой природе нет. Если западную науку применить даже к нам, то ничего не получается, как показывает практика.

Почему не получается? Здесь экономисты сидят – я могу судить как обыватель – в 1991 году наши реформаторы опирались на доказавшие себя неолиберальные экономические концепции. Они полностью провалились здесь. На Западе это себя оправдывало, у нас наоборот. Так было и в 1917 году, когда взяли марксизм. На то время марксизм был продвинутой и адекватной наукой, но не получилось применить ее в России. Могу сказать, что это зафиксировано даже на уровне языка. Приведу элементарный пример: я прошу своих студентов перевести на русский язык слово «state» – вроде, государство. Но когда возникло слово «state»? Мы знаем, что оно возникает от итальянского «stati», в период Макиавелли или чуть позже. То есть, это термин для описания особого типа власти, который складывается в Европе, когда она входит в Новое время. И в словаре мы прочтём, что «state» – это тот тип власти, который существует на Западе с XVII века по сегодняшний день. До этого на Западе такого термина не было. А наше «государство» восходит к дописьменной славянской древности, к Киеву, его этимология совсем другая. Когда, например, в российской Конституции написано, что мы – «правовое государство», – так вот, «правового государства» в русско-славянском смысле не может быть! Поскольку оно не предполагает правового компонента. Более того, даже в английском языке нет термина «правовое государство»! Там есть «правление права», но это немного другое. То есть даже терминология, если переводить «state» как русское «государство», мы будем наводить тень на плетень. Что и есть в нашей Конституции. Тот тип власти, который описывается русским термином «государство», не предполагает никакой правовой компоненты в западном смысле этого слова. Это побудило нас искать собственный язык и видение. Я закончил Институт международных отношений (МГИМО), занимался Германией, написал по ней кандидатскую диссертацию. Докторская была посвящена одной из громких концепций политической науки – концепции *political culture*. Она была посвящена возможности применения этой концепции к обществам незападного типа. На примере России я показал, что это невозможно. Это одна из главных концепций американской послевоенной политической науки. С моей точки зрения, она не применима к описанию России, которая не является западным обществом.

Я со своим соавтором, – он как востоковед, а я как германист – стали писать эту вещь на примере русской истории, которая нам обоим была известна. К этому времени мы оба – преподавали в МГУ русскую историю. Нами двигало ещё и то, что у подавляющего числа российских обществоведов отношение к России, её прошлому, настоящему и будущему – как к чему-то девиантному, отклоняющемуся. Есть некая норма, а наше развитие отклоняется. Это норма может быть любая. Например, люди, которые ориентированы на Запад – запад-

ники считают, что западное развитие нормальное и нормативное. Должен быть парламентаризм, партии, правовое государство, социально-ориентированная рыночная экономика, права человека и т.п. Все должно становиться такими же; норма там, а мы девиантны, в силу опоздания в развитии, татаро-монголов, смуты, поляков, Петровских реформ, которые были проведены не вовремя, или вовремя, но неправильно и т.д. Потом революционеры плохие, царизм отсталый, плохой Ленин, ещё хуже Сталин, или наоборот – хороший Сталин, а плохие в оппозиции были, НАТО, жидо-массоны и т.д. Всегда есть чем оправдать, что мы как-то сбивались. Вот такой подход имплицитно, имманентно присутствует в среде российских обществоведов.

Для других нормой может стать Восток. Говорят: китайцы развиваются, а мы не смогли свой социализм удержать! Китай берётся за норму, или наоборот, норма может быть в прошлом. Помните, гворухинская «Россия, которую мы потеряли»? Или когда говорят о Советской России, мол, так было замечательно в советские времена, особенно это говорят люди, которые жили в советское время. Тоже – некая норма. Мы со своим коллегой сказали: нет! Русская история, русское государство не девиантно, оно нормативно для нас. Был немецкий правовед в начале XX века Георг Еллинек, он говорил о нормативности фактического. И мы со своим коллегой исходили из нормативности фактического: то, что было и есть, – не есть отклонение. Мы сразу отбросили все попытки мыслить в рамках концепции, в рамках теории модернизации, догоняющей модернизации или чего-то ещё. С нашей точки зрения, это неадекватно, полный бред и вещь крайне неинтересная. Если в этой связи будут вопросы, я обязательно отвечу, поскольку знаю: эти идеи популярны в отечественной научной среде, пользуются авторитетом. Нас тоже это волновало и инспирировало показать русское развитие не как отклоняющееся.

И мы придумали слова. Мы не пишем историю, а пытаемся создать концепцию, с помощью которой можно понять, что происходило и происходит в России. Это первое. Второе: мы исходили из принципиальной позиции – необходимы и другие концепции; нашей концепцией не исчерпывается все то, о чём мы хотим сказать. Я для себя это называю POSSIBILISTСКИЙ (возможностный) подход. Есть и предполагаются другие точки зрения, чтобы увидеть предмет стереоскопически. Мы об этом писали. Сегодня есть люди, которые пытаются эту концепцию использовать как идеологический твёрдый штамп. Я резко против этого. Итак, мы это назвали «Русской Системой». Понятие «система» уже занято, скажем, «политическая система» или «социальная система». Наша «Система» – скорее, метафора. Вообще, наши понятия и категории носят метафорический характер. В этом большая слабость нашей концепции: когда наука начинает пользоваться метафорами, – это опасный путь. Этот путь может завести в тупик, и многих уже заводил. Но нам нечего было делать – мы стояли перед фактом: у нас не было языка, на котором это можно было описать. Потому что на языке, который существует и существовал в 1990-е годы в науке и до сих

пор господствует, я не могу описать то, что происходило и происходит в российской истории.

Компоненты Системы расположены по углам треугольника. Наиболее важный угол мы назвали «Русская Власть». Вторым углом треугольника – это «популяция». Термин взят из биологии, нас могли обвинить в русофобстве, но тем не менее. «Популяция» – это население, не народ, а население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики. Нас всегда интересовала тема субъекта – кто делает? Например, в 1990 годы, когда в Россию стала возвращаться русская зарубежная мысль, очень популярны были евразийцы, сейчас они менее популярны. Так вот, в евразийстве нет темы субъекта – я этой темой давно занимаюсь, написал шесть книг по русской мысли. Так, кто всё это делает? «Популяция» – это «население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании Власти отрицается по определению». Действительно, мы заняли русофобскую позицию и обвинили русский народ в отсутствии субъектности. Мы сказали, что в русской истории последних пяти столетий (русская система существует около пяти последних столетий) была популяция.

Третий элемент треугольника мы взяли из литературы. Россия – литературоцентричная страна. В XIX столетии литература имела абсолютно креативный характер. Поэтому термин «Лишний Человек» мы взяли из литературы. «Лишний Человек» может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). Речь идет о тех индивидах и группах, которые не “перемолоты” Властью и потому не стали ни ее органом, ни частью Популяции, или же о людях, “выломившихся” из Популяции и Власти, нередко в результате ее же, Власти, деятельности, целенаправленной или побочной», – это я цитирую статью, которая была опубликована в журнале «Полис» (2001. №4) и называлась «“Русская система” как попытка понимания русской истории». Коротко процитирую: «Русская Система предполагает такой тип взаимодействия перечисленных элементов, при котором единственным социально значимым субъектом оказывается Власть. Если Русская Система – это способ контроля Русской Власти над русской жизнью, то «Лишний Человек» – мера незавершенности Системы, индикатор степени “неперемолотости” русской жизни Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой – Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не все Власть) и есть русская история».

Когда мы писали, то исходили из того, что русская система прошла две стадии своего развития. После того, как перестали писать, я придумал третью стадию. Первая стадия – «самодержавная», вторая – «советская» (мы её назвали «властепопуляционная»). Третью стадию я называю «стадией Властной плазмы» – это то, где мы с вами находимся по сегодняшний день. Но на всех стадиях присутствует Власть, то есть Власть в Русской Системе является системооб-

разующей субстанцией. Причем, слово «субстанция» мы берём не как метафору, а в классическом смысле, как определял субстанцию Б.Спиноза в «Этике»: «Субстанция – это то, что существует само в себе и представляется само через себя, и представление чего не нуждается в представлении другой вещью, из которой оно должно образоваться». Субстанция – это то, что лежит в основе всего, она не является функциональной, не зависит ни от чего, все зависит от неё. В этом смысле Власть субстанциональна, является единственным субъектом, двигателем, моносубъектом российской истории.

Что касается Властепопуляции – это, примерно, то же, что ленинская кухарка должна научиться управлять государством. В советский (перевернутый) период русской системы сущность системы сохранена, но в совершенно другой социально-властной конфигурации. Прочитую Зинаиду Гиппиус: «Идея самодержавия – это власть одного над всеми, идея коммунизма – это власть всех над одним». Это сказала умная женщина, не написавшая ни одной диссертации. Но в том и в другом случае продолжает осуществляться подавление индивида – что и является содержанием русского типа социальности. Природа русского общества – это подавление индивида, а Русская Власть – это насилие и процесс насилия. В этом смысле природа Русской Власти в корне отличается от природы западной власти. Там власть в большинстве своем – продукт конвенции, договора, носит конвенциональный характер. Там носители власти вынуждены договариваться с кем-то, это можно проследить с XIII-го века, Иоанна Безземельного и далее.

Далее – важнейшей характеристикой Русской Власти является её дистанционный характер. Слово дистанционность можно по-разному рассматривать, я знаю, Виктор Павлович им тоже пользуется. Мы размышляли и задались вопросом: почему в русской истории столицы периодически переносятся? Как какой-то новый период, так столицы переносятся! Русская Система начинается с Киевской Руси. Парадоксально, историки, когда узнают об этом, плюют в нас с коллегой, так как мы во многом инспирировались идеями марксиста М.Н.Покровского, которого кто только не оттоптал в последние десятилетия. Мы даже хотели ему посвятить Русскую Систему, чтобы его реабилитировать. Потому что у этого «вульгаризатора исторического процесса» была масса гениальных идей, прозрений. Мы опирались на идеи Покровского. Возвращаясь к дистанционности, мы увидели, что первым поменял столицу Андрей Боголюбский. Это Северо-Восточная Русь. Потом Грозный. Он Вологду хочет – не получается. У Петра получилось. У большевиков тоже. Ещё не будучи президентом, Б.Н.Ельцин хотел перенести столицу в Свердловск или Новосибирск или куда-то ещё. Павел Пестель – яркий и кровожадный диктатор – тоже хотел перенести столицу. Так почему они всё время столицу переносят?

В этой связи для нас была интересна история монголов. Понадобились знания моего коллеги А.Фурсова, он востоковед, его кандидатская посвящена монголам, ему тут и карты в руки. Мы обнаружили то, что знали до нас тысячи ис-

следователей – невероятную зависимость Москвы от Золотой Орды. В этом смысле мы согласны с евразийцами. Некоторые украинские историки тоже говорят, что Московия имеет свои корни в Золотой Орде, а не в Руси. Я согласен, конечно! То, что мы называем Русской системой – Московское царство, Петербургская империя, Советский Союз и современная Российская Федерация, – безусловно, являются наследниками Киевской Руси и Золотой Орды. Я совершенно согласен со словами лидера евразийцев Николая Трубецкого, которой сказал: «Если бы Орда крестилась, то Сарай, а не Москва объединил бы вокруг себя русские земли». Или, как сказал Георгий Федотов, известный русский философ, эмигрант: «Ханская ставка была перенесена в Кремль». Конечно, мы являемся наследниками. Мы поняли, что формирование Русской Власти как единственного моносубъекта было бы невозможно без многосотлетнего общения русских с Золотой Ордой. По этому поводу много чего написано мной и моим коллегой. А как Золотая Орда управляла Восточной Русью? Дистанционно. Есть два способа, когда кочевники приходят управлять завоеванной страной: - осесть и смешаться; - управлять дистанционно. Орда не пошла в Северную Русь, не было материальных предпосылок. Она приобрела характер дистанционный – то есть внеположенный обществу. На Западе власть есть продукт и следствие гражданского общества, складывающегося в XVIII-XIX веке. В России Власть – предпосылка общества, как Орда была предпосылкой того, что развивалось в северных княжествах в XIV-XV веках.

Кстати, по поводу написания Русской Системы. Мы с коллегой совершили антипатриотический поступок. Слава Богу, что мы это не опубликовали, а то нами бы занялась Комиссия по фальсификации истории. Так вот, мы главу посвятили нашему «самому любимому герою» – Александру Невскому. И со всей страстью молодых людей показали (не первые) подлинную суть этого человека. На наш взгляд, это одна из самых негативных фигур в русской истории, повинная очень во многом. Я могу на эту тему долго распространяться, хотя у меня нет личных счётов с Александром Ярославовичем. Так вот, дистанционный характер русской власти: Петр I уезжает строить Петербург потому, что в Москве ему бы не дали всего этого делать, его бы здесь съело старое боярство. Поэтому он мог править только с дистанции. То есть, это в прямом физическом смысле власть дистанционная! Но она, если угодно, и социологически дистанционна.

Ну, я думаю, моё время уже подходит к концу, оставлю время для вопросов, и если кто-то ещё придёт, то продолжу изложение других позиций.

В.П.Макаренко: Большое спасибо, Юрий Сергеевич! Мы поступим так: бегло зададим несколько вопросов, на реплики у нас особое отведено время.

И.Д.Коротец: Очень всё интересно, но если мы заглянем в существование советского периода, то получается, что это промышленная организация на Руси. А какая субъектность власти, о которой Вы говорите, противоположна

промышленной организации? Это серьёзное противоречие. И я бы попросил Вас очень коротко это противоречие определить.

В.П.Макаренко: Эту тему Юрий Сергеевич не затрагивал. Я ведь просил задавать вопросы по тексту, а в том материале, который мы обсуждаем, 1930-е годы не затрагиваются.

Ю.С.Пивоваров: Можно, я отвечу? Я же сказал, что нет концепции Русской Системы, есть попытка создания концепции. Мы принципиально исходили из того, что не собираемся объяснять всё. Все попытки создания универсальных концепций, к примеру, одна из самых гениальных – это марксистская концепция объяснения всего общества, даже эта величайшая попытка оказалась, как мы знаем, крайне неудачной. Мы совершенно не собирались объяснять – это не в нашей компетенции. Мы не компетентны здесь, но вместе с тем, я могу сказать: то, о чем Вы говорите, не противоречит этой концепции никак. Я готов по ходу нашей дискуссии ответить на это более развёрнуто. Я могу сказать, что уже потом, позднее, когда мы свои работы написали, мы узнали работы одного новосибирского автора – Ольги Бессоновой из новосибирского Академгородка, автора концепции раздаточной экономики. Концепция раздаточной экономики корреспондирует с Русской Системой с экономических позиций. И на Ваш вопрос, с позиции концепции русской системы и раздаточной экономики, вполне можно ответить. Я думаю, здесь никакого противоречия нет.

И.А.Иванников: Меня заинтересовало Ваше понятие «Властная плазма». В связи с этим вопрос: какой у нас политический режим и как Вы его охарактеризуете?

Ю.С.Пивоваров: Я бывший германист, читал работы крупнейшего немецкого социолога Ральфа Дарендорфа. Он сейчас живет в Англии, стал там каким-то лордом, сэром и т.д. У него в «Социологии конфликта» есть понятие «социальной плазмы». Что это такое? Дарендорф говорит: «Вот общество, как сделать так, чтоб оно не перевернулось, как лодка у вас на Дону может перевернуться? Средний класс представляет из себя социальную плазму, где и варится основная часть населения. В рамках этой социальной плазмы купируются, как в киселе, самые острые социальные проблемы. Но в рамках социальной плазмы вырабатываются также формальные процедуры, в рамках которой эти конфликты решаются». А в чём принципиальное отличие подхода Дарендорфа? – он полемизировал с марксизмом. Марксизм настаивал на том, что справедливое и эффективное общество – это такое, в котором не будет антагонистического конфликта. Так мы учили и так нас учили. Дарендорф сказал: «Маркс ошибался, только такое общество жизнеспособно, где есть конфликты; конфликт и порождает развитие. Но одновременно конфликт не должен разорвать общество на куски. Значит, конфликт не должен доходить до стадии антагонизма, конфликт должен купироваться и решаться в рамках формальных процедур, а не на баррикадах, без кирпичей. Вот эта социальная плазма и есть совокупность меха-

низмов и организм, в котором западные общества преодолевают негативную энергию конфликта и сохраняют общество животворным».

Как настоящий сотрудник ИНИОНа, я «забрал» у Дарендорфа все его идеи, и сказал: в России сегодня существует ситуация Властной плазмы, это совершенно другая ситуация. Почему? При большевиках конфликт отрицался, его не было. Современное постсоветское общество говорит: конфликт есть, он признается властью. И если в ельцинский период конфликт раздирал наше общество, конфликт между различными центральными и региональными группировками, то в путинский период, во многом через создание властной вертикали и целого ряда изменений в Конституции и прочих процедурах, создана Властная плазма. Почему я её называю не социальной, а Властной плазмой? Потому, что создана целая армия чиновников, привластных лиц. Они создали некий бульон, в котором варится конфликтная ситуация. У меня получилась такая сложносочинённая штука, но смысл именно такой: если на Западе социальная плазма держится на среднем классе, обладателе собственности, то у нас это Властная плазма. Я исхожу из того, что в России власть и собственность составляют единый феномен. То есть я принадлежу к тому числу исследователей, которые говорят о власти-собственности, едином феномене. Конфликт «Путин-Ходорковский» – конфликт двух частей одного феномена; конфликт, в котором субстанция объяснила функции, кто есть кто, кто хозяин в доме. Власть – хозяин собственности, а не наоборот! Тот, кто властвует, тот и обладает собственностью! Поэтому я и говорю о Властной плазме, но не через правовые процедуры, как у Дарендорфа. Конфликт сохраняется – в этом принципиальная черта современного периода русской истории. Конфликт остается, разрешается, допускается. Я объясняю: Лужкову можно это, Шаймиеву – это, Чубу – это, Прохорову – это, Дерипаске – это, мне – это, а вам вообще ничего нельзя. Я цитирую Черномырдина, который сказал: «Кто сказал, что нужно давать всем?».

Б.И.Буйло: Я бы хотел уточнить. Вы говорите, что Русская Система складывается в XV-XVI веках?

Ю.С.Пивоваров: Да. Мы, два автора, видим Русскую Систему уже в XV-XVI веках. До этого она могла быть – и не быть.

Б.И.Буйло: Получается, что Ваша концепция подобна евразийскому подходу, который начинает исчисление Руси с Московского царства и татарского элемента в русской социальности?

Ю.С.Пивоваров: Вы можете сказать также, что акцентировка власти – это близко к государственной школе русской историографии. Мы что, не читаем книги?

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить, почему именно в XV-XVI веке?

Ю.С.Пивоваров: Была ещё масса влияний: Москва сумела вокруг себя объединить довольно большие земли: монгольское влияние; ряд византийских влияний; и я ещё не брал ряд религиозных моментов. То есть, это целый ряд процессов, которые шли, и о которых я могу говорить довольно долго, по этому

вопросу надо отдельно говорить. Я могу сказать, что возникновение Русской Системы достаточно случайно, она могла и не родиться! Мой соавтор и я отрицаем традиционную для советской науки веру в закономерность исторического процесса. Мы считаем историю открытым процессом. Мы не считаем, что в истории есть законы, закономерности и коридор возможностей. Нет законов, насколько они есть в естественных, точных науках. В этом смысле появление Русской Системы есть случайное событие. В определённом смысле случайное – есть целый ряд причин, которые привели к ее становлению. Я могу, например, назвать такую причину, как завоевание Новгорода. Кстати говоря, Русская Система, видимо, не выжила бы, если бы в своё время не присоединила то, что сейчас называется Левобережной Украиной; может быть, Советская Система не выжила бы, если бы Сталин не присоединил Восточную Европу, и т.д. Это связано и с другими характеристиками Русской Системы, о которых я не сказал. Я понимаю, что не ответил на Ваш вопрос, но готов отвечать на него в ходе дискуссии и дальнейшего рассказа. Это очень важный и принципиальный вопрос – о происхождении Русской Системы!

С.Г.Москаленко: Скажите, пожалуйста, а такие фрагменты отечественной истории, как Киевская, Новгородская, Псковская Русь, – Вы их выводите за рамки Системы?

Ю.С.Пивоваров: Да, конечно.

С.Г.Москаленко: А не отдаёте ли Вы их украинским националистам?

Ю.С.Пивоваров: Я не знаю, кто такие украинские националисты, ни одного не видел. Я люблю очень Украину, – но не видел. Как русский человек могу сказать: многих русских националистов видел и знаю их, а украинцы пусть сами со своими националистами разбираются.

Да, мы писали о Киеве, у нас есть несколько достаточно интересных глав о Киеве. Такой подход к Киеву, как у нас, думаю, не находится в мейнстриме науки, но он достаточно интересен. Мы трактуем Киев как цивилизацию торгового типа. Киевская Русь умерла не потому, что её татаро-монголы разгромили, а потому, что цивилизации, возникающие по поводу торговых путей, существуют постольку, поскольку эти пути актуальны и являются важными для экономических взаимосвязей. А в XIII веке это уже стало исчезать, возникла проблема торгового экономического взаимодействия Севера, Европы и Византии. Мы касаемся Новгорода и Пскова, но это никакого отношения к Русской Системе не имеет. Мы пишем о четырёх возможных путях развития Руси в период с Киевского по ордынско-удельный период истории Руси. Русская Система – это реализация одного варианта, который первым предложил Андрей Боголюбский – вариант Северо-Восточной Руси. Мы объясняем, почему Москва стала центром, и совсем не так, как в учебниках, что там географически она была расположена и т.д. Все это ерунда – Тверь гораздо лучше была расположена. Это было связано с тем, что Москва стала московско-ордынским союзом. Надо иметь в виду, что Даниловичи – те Рюриковичи, которые правили на Москве, –

были дети Александра Невского. Москва воплотила в полной мере союз с Ордой. Она воплотила основную стратегию Невского – бороться с Западом с опорой на Орду, поскольку Орда максимум, что может сделать – это убить, а для христианина физическая смерть не страшна. А Запад хочет перевернуть душу – он хочет перекрестить, католицизировать. Это самое страшное – потеря идентичности. В этом случае Москва была лучшим союзником Орды, проводником ордынской линии на Руси, именно поэтому вокруг неё произошла централизация. Дмитрий Донской пошел на Куликово поле, защищая легитимность Чингизидов против темника Мамаю, который не имел права, т.к он был самозванец, на этот престол. Чингизидовская легитимность – это православная церковь, которая первая в 1260-е годы легитимизировала монгольское завоевание. В русских церквях всего через 20 лет после кровавого завоевания и разорения Руси стали молиться за белого царя! Несколько столетий русская церковь молилась за белого царя – это монгольский хан. Только начиная с XVI века она стала молиться за русского, московского царя. Монголы дали здесь все преимущества; как только возникла Русская Власть, у церкви стали их отбирать, вплоть до большевиков. Да, мы пишем о Новгороде как об одном из вариантов. Мы считаем завоевание Новгорода Москвой трагическим событием для мировой истории. Это привело к совершенно колоссальным мировым событиям.

Р.А.Громов: Мой вопрос касается тезиса о власти как главном и единственном действующем субъекте. А какое место в Вашей концепции может занимать феномен подвижничества? Фигура подвижника – национальная фигура. На мой взгляд, многое, что было достигнуто в науке и в культуре, было достигнуто не благодаря, а вопреки!

Ю.С.Пивоваров: Ну да, я вообще считаю, что были периоды, когда Власть переставала быть моносубъектом, Популяция – Популяцией, Лишний Человек – Лишним Человеком. Тогда Популяция обретала субъектность, Лишний Человек превращался в субъекта истории, а Власть теряла свои моносубъектные, метафизические характеристики. Я ещё не говорил о метафизическом измерении этой власти. Такие периоды были. Например, период пореформенный, между отменой крепостного права и революцией; во времена перестройки в 1990-е годы. Безусловно, моя версия Русской Системы – это не сведение всей русской истории к элементам Русской Системы. Сама Русская Система, если её представить как наличное состояние российской жизни, не охватывает всей России. Россия намного шире и больше, в ней есть многое другое. Эта концепция и не предполагает все описывать, она на это и не поднимает руку. То, о чем Вы сказали, – это совершенно другой взгляд на русскую жизнь, на русскую историю, безусловно, имеющий право быть. Но этот взгляд не корреспондирует с нашей точкой зрения. Как и любая концепция, она имеет ограниченное применение и не универсальна.

В.Б.Рожковский: XIX век очень напоминает попытки создания Русской Системы. А вопрос такой: время сейчас славянофильствует? Готовы Вы согласиться с этим тезисом Эрн?

Ю.С.Пивоваров: Вообще, конечно, интересно то, что «Время славянофильствует» написал человек с немецкой фамилией. Наизусть почти знаю эту статью и очень её люблю. Причём, Эрн никакой не славянофил, славянофил – это совсем другое. Самое лучшее определение славянофильства дал Алексей Хомяков: «Славянофильство – это сомнение в правоте сомнения в России». Это очень тонко. Об этом можно поговорить, но это выходит за рамки. Вообще, я эти термины – славянофилы и западники – оставляю периоду 1840-1850 годов. Уже Эрн употребляет их как метафору. Поэтому сегодня время не может славянофильствовать. Сегодня 2009 год, а не 1849 год. Совершенно другая историческая ситуация, никаких оснований для того славянофильства нет. Русская Система Вам что-то напоминает из XIX века? Нет, ничего не напоминает. Мы люди с опытом XX-го столетия, которого у людей XIX-го столетия не было. Хомяков, Самарин, Аксаковы, Киреевский не знали, что такое советская власть, и еще они очень многого не знали. Это принципиально новый опыт, принципиально новое знание. Конечно, то были гениальные люди. А мы обычные исследователи, но люди с советским опытом, такие как мы, такие как я, уже не могут оставаться в рамках науки XIX века. Более того, я Вам должен сказать: я противник как цивилизационного подхода к истории, так и формационного. Оба эти подхода к истории устарели. Это не значит, что их нет, что эти великие завоевания не нужны, они прекрасны, хороши и западники, и славянофилы, и евразийцы, но сейчас время совершенно других идей и мыслей. А поскольку мы говорим и думаем по-русски, и думаем о России, хотим мы того или нет, мы, естественно, воспроизводим какие-то тексты, которые читали. Наши тексты – это продукт всего того, что мы читали. Это нормально и естественно. Конечно, что-то продолжаем, что-то отрицаем, как и все в своей работе.

С.Г.Москаленко: А как быть с широким областным самоуправлением? Это по поводу плазмы.

Ю.С.Пивоваров: Безусловно, и работы по русской деревне, и работы Хомякова по петровскому периоду очень важны для понимания. Я должен сказать, что не только Александра Невского не люблю, но и терпеть не могу Петра Великого в русской истории. Меня в 1983 году чуть не выгнали из Академии Наук, когда я написал, хотя робко, что Петр не во всем гений был, а было и плохое в его реформах. Я считаю, что реформы Петра – трагические, ужасные по своим последствиям. У меня есть целая концепция раскола России на две субкультуры, – по поводу Петра. Я её уже около 20 лет пишу. Конец XVII века был один из вариантов шанса русского, тот же Голицын. Если бы ему удалось Крымские походы, он бы пришел с победой и остался бы у власти... У него была похожая программа реформ, что и у Петра, кроме одного: Петр всё поставил на рабство, на дальнейшее закрепощение, а Голицыным был, предположи-

тельно, сделан шаг в сторону эмансипации и освобождения основных сословий. Закрепощены были все. Я хочу сказать, что конец XVII века – это была одна из возможностей России выйти за пределы. Я противник Русской Системы, противник Власти как моносубъекта. Я описываю это, но как нормативность фактического. Мой коллега является её певцом, почему мы и разошлись. Я являюсь её критиком. Я вижу, как в русской истории были периоды, когда мы могли выйти из этого проклятья, из этой ситуации. Это один из этих периодов. Как царская, так и советская историография оболгали совершенно предпетровский период. Когда там рисуют каких-то совершенно просвещенных птенцов гнезда Петрова и каких-то толстобрюхих дураков – бояр, то наоборот! То была утончённая и просвещённая аристократия, которая хотела медленно и спокойно проводить реформы. Напротив, «птенцы гнезда петрова» – это бандиты просто, это новые русские. Это те, которых мы знаем, которые покупают Челси и проч. Они были вокруг Петра, он на них опирался. В этом тоже была трагедия – он опирался на худшие силы в русском обществе, на весь этот международный сброд. В отличие от Голицына и других иных. Да, это был громадный шанс.

В.Н.Кирой: У меня такой вопрос. Одно основание Вашего треугольника – Популяция. Я хотел бы услышать более подробно определение термина. Если это биоценоз – то это одно, а если это особи одного вида, живущие на определённой территории? Что это?

Ю.С.Пивоваров: Ничего не понимаю в биологии, только то, что проходил в школе. Я сразу понял: это вопрос профессионала к непрофессионалу. Я повторяю: Популяция – это народ, население страны, которые лишены субъектности, субъектной энергии, которые являются объектом чего-либо. Это тот самый, молчащий столетиями русский народ, только иногда не молчащий. Это тот самый русский народ, который, если говорить историко-социологически, находился в состоянии крепостного права, рабства. Он был лишен исторической субъектности, не играл исторической роли, а та роль, которую он играл в восстании Пугачёва, была роль разрушителя. Что касается Лишнего Человека, – это те, которые не перемолоты Русской Системой, это та часть, которая не лишена субъектности. К примеру, казачество, дворянство, интеллигенция – это те люди, которые играли какую-то контр-игру с властью, противостояли ей, иногда работали на власть. Это разные вещи. Лишний Человек – это та сторона треугольника, которая как бы развивает устойчивость Русской Системы. Бывали периоды в русской истории, особенно перед революцией 1917 года, когда Лишний Человек превращался не в лишнего, а в подлинного человека русской истории. Итак, Популяция – это та часть населения, которая лишена субъектности, а Лишний Человек – это та часть популяции, которая не лишена субъектности, и поэтому не популяция.

В.Н.Кирой: Тогда давайте зайдём с другой стороны. Часть, которая лишена субъектности, развивается по своим законам, а та часть, которая не попадает

– развивается по своим законам. Они корреспондируют между собой хоть каким-то образом?

Ю.С.Пивоваров: Я могу Вам ответить – это действительно сложная вещь. Очень сложно всю жизнь прожить в науке и не придумать сложную вещь. В-первых, относительно Популяции, – мы вообще не описываем популяцию. А надо было, так как это жизнь русского народа, и без неё совершенно не понятно, её надо описывать. Мы потомки, в общем, Популяции.

В.Н.Кирой: Вот мы здесь популяция!

Ю.С.Пивоваров: Я думаю, сегодня уже нет! Что касается Власти, то для нас власть – понятие метафизическое. Более того, загадка Власти заключается в конфликте между физической природой персонификатора власти и её метафизической природой как власти. Русская Власть всегда персонифицирована! Да, Ельцин говорил (сам видел по телевизору – это в Сергиевом Посаде, когда он у умершего Патриарха был в 1996 году поддатый, и вышел на балкон): «Я есть президент от Бога». Вот это ощущение – я, моя власть. Это персонифицированная Русская Власть. А русский царь – это икона, живая икона, живой Бог. Сталин – живой Бог, а в 12 часов 31 декабря 1999 года Ельцин вылез на телевизор и сказал: я ухожу, вот вам наследник – этого наследника никто не знал. И буквально через несколько месяцев у так называемого наследника рейтинги стали такие, что он стал тем, кем он является по сей день. Власть абсолютно персонифицирована – его никто не знал, кроме нескольких сотен бюрократов, которые сидят наверху. Что касается власти, то привластные группы различны, они обслуживают власть. Это может быть чиновничество, бюрократия, дворянство, – они совершенно материальны и не метафизичны. Но это уже детализация.

Когда я говорю о персонификации власти, это значит, что западная власть деперсонализирована. Джордж Буш был президентом! Теперь он никто. Там власть носит абстрактный характер, у нас она носит совершенно телесный, физиологический характер. Что в России власть? Раньше было два лица, сейчас одно. Должен Вам сказать, что бываю в Кремле и ни одного портрета Владимира Владимировича уже нету, тотчас же сняли. Неважно, что пишет пресса, кто главный, в Кремле только Дмитрий Анатольевич, его портреты висят. Это власть всегда самодержавно-персоналистическая. Я глубоко убеждён, что у власти в этом тандеме останется президент. Не потому, что он умнее, моложе, образованнее. Целый ряд русских традиций играет в пользу первого лица. Так же, как мои старшие знакомые из бывшего ЦК говорят: «Ты не можешь представить, насколько власть даже слабого и дряхлого генсека была выше относительно молодого и влиятельного члена Политбюро!» Черненко или Леонид Ильич в старости – это все равно была икона для членов Политбюро, не то, что для всех остальных. Я в Центре Горбачёва видел многократно, как Горбачёв более старшим людям, членам Политбюро, Вадиму Медведеву и т.д. говорил: «А ну-ка ты, беги туда, закрой там форточку». Вот русская традиция!

В.П.Макаренко: Я вынужден прервать вопросы, оставить их на дискуссию, так как мы не соблюдаем регламент. Дискуссия развернётся после трёх докладов, каждый может выступить с развёрнутым изложением своей позиции в течение 10 минут. Сейчас выступлю я с докладом «Концепт русской власти»¹.

* * *

Продолжение работы творческой мастерской (вопросы по докладу В.П.Макаренко «Концепт русской власти»).

Т.А.Марченко: Не является ли концепт гражданского сопротивления разновидностью политической мифологии?

В.П.Макаренко: Конечно, невозможно идеальное общество и государство. Вопрос в том, когда появляется понятие гражданин. Например, Юрий Сергеевич сослался на работу Г.Алмонда и С.Верба о гражданской культуре. Эти авторы на основе методологии М.Вебера противопоставили идеальные типы гражданина и верноподданного. Отсюда вытекает, что гражданское сопротивление существует там и тогда, где и когда существуют граждане. Из понятия гражданина следует также определенная политическая теория. Я имею в виду, прежде всего, теорию политической критики Майкла Уолцера. Политическая критика включает множество жизненных и мировоззренческих позиций. Но мера их практического воплощения всегда представляет проблему, даже в Европе.

Это первая часть ответа на вопрос. Теперь вторая. Если иметь в виду политическую историю XX века, то можно исходить из того, что в ней были практически воплощены различные формы сопротивления. Это позволяет отвергнуть противоположность между тоталитаризмом и модернизацией, которую предлагают либералы. Взамен я предлагаю альтернативу между сопротивлением и коллаборационизмом. Например, использование московскими князьями чужой власти (в данном случае татар) для подавления своей Популяции – отечественная разновидность властного коллаборационизма. Чужой властью здесь выступают те, которые номинально принадлежат к одному народу. Сопротивление тоже может быть разное. Например, Кондратий Булавин остался воевать с холуями Петра I и потерпел поражение. Атаман Некрасов увёл своих казаков вначале на Кубань, потом в дунайские плавни и остался там, под турком. Потомки казаков-некрасовцев служили в турецкой армии, воевали с русскими солдатами во время Первой мировой войны. Это конкретный пример преобразования внутреннего сопротивления власти во внешнее. Таких форм сопротивления довольно много. Это острая политическая проблема. Например, мужество в боях с внешними врагами нередко сопряжено с гражданской трусостью, а гражданская смелость тоже часто преобразуется в трусость на поле боя. Я показал, что понятия коллаборационизма и сопротивления эвристичнее понятий модернизации и тоталитаризма. Концепт гражданина можно записать в Конституции, а в реальности его нет (или есть частично), подобно нынешней России.

¹ См. в настоящем номере.

Г.С.Денисова: Не могли бы Вы кратко, в сжатой форме прокомментировать системные характеристики Русской Власти в Вашей концепции.

В.П.Макаренко: Чтобы не прибегать к риторике, я ограничусь намеком. Например, в течение семестра мы изучаем философию истории Гегеля. Комментируем высказанные им суждения. Заставляем студентов искать ответы на вопросы, которые вытекают из конкретных работ. Посылаем их в библиотеки: ищи комментарий того, что написано о философии истории Гегеля. Я тоже посоветовал бы Вам пойти в библиотеку и узнать мой ответ на вопрос о различиях между характеристиками русской власти Ю.С.Пивоварова и моими.

Г.С.Денисова: Тогда некорректно поставлено название нашего семинара: «Диссонансы или созвучия концептов?» Я не могу понять, где они созвучны, а где нет?

В.П.Макаренко: Я Вас понимаю, Галина Сергеевна! Я прочёл, что написал профессор Ю.С.Пивоваров, проконспектировал его текст. У меня заготовка примерно на 40 страниц. Далее я покажу на основе разборов конкретных положений Ю.С.Пивоварова сходство и различие наших подходов. Общими рассуждениями здесь не обойдешься.

С.П.Поцелуев: Виктор Павлович, в каком смысле Систему Русской Власти можно назвать аномальной системой?

В.П.Макаренко: Все зависит от понятия нормы. Существует или нет некая универсальная норма? На этот вопрос одного ответа нет. Дуглас Норт вводит понятие аномалии, и на этой основе создал целое направление в социо-гуманитарном знании. Но проблема остаётся дискуссионной. Если мы согласны с позицией Канта: никаких норм в социальном бытии и мышлении существовать не может – тогда возможен один ответ. Если согласны с Гегелем, Тойнби, Фрейдом, Юнгом и прочими, которые постулируют существование неких абсолютов, то возможен другой ответ.

С.П.Поцелуев: Меня интересовала Ваша позиция. Можно говорить об аномальности или нет?

В.П.Макаренко: Да, можно. Я ввожу понятие человеческого абсолюта, соединяя концепт человека с концептом негативной свободы от внешних обстоятельств. Я определяю человека как негативную свободу от самых распространенных человеческих страстей: материального своекорыстия, властолюбия (*любоначалия*, в терминологии А.С.Пушкина), стремления к духовному господству. Таков мой методологический идеал. По отношению к нему никакая социальная и политическая система не является нормой. Есть целые направления мысли и действия, которые провозглашают приоритет материальных ценностей и считают это нормой. Но если мы начнем изучать реальную историю, например, историю концлагерей, то убедимся, что даже в нечеловеческих обстоятельствах некоторые люди не поддаются искушению. Они даже перед лицом смерти могут сохранять человеческое лицо. Большинство не может. Из богатой литературы о концлагерях приведу лишь один фрагмент: утром обычно

приносят в барак пайку на всех добровольцы; а другие набрасываются на них, отталкивают и пожирают все, не думая о соседях, подобно собакам! Значит, даже в таких обстоятельствах одни индивиды живут с нравственным императивом, другие уподобляются животным. Если мы согласимся с концепцией человека как животного (а это целая традиция консерватизма, существует и направление биосоциологии) и скажем: человек в большей степени животное, нежели нравственное существо, то мы оправдаем эти действия. Но есть и ряд противоположных примеров: Христос изгнал из храма торговцев; в христианстве существуют такие ветви, которые называют греховным занятием торговлей и считают, что любое своекорыстие принадлежит к числу семи смертных грехов. Я думаю, на этой основе возможен синтез религиозных и светских идеологий.

И.Д.Коротец: А можно ли дать определение абсолюта, не определяя его позитивно?

В.П.Макаренко: Я же определяю. Вначале давайте разберёмся с негативной стороной!

Ю.С.Пивоваров: Можно, можно! Есть апофатическое богословие! Можно.

В.П.Макаренко: Разъясняю: речь не идёт о чисто теоретических вещах. Например, после аспирантуры мне предлагали стать заместителем декана философского факультета. Я тогда отказался! Почему? Потому что чётко представлял: занятия наукой несовместимы с властно-административными функциями. Это – предмет практического выбора. Но для большинства он вообще не стоит, не существует как проблема! Для них наука всегда на подхвате, как средство обретения статуса и т.д. Не надо же рассказывать, что в самой академической структуре с помощью должностей возможны самые разные вещи!

Ю.С.Пивоваров: А можно и мне ответить на этот вопрос? Не пополемизировать с Вами, а занять другую точку зрения. Мне кажется, это не очень корректный вопрос: «Можно ли назвать систему русской власти аномальной?» Представьте себе такую ситуацию: Система Русской Власти, предположим, признается аномальной. Виктор Павлович склонился к тому, что с определённой точки зрения, при введении определённых ценностей эта система аномальна. Хорошо, тогда система русской экономики аномальна, система чего-то ещё – тоже аномальна. Теперь давайте посмотрим: совокупность систем русской жизни на протяжении всей своей жизни были аномальными! Может ли нормальный человек, трезвый, занимающийся наукой и при звании, помыслить, что на протяжении тысячи лет некое общество и некие люди живут в условиях аномальности по всем направлениям? Я себе такое помыслить не могу. Более того, я вам должен сказать, что если мы признаем эту систему аномальной и встанем на позиции Виктора Павловича, его абсолюта, то мы должны признать, что те люди, которые здесь живут на протяжении тысячи лет, не подлежат этой абсолютной точке зрения, – они тоже аномальны! Ну, если эти люди аномальны, то они и порождают аномальную ситуацию. Это чисто формальная логика!

Я думаю, эта система не аномальна. А знаете, почему? В этом году исполнилось 200 лет с того дня, как великий русский юрист Сперанский по предложению Александра I написал проект первой русской Конституции, которая была отвергнута. При жизни Сперанского она не была реализована. В 1864 году, когда была Земская реформа, реализовали нижнюю часть его проекта: земская реформа, управление новыми губерниями и уездами. 23 апреля 1906 года Николай II от своего имени даровал русскому народу первую Конституцию. Это была полная реализация плана Сперанского, то есть, с небольшими изменениями была реализована идея Сперанского. Эта Конституция действовала до 1917 года. Потом она рухнула. 12 декабря 1993 года многие из присутствующих, наверное, участвовали во всенародном референдуме по поводу принятия Конституции, которая сейчас называется Ельцинской, когда участвовало всего 25%, и 13% ее поддержали – она действует. Эта Конституция является римейком конституции Михаила Сперанского, причем перед Вами сидит человек, который знает двух авторов российской Конституции, он их интервьюировал. Это Сергей Шахрай и Сергей Алексеев, член академии из Екатеринбурга. Я у них спрашивал: «Вы Конституцию Сперанского читали?». Оба когда-то читали. Но когда они писали эту Конституцию, они не думали о Сперанском. То есть, через 200 лет после Сперанского у совершенно других людей рождается Конституция, где властная конфигурация прочерчена абсолютно так же! Можно ли назвать эту ситуацию аномальной?

Это значит, что есть некое, извиняюсь за метафору, дыхание почвы. Есть некая органическая традиция, которая пробивает себя именно в этом виде. Причём там было только одно несоответствие – у Сперанского был наследственный император, а в Конституции Ельцина – выборный президент. Но он имел такие полномочия, что известный политолог Лилия Шевцова назвала это выборным самодержавием. Как вы знаете, теперь и выборного самодержавия нет – все наше выборное право, которого не было у Сперанского, сведено к тому, что президента выбирает один человек. То есть один человек выбирает одного человека. А мы это регистрируем определённым образом: Ельцин выбирает Путина, а Путин выбирает Медведева. Путин прямо сказал: «Моя задача – вырастить наследника». Я цитирую! И он его вырастил. Даже это подработало – двести лет прошло. Говорили про какие-то индустриальные дела – эти дела прошли, рухнули. А через двести лет Россия живёт по все той же властной модели. Можно ли назвать эту модель аномальной, если она органически возникает, неожиданно возникает! Когда её никто не хотел повторять, она опять возникает! Эта ситуация не аномальна, если судить изнутри русской политической системы! Это нормативность фактического! Это и есть русская норма.

В.П.Макаренко: Я ещё немного в развитие своей позиции скажу. Недавно я прочёл книжку Игоря Бирмана «Я – экономист». Это – известный экономист, в СССР он находился в конфликте с КГБ, в 1970 годы эмигрировал в США, там вступил в конфликт с ЦРУ. В 1991 году он написал книжку «Реформа экономи-

ки абсурда», в которой показал: система экономики, которая существовала в странах советского блока, является абсурдной. Почему я это вспомнил? В книге «Аналитическая политическая философия» я обосновываю идею: политика – это практическое воплощение абсурда. Но в рамках определенной нормативно-оценочной системы! Это когда мы уточняем понятие «рациональность» через достижение целей. Начиная с Макса Вебера, эта проблема является дискуссионной: надо разводить материальную, формальную, субстанциальную, социальную рациональность и т.д. Универсального понимания рациональности не существует. Но концепт политики как практической реализации абсурда позволяет описать те формы, которые мы видим. Некоторые рассматривают это как норму. Вот проблема.

Слово профессору Ирине Игоревне Глебовой.

И.И.Глебова: Уже подошло время заканчивать, все устали, наверное. Выступали двое мужчин, два мэтра, я постараюсь периферийно и кратко.

Тема моего доклада: «Переход от советизма к постсоветизму – кратократический транзит». Я не ставлю методологических задач, не излагаю концепций, а просто изложу свое мнение. Что-то происходило на рубежах 1980-90-х, потом в конце 1990-х – начале 2000 годов с нами, со страной, с властью, с обществом. Все ощущали, что произошло, и как мы живём. Есть разные объяснительные модели, которые к этому переходу предлагаются. Одним из самых популярных и влиятельных направлений было направление транзитологии в 1990-е – начале 2000 годов. Причём это как раз тот вариант, когда концепции, возникающие в рамках западной науки и механически перенесённые в нашу страну, не то что не работают, а вызывают такие абсурдистские реакции, требуют нашу реальность называть как явно не нормальную. Эта транзитологическая идея или концепция возникла в 1970-х годах в американской науке, и она прикладывалась к тем процессам, которые происходили в Латинской Америке при переходах от авторитарных режимов к режимам более открытым, либеральным и демократическим. После падения этих систем и после падения СССР возникло желание приложить эту концепцию к странам Центральной и Восточной Европы, что отчасти удалось и сработало, наверное. И приложить к бывшему СССР-России. Среди российских политологов эти идеи развивал профессор Андрей Юрьевич Мельвиль. Но практика показала, что Россия в варианте линейном, последовательном – от некоего пункта А (общества тоталитарного) к пункту Б (обществу демократическому) – двигаться не пожелала. Она двигается, явно, по-другому. Если описывать это движение пунктами, то это скорее движение от пункта А в пункт А, а может быть от него – и дальше куда-то назад. Я попыталась понять, что это за переход. Он адресует прежде всего к каким-то культурным вещам, как это делает Юрий Сергеевич. Исходила я из того, что русская цивилизация власте-центрична, и поэтому я предположила: главное, что изменялось, происходило и определяло этот переход – это те изменения, которые произошли с властью. Ведь не случайно именно власть инициировала этот переход. Необра-

тимостью ему придали не общественное мнение и не общественное движение; необратимость распада административных структур, властных структур и властных отношений – это все очевидно. И я решила, что возможно предложить для описания этого перехода идею кратократического транзита.

Это понятие позволяет описать многообразные по форме и содержанию процессы перехода от одного состояния власти – советского, к другому – пост-советскому состоянию как способу организации власти. От состояния, которое перестало соответствовать определённым условиям, к состоянию, которым эти изменения соответствуют. Содержательно транзит был связан с модернизацией власти в ответ на вызовы. В рамках этого транзита была преодолена неспособность старой советской власти контролировать выросший из неё социальный порядок. Власть начала этот переход, чтобы скорректировать своё поведение в новых условиях, восполнить все дефициты, которые были порождены новой социальной реальностью, как внутренней, так и внешней, мировой. Смысл этих перемен, которые мы пережили, заключается во введении и институционализации неких новых «правил игры», которые требуются для эффективного решения очередных властных задач. А каковы они, мы все понимаем, об этом много пишут. Сейчас властный курс подчинен эксплуатации наличного ресурсного потенциала, распределением и перераспределением ресурсных доходов между элитными группами и основными хозяйствующими субъектами. Эти процессы идут от контрольной власти, которая придает им менее эффективный, организованный, более или менее справедливый характер. В результате эта властная бюрократическая вертикаль обрела качества бизнес-вертикали, которая теперь изменилась и стала даже преобладать во властной модели.

Теперь об идее демократии, которая тоже очевидна в рамках этого транзита. Идеи демократии и демократическая практика парадоксальным образом использовались властью как технологии самовыживания и самоорганизации, которая обеспечивала движение власти от себя прежней к себе новой. Т.е. демократия каким-то ненормальным, с точки зрения западной политической науки, а для нас вполне естественным образом стала той средой, в которой развернулся авторитарный режим. В этом главный парадокс тех процессов, которые происходили. Власть была субъектом этого процесса. Смысл транзита заключался как раз в том, чтобы дополнить какие-то дефициты этой самой субъектности. Смысл транзита заключался в том, чтобы сохранить прежние субъект-объектные отношения с обществом. При этом происходили некие процессы, которые можно охарактеризовать как демократические. В конце 1980-х – начале 1990-х годов для нашего общества открылись возможности самоорганизации, обретения субъектности различными социальными силами и институционализации представительства разных социальных интересов и открытой конкуренции. Об этом много писали, это тоже известно.

В конечном счёте, возникла возможность качественной трансформации основ общественного порядка, и отчасти эти возможности были реализованы

лишь отчасти. Но открытые возможности – это не такая реальность. И здесь как раз показательна судьба этих институтов демократии. Сейчас они не столько мешают власти, сколько становятся совершенно не существенными для решения её задач. Единственное назначение этих демократических институтов – презентационное. Они гарантируют лояльность западных политических партнёров, имеют характер легитимации власти и сохранения возможности презентации власти своему внутреннему сообществу как демократической, что есть аналог современности.

Здесь возникает вопрос: а что такого в этой модели и что такого в обществе произошло, что оно на такой переход согласилось? То есть, как произошло, что в России утвердилось политическое устройство, которому более всего подходит определение самодержавной демократии, в её различных вариантах – выборное самодержавие, преемническое самодержавие, как при Путине? Или вот такой вариант правительства, как нынешняя модель Медведева-Путина? Я полагаю, что наша самодержавная демократия – это не только демократия самодержца, это и демократия самодержавного народа. Почему-то наши граждане на такой вариант идут. Я не могу сказать, что у меня есть полный, абсолютный ответ на этот вопрос, но я предполагаю, что главной для нас стала следующая вещь: на рубеже 1980-90-х годов во время демократического обновления перед российским социумом и нашими гражданами встал такой вопрос: чего мы хотим? Свободы или несвободы? Так вот поиски свободы нашим обществом – всем обществом, и верхами, и низами, и массами, и элитами – закончился, в основном, отказом от неё, и русский человек со свободой в конце XX века не справился. Мне кажется, что наши отношения со свободой можно описать таким метафорическим образом: мы двигаемся от идеи опьянения свободой в её анархическом воплощении к тяжелому похмелью и снятию этого похмелья тяжелой, сильной рукой.

Я думаю, не надо много и долго рассказывать, что происходило в это время. После того, как это происходило, русский человек начинает бояться самого себя. Он вспоминает о государственной опеке и принуждении, о социальном величии и ведущей роли державы. Такого испытания свободой, иначе говоря, испытания на сложности, на вызовы, которые несёт с собой современность, видимо, наша культура не выдерживает. Она не находит достаточной глубины и сложности, богатства, чтобы с ними справиться. Но мы идём очень интересным путём. Феномен Путина как социально-политического явления, а не личности, на мой взгляд, в том и заключается, что через него выразилась и персонифицировалась эта тенденция – общество надорвалось от такой свободы и пошло на компенсаторное ограничение, добровольно пошло на рабство. И вот эта победа социальных тенденций к несвободе привела к усилению власти и сокращению сверху объёмов существующих свобод. Очень интересна операция по сокращению, которую провели совместно власть и общество. Сначала свободы были квалифицированы как бесполезные и вредные, были изъяты и уничтожены, а

полезные сохранены, причём полезные в одинаковой степени верхам и низам. Так вот, власть должна была найти человека, который бы этим вызовам, этой тенденции отвечал бы, который бы её персонифицировал, и им был В.В.Путин.

Почему победила такая свобода? Потому что свободу связывают с нестабильностью, беспорядком, анархией, со всевозможными диссонансами, которые проявляются вокруг нас и внутри нас. И это воспринимается, во всяком случае, массовым человеком, – это регистрируют социологи того же Левады-Центра, о котором сегодня говорил украинский коллега – как анархия, как нарушение некой нормы. Очень важно было в 2000-е годы эту норму восстановить. Свобода была принесена в жертву установлению устойчивых, понятных и привычных условий существования. Сейчас опять все знают, что будет завтра, поэтому в этих условиях мы адаптируемся, подключая какие-то привычные адаптационные механизмы. Кстати говоря, ставится под сомнение миф о том, что хорошо выживает русский человек, ко всему приспосабливается. Видимо, нет. С появлением свободы выбора, с выбором вообще, видимо, русская культура справляется плохо. А ограничение выбора, причем это ограничение для всех – для верхних слоёв, для элитных групп и для господствующих групп, – это ограничение упрощает жизнь и делает её более предсказуемой. В этой ситуации срабатывает привычка, терпение и привычная адаптация. И то, что такое существование вполне понятно и привычно, обеспечивает власть и заставляет идти на то, чтобы она продолжалась, на то, чтобы она была неизменяемой. И она остается неизменяемой в том смысле, что Медведев – это Путин сегодня. Так вот мне кажется, что именно поэтому Медведев – это Путин сегодня, и за это наш человек будет голосовать.

Определённую эволюцию мы все-таки претерпели, и это сказалось на качестве транзита. Повторю: наше общество отстает себе часть свободы, полезной для него и одновременно полезной для власти. Потому что очень легко налаживались контакты с обществом на этой основе. Большею частью эти свободы социально-экономические, потребительские, свобода частной жизни и частного бытового самоопределения. Вот это то, что общество для себя оставило, то, что является необходимым элементом нашего социального организма, то, что наше общество оказалось способным переварить. Мне кажется, сейчас общество и власть вышли на компромисс между порядком и свободой. Порядок – это властная вертикаль, назначение которой – сосредоточить весь объём свобод наверху. Свобода – это сохранение того объёма, которое общество согласно для себя оставить и способно переварить. Это такой вариант демократизации – мы отказались от прав политических, и в этом смысле от демократии. Мы согласились на право частной жизни, потребительской и экономической свободы, и в этом смысле это демократия в таком, на мой взгляд, демократическом, частнособственническом варианте. Власть на это согласилась – это можно рассматривать как «откат» обществу за то, что оно оставило власти режим неограниченного, самостоятельного, автономного властвования. И откат здесь да-

леко не ругательство, не употребление терминологии из неправильного словаря. Кстати, наша власть в персонифицированном её виде постоянно этот словарь использует. И это не случайно, это отражение её качества, так же, как и употребление бизнес-терминологии, дворовой терминологии, современной политической терминологии: если это соединить, то и получается такой микс современной русской власти. Как мне кажется, дальнейшие социальные отношения будут развиваться в рамках этого отношения, в рамках этого компромисса. Говорить о наиболее существенных проблемах и перспективах современной России нужно, ориентируясь на этот компромисс.

И последнее, что я хочу сказать, буквально несколько положений. Возникает вопрос: насколько нова эта система? Ведь настаивают на её принципиальной новизне, отличии от советской и т.д. На мой взгляд, на сущностном уровне в случае с постсоветской системой мы имеем дело не с рождением системы новой, а с адаптацией прежней к эрозии и развалу. Как и почему произошла эта эрозия и развал советской системы? Скорее всего, советская система не выдержала изменения и модернизации, притом, что не любит никто этого слова, тем не менее такое явление есть. Можно по-другому сказать: не выдержала испытания вызовами, и произошло крушение. Но это очень интересное крушение, – в результате крушения выжило и укрепилось то, что вызревало в недрах системы в сталинские периоды, особенно в 1970-80-е годы. Это легальные и теневые институты, стратегии, ориентации, ожидания, которые составили основу современного массового, потребительского социального порядка. Поэтому гибель советской системы можно рассматривать как своего рода сделку между властью, элитными группами и обществом. Цель этой сделки – добить и окончательно разрушить основы ленинской, массово-мобилизационной модели социальности и помочь утвердиться брежневской, коррупционно-ресурсно-потребительской модели. Но это – унификаторы тенденций, это не конкретные люди. Речь идет о направленном развале советской системы. В ходе этого развала уничтожению подверглись советские структуры и нормы, которые бы создавали и помехи этому коррупционно-ресурсно-потребительскому варианту развития, а по инерции они потянули много от советской системы, в том числе и лучшее. Ещё раз скажу: советское общество и власть есть продукты распада этой системы, которые приспособляются к новым социальным обстоятельствам. Эта адаптация, как социологи в массе отмечают, возможна только в негативной и понижающей форме, как привыкание к переменам и компенсация реакции на развал в дефицитах, комплексах, то есть всего того, что может обеспечивать современная власть. С различными акциями, различными движениями и имитационными выходами на общество.

Главная проблема нашей эпохи, и в большей части для власти, – как распорядиться наследием СССР? Постсоветизм, как мне представляется, если принять это определение, нацелен на эксплуатацию той части населения, которой позволяет выжить и устроиться в современном мире. А это – ресурсная база и

национальные запасы в широком смысле слова. Как системные, то есть природные, ресурсы, так и индивидуальные – это административные статусы и все возможности, которые они дают. Доминирующий способ эксплуатации тоже известен – это вывоз и конвертация, или вывоз или конвертация с помощью коррупционных механизмов индивидуальных запасов, сокровищ, денежной массы. Вот это эксплуатационные задачи и моменты, которые представляются мне главными и которые решают власть и господствующие группы. Им соответствует модернизационная задача создания новых социальных сегментов – экономических, – посредством которых возможна интеграция в современный мир. Это – банковская и финансовая системы, сфера обслуживания, информационная среда в современном смысле слова. Соединение этого рождает то, в чём мы сейчас живём. Многие из старой системы оказались ненужным потому, что в рамках старой системы не работало, не подлежит сохранению и разрушается естественным образом. Мы это наблюдали на протяжении 90-х годов, и продолжаем наблюдать сейчас.

Излишнее для постсоветизма наследие – это промышленное производство, большая наука, сельское хозяйство как результаты советской индустриализации и коллективизации, культурной революции. Вместе с ними рухнули и были маргинализированы целые слои, которые за все эти вещи отвечали. В определённом смысле это наиболее образованные, производящие и кормящие слои. Отечественное производство, которое было поставлено на научно-техническую, высокотехнологичную основу, сейчас подменяется или замещается ввозом продуктов питания, промтоварами, технологиями и прочим. Можно сказать, что нашему социальному организму соответствует примитивный товарообмен сырьевого потенциала на готовую продукцию. В этом смысле мы очень похожи на натуральный товарообмен Киевской Руси – можно проводить исторические параллели. Очевидно, что такой организм, в рамках этой логики, ориентирован на принципиальную деиндустриализацию и демодернизацию. И это тоже сейчас очевидно, это – составляющие этой социальности. Парадокс ситуации в том, что деиндустриализация, демодернизация и их возмещение, такая точечная модернизация и точечное создание таких производств – они губительны для страны, но выгодны элитам. Они позволяют контролировать процессы эксплуатационные и тенденции модернизационные. Элиты нацелены на потребление, и в рамках этой потребительской модели они вынуждены делиться с массой народонаселения, что и делают по остаточному принципу.

Таков результат кратократического транзита для элит, для власти. С основной массой населения, с популяцией, тоже всё достаточно очевидно – сейчас мы ориентированы, в основном, потребительски. Нельзя сказать, что эти вновь созданные условия нам совершенно не подходят и нас совершенно не устраивают. Наоборот, если посмотреть, все обязаны той частной личной жизни, в том индивидуальном благоустройстве, и так или иначе готовы смириться с существующим порядком и дистанцироваться от него. Потому, что советский чело-

век в его постсоветском варианте получил то, чего он был лишён в рамках старой советской системы. В этом смысле не только власть может расцениваться в рамках кратократического транзита как победоносная, но и сам постсоветский человек себя вполне адекватно ощущает. Здесь, как раз, можно примерить в рамках этой системы, которая является даже более несправедливой, и точно является гораздо менее справедливой, чем постсоветский порядок.

Б.И.Буйло: Насколько я понял, Вы сегодня превращаете Россию в полуколонию, в разваливающееся государство?

И.И.Глебова: Это известные данные, и они не то, что непонятны, их никто не хочет принимать! А вот как это оценить – полуколония, или как-нибудь еще?.. Совершенно точно: мы – не сверхдержава. Мы региональная держава, с таким вот вариантом адаптации к современной экономике.

Б.И.Буйло: Так я не пойму, с чем мы должны согласиться, с этим?

И.И.Глебова: Я не говорю, что должны, я говорю, что соглашаемся. У меня было такое ощущение: все получили вольную, и в рамках этой вольной возможно какое-то самообустройство, какие-то общественные инициативы. Но вот как-то никто с этими инициативами не выступает!

Б.И.Буйло: Я просто хотел уточнить: в элитах были какие-то партии, какие-то группировки, к которым мы не могли примкнуть в начале 1990-х, которые могли альтернативой стать той самой ситуации, которая была? Быть может, у людей просто не было выбора в начале 90-х? Им навязала это власть, и выбирали из худшего, так как лучшего просто не было?

И.И.Глебова: Ну, можно трактовать это и так, да! Это навязанные сверху условия существования. Но это те условия существования, на которые мы согласились, хотя бы тем, что основным вариантом адаптации к ним выбрали вот этот пассивный вариант. Был такой исследователь известный, Эдгар Морен. Про советских граждан он говорил, что они адаптируются, пассивно сопротивляясь власти, сотрудничают с властью, сопротивляясь ей, и сопротивляются, сотрудничая. А из этого какого-то иного выбора не получается. Из этого получается то, что у нас получилось.

Б.И.Буйло: Ну, а реформы-то провалились, и найти виновных не смогли.

И.И.Глебова: Видите, вы весь негатив и всю ответственность возлагаете на власть и господствующие группы. А я сказала, что это общие вещи, это такой совместный проект, совместный кратократический транзит, это один из вариантов.

Б.И.Буйло: Я поэтому и хочу понять, что люди получили?

И.И.Глебова: Я обозначила, что люди получили. Выйдите на улицу и посмотрите, что люди получили. Это возможность заниматься трудовой деятельностью, индивидуальной; возможность выбора своей бытовой частной жизни, выбора, в общем, неограниченного. Нельзя сказать, что кто-то давит и указывает, что созидает и учит постоянно. От этого назидания можно легко уйти!

Б.И.Буйло: И что, ради этих свобод они отказались от политических свобод?

И.И.Глебова: Получается, что так!

Ю.С.Пивоваров: А можно, я добавлю? Вот Вы говорите, что не к кому было присоединиться, выбирали из худших. А что ж Вы выбирали – надо было своё породить! Смотрите: российское общество в 1991 году могло само породить нечто, но оно не породило нечто. Вы сами это фиксируете, что оно так и было. Выбор между Ельциным и Зюгановым – небогатый выбор. Ну хорошо, тогда почему российское общество не породило каких-то других людей? И сегодня в обществе ситуация ненормальная, есть один голос, и это голос Кремля, больше ничего нету! Тогда я спрашиваю общество – что ж оно молчит, пусть говорит! Пусть появятся люди, которые будут формулировать интересы общества! Но русское общество не хочет этого! А получили тогда очень многое. Я впервые в Вашем городе, мы ехали по улице Малиновского, там были сплошные автомастерские, бани и т.д. Вы можете себе это представить в 1975 году? Я – нет! Мечтали об этом в 1975 году? Да. Получили. Березовский в крупных размерах, остальные в мелких! Человек хочет – работает, не хочет – не работает, безработица – это другая тема! Хочет в церковь ходить – ходит, не хочет – не ходит.

Запад построен на том, что называется privacy – частная сфера, куда государство не лезет, откуда оно отползло и сказало: «Ребята, у вас там медицина, ну лечитесь, как хотите, детей в детских садах – тоже, как хотите, сами занимайтесь!»

Б.И.Буйло: Смотрите, Вы же сами говорили о русской власти и становлении русской системы с XIX века. А в Смутное время тоже была бытовая свобода, в силу того, что власть рухнула!

Ю.С.Пивоваров: Нет!

Б.И.Буйло: Почему? Бояре практически не контролировали государство.

Ю.С.Пивоваров: Это была ситуация гражданской войны! Ситуация хаоса – это другое!

В.П.Макаренко: Я прошу дискуссию отложить и задавать вопросы!

Р.А.Громов: Мой вопрос об уникальности этого транзита. Насколько я помню, Вы предложили культурологическое объяснение общества. А как быть с подобными реставрациями на Западе, я имею в виду веберовское объяснение? Работает ли культурологическое объяснение?

И.И.Глебова: Я думаю, такие аналогии неуместны. Это известная вещь – объяснить в рамках двух тенденций: мы похожи, на то, что уже проходили, и будем двигаться так же, как они, европейское общество, и мы двигаемся с некоторыми недостатками. Я не вижу здесь большого сходства.

Р.А.Громов: Я и хотел сказать, что у разных культур разные ситуации!

И.И.Глебова: Только нужно иметь в виду: после чего Веймарская республика возникла и в результате чего у нас возник вот этот порядок? Нам не пона-

добилось участие в мировой войне, я думаю, это уже ответ, после чего нужно как-то иначе посмотреть на наш порядок.

В.П.Макаренко: Я вижу, Вы исходите из концепции Клиффорда Гирца, наверно, уместно будет сослаться на него.

И.И.Глебова: Не думаю, что это нужно – мы можем и политическую параллель задать, – здесь всё ещё более очевидно. Думаю, это не очень удачное дополнение.

А.В.Венков: Вот Вы, когда говорите, что мы все сначала хотели свободы, потом этой свободы испугались, Вы могли бы выделить, сколько процентов хотели, а сколько сомневалось?

И.И.Глебова: Вы знаете, могу. Чтобы не отрываться от дискуссии и не бежать за моими материалами, я замечу, что говорила не так. Я сказала, что появилась возможность самоопределения и выбора. Но возможность – это ещё не самоопределение и выбор. Можно использовать эту возможность по-разному – и мы её использовали так, как использовали. Создавая эти рамочные условия существования, которые ориентируют, в том числе, на объём этой субъектной энергии, которые в то же время есть существование безответственное. Так как вся ответственность перекладывается на власть. То большинство, которое говорит, что оно против, что оно за демократию, само эту демократию понимает как путинский порядок: ограничение свободы слова и политических свобод, минимизацию политических партий. Это какая-то другая демократия, нежели принятая в западных обществах и западных моделях. И ориентирует как раз это большинство, его предпочтения – власть. И моделирует ситуацию: мы сами даем зелёный свет! Наличие такого большинства дает зелёный свет. Активная часть носит вспомогательный характер, поскольку участвует в выборах.

Ю.С.Пивоваров: Ещё по поводу процентов. Был опрос: сколько процентов за свободу, а сколько против? Мне кажется, что в нашей ситуации социологические опросы только затуманивают голову и нам, и принимающим решения. Помните, в марте 1991 года советский народ высказался за сохранение Советского Союза, когда Горбачёв инициировал референдум. А что произошло через несколько месяцев? Рухнул Советский Союз. Даже Украина проголосовала за уход, хотя там были самые высокие цифры за сохранение. Это первое.

Второе. В марте «Известия» провели опрос: Кому принадлежит суверенитет в России? В Конституции написано – народу. 25% говорит: президенту. Кто автор Конституции? Президент. Кто президент (а уже год прошел)? Путин. Всё! Вот что такое социологические опросы! А к вопросу о большинстве, Вы говорите, что и меньшинство играет роль. Вот в Веймарской республике в январе 1933 года были выборы, где большинство привело к власти лидера немецких социалистов, которого звали Адольф Гитлер. Большинство выбрало себе социалистического лидера Адольфа Гитлера. Немцы сказали: Великая социалистическая революция парламентским путём. Вот большинство выбрало!

А.В.Байлов: Процесс перехода от советского к постсоветскому обществу, как ни парадоксально, был разработан ещё в начале 1920-х годов, в рамках концепции евразийства. Они уже прямо тогда писали, что советская власть снята для потомков в исторической перспективе. Что она уйдет, будет теократическое общество, которое будет формироваться теми же, кем и советская власть, только без коммунистической идеологии. Вопрос такой: Вы говорили, что западные концепции не работают в наших условиях. Так вот, авторы этих теорий хоть немножечко читали тексты русских евразийцев? То, что наша политическая элита их не читала, я не сомневаюсь. Ну вот, западные теоретики перед тем, как планировать процесс модернизации, работы наших классиков смотрели?

И.И.Глебова: Я думаю, никакие западные теоретики никакого перехода не планировали. У них другие задачи были, и им вряд ли были нужны евразийцы. А вот модель, которая использовалась – это для Запада адекватная модель, – она и сейчас обновляется, и ищутся какие-то другие возможности. Обсуждается, в каком варианте можно адаптировать эту концепцию демократического транзита к нашим реалиям и реалиям этого постсоветского мира. Но, когда берётся одна идея и из своего времени вырывается, и говорится, что она очень адекватно описывает наши реалии, – это ерунда. Это была идея того времени, и на то время она работала. А мы – это продукт другого времени, значит, это какой-то другой переход, не описанный евразийцами. Можно какие-то векторы угадать, но это другая вещь. Постсталинская и постбрежневская Россия, как на это реагировали люди в массе, как они будут адаптироваться к ситуации, – об этом евразийцы даже думать не могли.

Ю.С.Пивоваров: То, о чем говорят евразийцы, никакого отношения к нам не имеет. Евразийцы прокляли бы сегодняшнюю ситуацию, они были врагами её. Они говорили о переходе коммунистической идеологии к православной. И Вы знаете, что до 1990-го года не было ни одной русской книжки о евразийцах, все были западные. Это во-первых. А гораздо интереснее теория есть – в рамках НТС (Народно-Трудовой Союз). Слышали, был такой? За принадлежность к нему расстреливали при советской власти. В 1950-е годы была разработана концепция в городе Франкфурте-на-Майне, где был штаб, называлась «Революция секретарей ЦК КПСС». Они писали, что где-нибудь, в середине 1980-х годов в России появится секретарь ЦК, не исключено, что станет генсеком, видимо, откуда-то с динамичного юга, который поймёт закоряченность этой системы и сверху инициирует демократические изменения. Это Михаил Сергеевич, это о нём написано в 1950-е годы! Она так и называется – «Революция секретарей ЦК». И особенно на юге, как более динамичном, более открытом и современном, чем какая-нибудь Сибирь.

Б.И.Буйло: А у Ильина была похожая концепция!

Ю.С.Пивоваров: У Ильина была другая концепция – авторитарного перехода от тоталитаризма к демократии. Но он бы проклял нынешнюю ситуацию, поскольку говорил совершенно о других вещах!

И.И.Глебова: Там ценностная основа иная, я бы так прокомментировала.

В.Попов: Вопрос следующий – есть достаточно тонкие вещи, например, денежное обращение, которое даже у специалистов вызывает много вопросов. Но, тем не менее, денежное обращение очень сильно влияет, оно структурирует общественные отношения. И вот, когда Вы, в частности, говорили о том, что общество на что-то согласилось. Как оно может согласиться на то, о чем оно имеет смутные представления? Интересно, что когда большевики в своё время задумывали денежную реформу в 1924 году, то свёртывание НЭПа шло по пути свертывания именно системы денежного обращения, проводимой именно благодаря этой реформе. То есть в основе структурных преобразований лежали какие-то очень тонкие и ещё не осознанные большинством вещи. Поэтому можно ли говорить о том, что большинство было на что-то согласно, не понимая на что?

И.И.Глебова: Вы знаете, когда Вы говорите о каких-то тонких механизмах, то Вы прямолинейно их понимаете, и из этого своего прямолинейного понимания делаете прямолинейные выводы. Когда я говорю, что общество на что-то не согласилось, я же не говорю, что оно пошло и за это проголосовало. Есть некие тенденции, есть некие идеи, которые обретают массовый характер, они фиксируются и в какой-то момент они определяют и формируют социальный вызов. И не только в денежном обращении есть скрытые механизмы. Скрытые механизмы есть и в человеческих обществах, для регулирования которых и применяются эти скрытые механизмы. Во-первых, денежные механизмы у нас регулируют совсем другой порядок и выполняют принципиально иную функцию. А второе – общество соглашается не на денежные механизмы, а на тот вариант и порядок функционирования, который, в конце концов, восстанавливается. Люди же не устраивают революцию, не выходят на улицу и не говорят, что мы не хотим такого. Значит, есть какая-то тенденция, есть вещи, которые это настроение определяют. Люди хотят, чтоб все осталось как есть, они не хотят перемен. Вот это значимая социальная тенденция, и в рамках этой тенденции можно работать власти, можно существовать господствующим группам, и в рамках этой тенденции можно налаживать денежные механизмы, и я совершенно не вижу противоречий.

Ю.С.Пивоваров: Все спрашивают, как ими управлять. А речь идёт о самом управлении. В России есть профсоюзы? Нет. Наёмные работники защищают свои права? Нет. Я директор института, у меня тысяча подчинённых. Я им говорю: «Защищайте свои права передо мной». Да что Вы! «Я либерал и буду с Вами либеральным». Не хотят! И Россия не хочет сама управлять, и у нас нет местного самоуправления, и дело не в законах. Дело в том, что наша природа веками и столетиями отбила у русского человека навык самоуправления.

Из зала: Не хочет или не может?

Ю.С.Пивоваров: А это одно и то же! Исторически это одно и то же. Если мы это осознаём и не делаем, значит мы не хотим этого.

В.Н.Кирой: Вы знаете, у меня было ощущение, что Вы пытаетесь ставить диагноз нашему обществу, в том числе и власти. Но, с моей точки зрения, он был бы актуален лет 15 назад, а сейчас это уже некая констатация прошлого, к сожалению. Власть немножко не та уже, и тем более есть постоянные конфликты между политической властью и экономической властью. Есть локальные конфликты между властью вообще и той частью общества, которая имеет определённую свободу. Более того, сегодня власть инициировала многие вещи в экономике, которые меняют её содержательную сторону, и они потребуют в экономике уже другой популяции – в смысле её квалификационного и культурного потенциала. Поэтому, с моей точки зрения, это уже прошлое. А вот куда мы движемся? Этот вопрос более актуален и более интересен сегодня, ведь очевидно, что мы должны перейти к экономике инновационной. И президент говорит: «Я возглавлю это движение». Эта власть конфликтует с элитами, показывая их место. Куда в этом смысле трансформируется наше общество? Какова будет наша структура, социально-властная, скажем, через 10 лет?

И.И.Глебова: Вы знаете, книжка у меня вышла, где я об этом писала. Я считаю, что это актуально и сейчас, и то, о чем вы говорите, развивается в рамках этого порядка. И это существенно, именно это, и оно придает качество современному развитию. Вот Вы говорите о модернизационных потребностях, и ясно, что они есть, и они тогда были. Вопрос в том, как их будут удовлетворять! Понятно, выращается этот модернизационный и социальный потенциал общества. Только он работать будет в рамках этой системы, и условия ему будут созданы такие, что он работать будет в рамках этой системы.

В.Н.Кирой: Понимаете, как только вы заставляете человека в рамках инновационной экономики вести себя по-другому, стать креативной личностью, которая здесь, сейчас и каждодневно порождает инновации, он, по определению, задумывается, что происходит вокруг него, и, следовательно, между ним и властными структурами.

Ю.С.Пивоваров: Можно ответить? Я был на общем собрании Академии наук, где было произнесено, что Россия занимает в мире по инвестициям и инновациям сто пятьдесят какое-то место. Все разговоры Медведева о том, что он пойдёт во главе инновации, это то же самое, что мне обещали, что я в 1980-ом году буду жить при коммунизме. Вы ездили по стране, видели, какая там инновационная экономика? Нет и экономики XIX-го века, она рухнула. Мы занимаем 117 место по инвестициям в образование, Туркмения впереди нас находится. О какой инновационной экономике можно говорить всерьёз? Медведев сказал, что у нас все провалено по этому делу. На нанотехнологии Кудрин деньги отобрал у любимца народа Чубайса, – нет денег ни на какие нанотехнологии – финансовый кризис. Это всё лирика. У нас сырьевая экономика была и будет, в

лучшем случае, сырьевая экономика! А когда построят Южный поток вокруг нас, Европа перестанет быть абсолютно зависимой от нас, и у нас останется единственный надёжный потребитель – это Китай. У власти нет выбора, хотя она и искусна, но есть тенденции, которые она перебороть не может. Например, тенденцию, что каждой весной 700 тыс. человек уходят на тот свет, 12 млн. живёт на Дальнем Востоке, и около 1 млрд. подпират с Китая. У них черным по белому написано, что большая северная страна нуждается в новых северных территориях. У нас нет никаких союзников – Путин и Медведев всё это прекрасно понимают. А когда говорят про инновационную экономику, – это то же самое, когда больному говорят: «Вася, ты выживешь», а приговор уже известен. Ситуация очень опасная в стране. Поэтому надежды, что вот будет инновационная экономика и креативный человек возникнет... Вся русская история в надежде на креативного человека. Он возник?

И.И.Глебова: У известного социолога Юрия Левады есть такой термин, такой диагноз – «инерционный тупик». Мне вот кажется, что уже этот вариант был, мы его в СССР прошли. Создан был этот модернизационный потенциал, модернизационное качество новое появилось. Но оно не было ей альтернативным – не было создано нечто альтернативное этой системе, с любой точки зрения, даже с точки зрения экономической.

В.Н.Кирой: Это что, нежелание выйти из тупиков?

Ю.С.Пивоваров: Это когда говорили, что наша история в тупиках? Вы знаете, что к 1914 году Витте построил железные дороги так, что пропускная способность железных дорог была выше американских. Другое дело, что нам даже этого не хватило. Но это был фантастически успешный эксперимент.росло население, росла экономика, росла культура. Когда это было? В петровскую эпоху – тоже не было. Мы впервые в такой ситуации находимся.

В.Н.Кирой: А реформы Петра, это что было? Это не попытка таким образом развернуть страну из тупикового варианта развития?

Ю.С.Пивоваров: Нет! Допетровский период не был тупиковым. Петровский переход был насильственным, варварским!

В.Н.Кирой: Я говорю о выходцах «гнезда петрова», они интерпретировали это как выход из тупика!

Ю.С.Пивоваров: Да они просто таких слов не знали! Компания Петра – это были безграмотные авантюристы просто! Да вы что!

В.В.Вольчик: Мы в своё время, благодаря Виктору Павловичу, исследовали институт власти-собственности. Юрий Сергеевич тоже сказал об этом. И мы подумали, что власть-собственность основывается на том уровне социального капитала, который в России сложился. Мы пытались его выразить простыми словами – и придумали с моим коллегой два таких слогана. Российский капитал – это коллективизм несвободных людей, а западный социальный капитал – это солидарность свободных людей. Поэтому любой процесс в России – это будет Совбез. В сообществе несвободных людей ничего другого, за отсутствием

институтов, не позволяется сделать. Более того, я немного исследовал власть-собственность и скажу про экономику Витте. Была конференция по экономической истории, и я поражаюсь, когда в записях конца XIX-го – начала XX-го века большинство промышленников мечтало отдать свою собственность в руки государству, в обмен на государственные заказы. Все к этому шло, а коммунисты только это завершили.

В.П.Макаренко: Волевым порядком я прекращаю прения – мы уже просрочили время фуршета.

Перерыв.

В.П.Макаренко: Слово предоставляется одному из интеллектуальных лидеров нашего околотка, профессору, кандидату исторических и доктору философских наук Анатолию Владимировичу Лубскому.

А.В.Лубский: Во-первых, околотка – это хорошо, это метафора русской системы власти, а во-вторых, спасибо Виктору Павловичу за предложение поработать в творческой мастерской.

Позвольте, я не буду выходить за заданную тематику: «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов»? Предложено было говорить по поводу двух концептов – концепта русской власти, предложенной В.П.Макаренко, и концепта Русской Системы, предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым. На обсуждение было вынесено несколько вопросов, я остановлюсь на трёх из них. Первый вопрос – это контекст, который позволяет понять, почему вдруг появились концепты подобного содержания. Второй вопрос – по поводу совпадения или диссонансов, – попытаюсь здесь дать сравнительный анализ, третий – остановлюсь на некоторых аспектах той критики, которая существует в современной академической и неакадемической среде, и выскажу некоторые соображения².

По первому вопросу обращаю ваше внимание, что я рассмотрю два аспекта – социально-политический и эпистемологический контекст, в условиях которого появились эти два концепта. Я думаю, вы обратили внимание, что они появились в конце 1990-х годов, кроме этих концептов появились и похожие концепты, например, чуть ранее была сформирована концепция Янова, тоже базирующаяся на интересной литературной метафоре – «тень грозного царя». Концепция Пастухова, базирующаяся на метафоре «русский ген». Концепция Аузана, базирующаяся на метафоре «русская колея». С этими концептами корреспондировались указанные здесь Бессонова, со своей «раздаточной экономикой», концепция Фонотова – «Россия как мобилизационное общество». Плюс концепции Кирдиной об особой цивилизационной матрице развития России; концепции российской государственности и целый ряд других. Появились они в конце 1990-х или чуть-чуть позже. Что это был за период? Я не буду о нём говорить, профессор Глебова об этом говорила, я укажу некоторые сюжеты: про-

² Полный текст доклада А.В.Лубского см. в статье «Концепт "русская власть": метафорические возможности интеллектуального дискурса», опубликованной в данном номере.

шли иллюзии, связанные с демократическим транзитом, русское общество вступило в сделку с властью, обменяло свободу на порядок, произошел откат – минимизация свободы. Начался переход от картельного политического режима Ельцина к корпоративному режиму Путина, то есть мы видим, как Русская Система вернулась в русскую колею.

То есть установился русский социальный порядок, тот, который предпочитает население, тот, который оно легитимизирует – порядок с хозяином в доме, сочетающем в себе атрибуты сильной руки и атрибуты продавца счастья. Вот, примерно, то, что произошло. А главное то, что Русская Система вошла в русскую колею, воспроизвелась в новых исторических условиях. Отсюда возник вопрос: почему? И ответа на этот вопрос политическая наука в то время не смогла дать. А дать она не смогла потому, что в отечественной политологии четко обнаружилось два момента. Первый – синдром когнитивного подражательства. Он выразился в том, что в наших научных практиках, философских практиках и светских практиках стали использовать достаточно раритетные концепции модернизации, транзита и т.д. Стали использовать концепты гражданского общества, то есть те концепты, от которых современная интеллектуальная мысль как бы отказалась и не использовала их. А во-вторых, этот понятийный аппарат и эти теоретические конструкты оказались неподходящими и малоэффективными в методологическом плане. У нас не оказалось языка, как сказал Юрий Сергеевич, адекватного для описания социально-политической ситуации в России. В то же время отечественная политология обнаружила и дефицит креативности – способности разрабатывать новые способы познания политической реальности. И вот, естественно, в этих условиях наиболее креативные учёные, прежде всего из академических центров, поставили перед собой такую задачу – выработать понятийный аппарат и теоретические конструкты, для того, чтобы более-менее адекватно описать, объяснить и понять те процессы, которые происходят и происходили в России в исторической ретроспективе и происходят сейчас. Вот такой социально-политический и эпистемологический контекст.

Теперь по поводу двух концептов – «Русская Система» и «русская власть». Я начну с моего товарища Виктора Павловича Макаренко. Если вы посмотрите на его книжку, то там есть подзаголовок: теоретико-социологические проблемы русской власти. Иначе – социология власти. Кто же субъект этой власти? В книге Виктора Павловича такой субъект найден – он выступает единым в трёх лицах, и отсюда идея троевластия. Это властелин-собственник-жрец (или идеолог, на современном языке). Отсюда мы видим, что, поскольку есть один субъект – властелин-собственник-жрец, – то атрибутом его деятельности выступает государственная власть. Я хочу обратить ваше внимание, что концепт Виктора Павловича разрабатывался в рамках деятельностного подхода, это такой новый для нас подход, в котором власть рассматривается как средство деятельности, опирающаяся на определённые ресурсы. В рамках деятельностного подхода к

власти сложилось две теории. Одна теория рассматривает власть как авторитарно-властное господство, а вторая как авторитетно-властные полномочия. Виктор Павлович работает в русле теории власти как авторитарно-властного господства. Отсюда он поднимает вопрос, что такое власть. Власть – это атрибут собственника и жреца, а с другой стороны, власть у него приобретает такой метафизический смысл, поскольку для всех остальных (а это объекты власти) – подданных и верноподданных – она приобретает метафизический смысл. Виктор Павлович использует метафору неопределённой, вездесущней и дьявольской власти. Мы видим, что тут два подхода. Один работает в русле онтологического осмысления русской власти, другой в рассмотрении власти как властно-авторитарного господства. «В чём же природа этой власти?» – ставит вопрос Виктор Павлович. «Если власть – это средство государственного управления, то на какие ресурсы она опирается?» В.П. Макаренко отвечает на вопрос так: «Опирается на принцип централизованной редистрибуции, то есть власти-собственности». Дополним функцию властелина функцией идеолога, жреца. Отсюда его концепция троевластия. Таково общее краткое содержание концепта русской власти, представленной в работе профессора В.П.Макаренко.

Если в таком же сравнительном плане посмотреть на концепт Русской Системы, представленный Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым, то мы увидим, что такое власть для русской жизни. Русская жизнь властецентрична, а сама власть моноцентрична. Русская Власть определяет все и вся. Мы видим здесь метафизический заход – Русская Власть разлита во всем и всё определяет. Благодаря этому устанавливается особый русский порядок, который авторы называют Русской Системой. Эта Система организует, контролирует русскую жизнь на основании принудительного господства. Метафизический характер Русской Власти позволяет авторам объяснять, почему Русская Система постоянно воспроизводится в исторически различных ситуациях. Она воспроизвелась, как мы уже сегодня слышали, и в современной России. Вместе с тем, Русская Система переживает кризисы, дает сбои. Авторы предлагают физикалистский подход к пониманию этих сбоев, который заключается в метафорах. Перефразирую на свой лад эти метафоры: срывы Русской Власти связаны с тем, что утолщается слой тех, кто находится у кормушки государственной власти, и наоборот, – уменьшается сама кормушка, то есть уменьшаются источники кормушки. Соответственно, власть начинает перераспределять ресурсы, которые оказались расплывчатыми или сконцентрированными в руках определенной группы. Если сравнить две эти концепции, то мы не увидим особого диссонанса. Общее – это онтологическая, метафизическая интерпретация русской власти, это метафорический способ презентации этой власти. Есть и различия.

Вы, наверное, обратили внимание, что Юрий Сергеевич апеллировал к идеям евразийской цивилизации, и это было сделано неспроста. Речь шла о том, что русский порядок базируется на трех основаниях: власть моноцентрического характера, бессубъектное население, которое готово легитимизировать власть

при определенных условиях, и определенный слой субъектников, то ли как субъектники, сложившиеся в определенных обстоятельствах, то ли как субъектники – побочный продукт самой этой власти. Поскольку власть моноцентрична, основу её составляет идея насилия, идея господства, идея принуждения. Это принуждение воспринимается бессубъектной массой, как должное, как разумное. Поскольку это существует, то власть нуждается в определенном основании. Таким основанием выступает Яса Чингисхана – то есть запреты и наказания, в отличие от Хартии вольности в Европе, изданной на три года позже. Отсюда, с одной стороны, прослеживается такой почвеннический аспект концепции, с другой стороны, направленность, связанная с концептом евразийской цивилизации. У Виктора Павловича, по моему мнению, концепт сложился на основе иных методологических оснований. Идея власти-собственности лежит в основе особого азиатского способа производства (идея, которую после Карла Витфогеля развивал у нас Л.С.Васильев). Поэтому концепция русской власти В.П.Макаренко тяготеет к концепции восточно-деспотической цивилизации. В этом разница. По некоторым основаниям – идея перераспределения ресурсов и идея власти как господства – эти концепты близки между собой. Несколько слов о критике этих концепций.

Концепция Пивоварова-Фурсова вызвала живой отклик и разную реакцию. Концепция Макаренко осталась замеченной, в основном, в академической среде. Появились критики этих концепций. Я приведу два примера этой критики. Есть критика негативная и критика позитивная. В рецензии на книгу В.П.Макаренко проф. А.А.Мигولاتьев назвал эту концепцию надуманной, в прокрустово ложе которой автор хочет втиснуть все сложные процессы, которые происходят в политической реальности России – прошлой, настоящей и т.д. Почему она кажется надуманной А.А.Мигولاتьеву? Потому что у него своеобразный стиль мышления. Он сразу заявляет об этом стиле, когда обвиняет Виктора Павловича в нападках на гегелевскую философию истории, обвиняет его в том, что он не признает такое прогрессивное течение общественной мысли, как либерализм. В чем суть мышления проф. Мигولاتьева, которому концепция В.П.Макаренко кажется надуманной? Это мышление особое. Основу её составляет методология однолинейного прогрессизма. Есть человечество, есть правильные народы, и все они идут по одной линии прогресса. Идеалы, вектор этого движения задают наиболее развитые и продвинутые страны. Соответственно, такие страны, как Россия, запаздывающие страны, хотя бы они этого или нет, идут в этом направлении. Можно использовать тот понятийный аппарат, тот тип теоретической конструкции, которые создавались западно-европейской интеллектуальной мыслью, причем создавались на особом материале. Кстати, некоторые исследователи считают, что западно-европейская цивилизация – это аномалия в общем развитии человечества. Такая аномалия, которая дала преимущества. Но я не буду об этом говорить. Эти конструкты, которые были разработаны на материале этой аномальной социокультурной среды, можно впол-

не использовать и при изучении российских политических реалий. Виктор Павлович эти конструкты критикует как надуманные. Это стиль особого мышления. Этим стилем обладают многие наши современные ученые. Потому, что они воспитывались на традициях марксизма, а методология однолинейного прогрессизма – это позитивистская методология, в том числе и того марксизма, в рамках которого формировались эти ученые.

Есть другой профессор – Виктор Ковалев, он тоже подвергает критике, но уже концепцию Русской Системы. Он называет её фантастической и не меньше, как самобытное теоретизирование. Я попытался понять, в чем же фантастичность – с точки зрения этого автора – концепта Русской Системы. По моему мнению, автор не критикует концептуальное положение Русской Системы, он избрал другой путь. Он говорит: «Вот современный политический режим – это последнее воплощение Русской Системы в жизнь. Последнее и в хронологическом, и в прямом смысле слова». И критикует сложившийся политический режим с точки зрения обоснованности этого режима в концепте Русской Системы. Почему он считает фантастическим концепт Русской Системы? Потому что он лишает Россию будущего. Потому что он фаталистичен. Потому что эта Система постоянно воспроизводит русский порядок, и тем самым лишает Россию будущего.

Есть так называемые позитивные критики. Одним из них является Эмиль Паин. Он говорит, что, являясь этнографом и антропологом, понимает, что такое культурный код, какую роль играет он в воспроизводстве прошлого или традиций. Но он рассматривает концепцию Русской Системы не как традиционную систему, а как инерционную систему, которая опирается на определенные ресурсы, в том числе и на этот код. Он утверждает, что в современных условиях эта инерционная Русская Система себя изжила, то есть истощились её ресурсы. И, прежде всего, в социокультурной сфере. Он говорит: «Поскольку код воспроизводится, то он воспроизводится не сам по себе, не метафизически, а благодаря более или менее адекватным условиям. Одним из таких условий является социокультурная составляющая. И если эта социокультурная составляющая будет меняться, то есть сознание людей будет меняться, то Система отомрёт».

В подтверждение этой идеи Игорь Клямкин опирается на ряд социологических данных из социологических исследований, проведенных по заказу одного из либеральных фондов. Получается, что русское общество переросло Русскую Систему. Почему? Оказывается, по его данным, только 7% россиян за Русскую Систему, за основные её принципы. Ну, ещё около 20%, которые кое-что из этой системы приветствуют. А 96% россиян критикуют произвол русской власти. Вот где русское общество переросло. Не одобряют, а критикуют произвол русской власти. Паин-Клямкин утверждают, что Русская Система не фаталистична, то есть она не перманентно воспроизводится, а достаточно социокультурного изменения сознания, а в условиях постиндустриального

прорыва такое сознание, по их мнению, меняется, поэтому Русская Система отмирает.

И последнее. Существует также позитивная критика со стороны Н.И.Розова и его коллег. Концепция эта состоит в том, что термин «Русская Система» представляет собой метафору. Как всякой метафоре, ей присущи образность, выразительность, и это очень хорошо, то есть схватывается суть явления. Но метафоре Русской Системы не хватает концептуальности, то есть не достает теоретической и эмпирической обоснованности. Поэтому задача сейчас состоит в том, чтобы превратить Систему Русской Власти из метафоры в концепцию. Вот основная позитивная критика Н.И.Розова. В связи с этим он предлагает несколько вариантов того, как это можно сделать. В частности, он предлагает конструкт вертикального договора или контракта, который в российском обществе заменяет горизонтальный контракт. Вертикальный контракт помогает перераспределять ресурсы. В связи с этим я хочу обратить ваше внимание на одну очень интересную концепцию понимания русской власти. Эта концепция заключается в следующем.

Если русскую власть мы рассматриваем, как средство, то она опирается на определенные ресурсы. Одним из таких ресурсов является кормление. То есть это определенная система. Она была отменена при Иване Грозном, но постоянно воспроизводится, реактуализируется на протяжении всей русской истории, и существует сейчас. Кормление – это очень специфическая русская традиция, которая облачается в символические формы. Причем кормление в двух аспектах. Во-первых, в русском языке кормление и правление – синонимично, как например, стол и престол. Кормчий – это не лодочник, который знает, куда лодку нужно вести, это тот, кто знает, как добыть корм. Так, на Севере, кормчий – это вожак промысловиков, который знает, как добыть корм, то есть он кормит. Поэтому синоним кормления-правления в России позволяет нам увидеть этот ресурс русской власти. И он заключается в двух аспектах. Кормление-правление, как способ кормиться. Во-вторых, правление как способ кормить.

Что такое способ правления, как способ кормиться? У кого власть, у того и собственность, у того и корм. А правление как способ кормить – пока не особенно проясненный феномен, – но он присутствует. Кормление – это демонстрация власти. Я не буду приводить примеры русских царей, но раздача пайков, подарков – любой начальник, который едет за границу и привозит сувениры для подчиненных – это все демонстрация власти, ее атрибут. Он об этом даже не задумывается. А как рассаживаются за столом? В русской ментальности стол не должен быть ни круглым, ни квадратным, он обязательно П-образный, – это самая удобная форма. За такой стол садятся приближенные к власти во главе с хозяином, садятся все по ранжиру, по иерархии – друг напротив друга. То есть, принцип один – на каждой иерархической лестнице все равны в службе. Сам этот образ «не так сидите», «не так сели» – это символическое выражение формулы кормления.

Теперь, коллеги, основной вопрос состоит вот в чем. Критики обращают внимание на фатализм, содержащийся в концепте Русской Системы. И обращают внимание, что при любых условиях воспроизводится Русская Система, то есть Россия попадает в западную русскую колею. Вы, наверное, тоже уловили эту мысль в выступлении уважаемого Юрия Сергеевича о том, что ситуация меняется, а все остается по-старому, и менталитет управляющих, и менталитет управляемых и т.д.

Тот же Н.И.Розов предлагает в связи с этим концепцию формирования полисубъектности, я бы её назвал идеей формирования низовой субъектности. В формировании низовой субъектности он видит переход от Русской Системы к чему-то новому. Я хотел бы задать Юрию Сергеевичу вопрос: сейчас воспроизвелась Русская Система в привычном виде; в то же время на каждом углу говорят о необходимости создания среднего класса, но средний класс – это субъектники, это – Лишние Люди, которых Система должна перемолоть, так как это её задача. Это что, парадоксы современной Русской Власти? Это имитация или побочный продукт её деятельности? Для меня это остается пока не проясненным местом. Мне кажется, что все это имитация. Русской Власти Лишние Люди не нужны. Она их или расстреливала, когда была слабой, а когда была сильной, просто сажала в психушку или высылала за границу. С субъектниками так разделялись. Чем сильнее власть, тем более либеральные формы проявления юродства на Руси. Русская Власть рассматривает всех этих диссидентов, субъектников как юродивых. Но юродивые – не больные. Юродивые пребывают в подвиге Христа-ради. Им дозволено критиковать власть и демонстрировать образцы праведной жизни.

Коллеги, отвечая на вопрос о фатальности, неизбежности воспроизводства русской системы, я хотел бы обратить внимание на новые методологические возможности, которые открывает неоклассическая парадигма научного исторического и политологического исследования. Особенно я хотел бы обратить внимание на то, как воспринимается само историческое время. Историческое время воспринимается нелинейно, то есть в настоящем сосуществует одновременно и прошлое и будущее. В качестве примера я сошлюсь на работы современного немецкого исследователя Рейнхарда Козеллека, который предложил такой подход: «В настоящем всегда присутствует поле прошлого опыта и горизонт будущих ожиданий». И этот синтез поля прошлого опыта трансформирует будущность ожидания. Но будущее ожидание трансформирует этот опыт. Я бы так сказал, используя привычные нам метафоры: современный русский человек хочет жить, как в Америке (это горизонт ожидания), а работать, как в России (поле прошлого опыта). Я не буду вам говорить о Дугласе Норте, о неонституционализме, который предлагает рассматривать институты, в том числе и властные институты, не как застывшие, а как формирование институтов, где прослеживается сложная зависимость между прошлыми и современными

институтами. Но, самое главное, эти институты трансформируются в условиях коммуникации.

Ю.С.Пивоваров: Я попросил бы несколько слов. Тут некоторое недоумение, в том смысле потому, что Русскую Систему, я думаю, никто не читал. Дело в том, что Русская Система планировалась как большое исследование. И в самом большом формате, листов двенадцать, она вышла в журнале «Политическая наука», 1993г., №№ 2,3. Люди, которые читают Русскую Систему, видят только осколки. Но не их вина в том, так просто получилось. Эти осколки в разных журналах показывают только кусочки концепции, которые, как я вижу по восприятию, ничего общего не имеют с тем текстом, который писался авторами как большой текст. Во-первых, мы исходили и исходим из ситуации открытости исторического процесса. Второе, мы не утверждаем, что Русская Система существует. Это теоретическая игра. Мы формулируем некую концепцию и стараемся с её помощью что-то понять. Нам приписывают утверждение: Русская Система существует. Я совершенно этого не утверждаю. Я говорю о том, что это одна из многих возможностных попыток понять, что происходит. А это – принципиально другой подход. Здесь вообще нельзя говорить о какой-то фаталистичности. Нет ничего более противоположного нам, чем евразийцы. Ничего общего. Могу сказать вам как эксперт. Нет ничего общего между евразийцами и попыткой Пивоварова-Фурсова в 1990-е годы. Ничего, кроме одного. Один из этих авторов, то есть я, хорошо знает труды евразийцев и даже их издавал, их комментировал. Действительно, ничего общего нет. Далее, что значит – «почвенная»? Совершенно непонятно. Что касается восприятия Русской Системы, что она воспроизводится или не воспроизводится. В этом всё дело. Я сегодня сказал, что поскольку работы никто не читал, я должен рассказать о ней. Например, одной из главных тем Русской Системы является тема соотношения времени и пространства – темпоральности. Этому посвящена большая часть страниц этой работы. И одним из условий существования Русской Системы, по мнению авторов, является её пространственное расширение. Притом, что сейчас тенденция явно обратная. Клямкин – мой приятель, он читал всю работу. Что касается Ковалёва, он её не читал, а так умозрительно и т.д.

Я бы хотел серьезной критики, разбора своих идей, поскольку – как любому автору – это помогает и инспирирует. Но в том изложении, в котором Русская Система попала в научный оборот, она абсолютно искажена. Вы говорите: «моноцентрична», это не наш термин. Этот термин придумал Игорь Бунин, мой приятель, но ни в коем случае не автор Русской Системы. Между моносубъектом и моноцентричностью есть громадная разница. Когда мы говорим о моносубъекте русской истории, мы говорим не только о верховной власти, мы говорим о каждой клеточке российского общества, например, ваш университет, мой институт, колхоз, баня, Академия наук, Министерство обороны. Там воспроизводятся некоторые структуры, коллизии, связи Русской Системы.

«Лишний человек» – это совсем не то, что Вы называете «субъектники». Это сложный инструмент.

Далее, что касается Русской Системы, она описывается в разных стадиях совершенно различно. Мы постоянно говорим, что это теоретический подход к пониманию, то есть мы номиналисты. Если вспомнить спор номиналистов и реалистов, то мы занимаем номиналистическую позицию. А евразийцы – это реалисты. Мы, когда писали эту работу, вообще не считали, что занимаемся наукой. Мы просто весело писали роман про то, что мы думали. Мы, как я вначале сказал, и не хотели это вписывать ни в какие современные научные школы. Что касается метафор, они используются, хотя я и не поклонник их, но без них очень трудно. Но доказательная база существует вот в этих больших кусках, которые, к сожалению, публика не видела. Предложения Розова, которого я очень ценю как замечательного автора, бессмысленны по той простой причине, что это игра, но это и теория. А теорию никакими цифрами, никакими Клямкинскими выводами не сделать. Клямкин – это мой близкий товарищ, один из замечательных, умнейших людей. Он в 1990-е годы провел психологический анализ религиозного сознания в России и выяснил, что религиозное сознание в России приблизилось к протестантскому. Я спрашиваю: «Игорь, ну и о чем говорят твои цифры? Пойди на улицу, в церковь сходи, почитай... Это, конечно же, не так!».

Ещё один пример того, что применение к русскому – проблема. На этом ломаются очень многие даже на Западе, ещё с 1928 года, когда начали проводить психологические опросы. У нас эти прогнозы ни о чем не говорят. Я постараюсь завтра-послезавтра отклониться от заявленной темы и немного поговорить о Русской Системе. Потому что мы совсем другое писали. Нас совсем другое интересовало. Причем, там есть масса такого, чего в эти короткие статьи не попадало. Это и до периода рождения Русской Системы. Это и Ордынский и Киевский периоды, это и ментальные вещи – взаимоотношения с церковью, концепция симфонии светской власти с церковной, противопоставление ей концепции двух мечей католической церкви и т.д. Мы исходили из того, что это одна из возможных попыток понимания, а не призыв к тому, что есть Русская Система! Её нет вообще! «Она фаталистична...» – как можно так сказать, когда история – это открытый процесс и свобода воли человека. Я своим студентам говорю: «В 1918 году Людендорф со своими американскими пулемётчиками лег за пулемёт, остановил немецких большевиков, и они не взяли Рейхстаг. В 1941 году немцы не смогли взять Москву, а взяли бы, – и мировая история пошла бы иначе». Принципиально открытый исторический процесс. Напротив, мы говорим, что нет законов исторического развития, а нам «шьют дело» о фатализме. Нам, волюнтаристам! Следовательно: читают то, что как бы сами понимают.

А с другой стороны – это техническая проблема, что люди не читали, пусть даже недописанного, но цельного куска текста, где авторы последова-

тельно разворачивают систему доказательств. Я хотел сказать, что и в этом смысле критика Русской Системы никакая не фаталистичная. И я не говорю, что Русская Система возродилась в том виде, в котором она возродилась. Я говорю, что эта концепция не устарела, через неё можно понять многое из того, что сейчас происходит. И есть масса другого, что не вписывалось в эту концепцию. Она на это понимание и не претендовала. К примеру, концепция О.Бессоновой: пока она занималась экономикой, это было ничего, а теперь решила написать, как всякий русский философ-гений, объяснить, как существует мир... Русская Система на это не претендует, она очень ограничена. Она не может быть прочитана в духе шовинистическо-великодержавно-почвеннической возни. Это то, что одному из этих авторов так же противно, как, скажем, теплая водка.

А.В.Лубский: Юрий Сергеевич, мне было приятно Вас слушать. Я также постоянно сталкиваюсь с тем, что читающая публика постоянно извращает текст. Есть, как я говорю, тот ортодоксальный текст, который создали авторы, и есть текст неортодоксальный. Второе, мне были очень приятны Ваши разъяснения, связанные с тем, что, в рамках неоклассической парадигмы существуют различные конструкции реальности, различные способы интерпретации этой реальности. И это исследование дает картины мира, которые не являются взаимоисключающими: одна – правильной, а другая – неправильной, и не могут претендовать на универсальность.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно. С этого мы начинаем.

А.В.Лубский: Поэтому, всякие претензии на универсальность – обречены.

Ю.С.Пивоваров: Абсолютно верно.

В.П.Макаренко: Спасибо, значит, разобрались, что А.В.Лубский немного не о том...

Ю.С.Пивоваров: Нет! Наоборот, это был великолепный совершенно анализ! Я такого не слышал ни разу!

А.В.Лубский: Виктор Павлович, не приписывайте мне идеи тех, кого я пересказываю...

Ю.С.Пивоваров: Правильно. Я думаю, что Пивоваров и Макаренко должны сказать спасибо за такую реконструкцию.

В.П.Макаренко: Конечно, спасибо!

А.Н.Ерыгин: Я несколько опоздал, разрешите спросить. Юрий Сергеевич, Вы только что сказали, что где-то она изложена наиболее полно?

Ю.С.Пивоваров: Это издание «Политическая наука». Издается с 1997 года издательством «ИНИОН». ВАКовское, ежеквартальное издание. №№ 2,3 – Москва, 1997г. Там изложена самая большая часть, хотя есть ещё ряд статей, которые появились и, в частности, особенно важная статья в «Русском историческом журнале», который издавал РГГУ в конце 90-х годов, посвященный Екатерине II. Там довольно много авторы говорят о том, о чем мы не говорим в Русской Системе. И далее, в развитие этого, моя книжка издательства

«РОССПЭН», вышедшая в 2006 г., называется «Русская политика в историческом и культурном отношении». Это маленькая, удобная карманная книжка. Там есть как бы некоторое развитие отчасти.

В.П.Макаренко: Пока коллеги будут размышлять, я хотел бы предложить несколько иной способ прочтения. Я не могу сказать, что изучил концепцию Юрия Сергеевича, я всего лишь трижды прочитал публикацию в «Русском историческом журнале». Скажу о моем способе чтения книг. Первая моя книжка посвящена феномену бюрократии в ранних работах К.Маркса. Передо мной тогда стояла задача: работая в рамках официальной марксистской идеологии, опровергнуть те положения, которые вошли в учебники. С помощью классиков марксизма я выступал против официального советского марксизма. Технология стара как мир. В истории культуры ее называют по-разному: обратить Библию против Бога, экзегетика, герменевтика и т.п. В результате моей переработки классических текстов Маркса из ста листов черновиков получилось десять листов готового материала для книжки. Официальные марксоведы потом удивлялись: «Макаренко, ты это где-то списал?». Двадцать лет спустя мне в этом признался один из них: «Как же так, я это читаю всю жизнь, но не увидел того, что увидел ты?». Дело в том, что ту интерпретацию Карла Маркса, которую я предложил, никто до сих пор не смог опровергнуть. Никто не смог доказать, что я ошибаюсь. На нее до сих пор ссылаются. Значит, перспектива открыта. Хотя за превращение слов в научные метафоры меня тоже критиковали (например, Валерий Подорога).

Второй момент – организационный, для меня был не менее важен. Я проходил докторантуру в Институте философии АН СССР, в секторе философских проблем политики. Получил допуск к защите. Думаю: «Куда ткнуться?». Пошел в ведущий институт советского марксизма – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в сектор К.Маркса, которым тогда руководил Г.А.Багатурия. Мы с ним пересеклись в Сухуми на одной из международных конференций, где я предварительно спросил: «Можно ли вашу контору избрать в качестве ведущей?». – «Да, приноси». После того, как я получил допуск к защите и принес работу, он говорит: «Виктор Павлович, мы структура подневольная – необходимо посоветоваться с директором института». Минут через двадцать прибегает и говорит: «Нет, академик А.Г.Егоров не разрешил». Диссертацию, которая была посвящена анализу проблемы бюрократии в трудах Карла Маркса, директор Института марксизма-ленинизма запретил рецензировать!? Тогда я пошел в МГУ. Мне приятно, что я дал такую интерпретацию текстов Маркса, которую до сих пор никто не опроверг. Такой способ чтения я применяю к любым текстам. Попробую его проиллюстрировать.

У меня конспект работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова из «Русского исторического журнала», страниц на сорок. Сегодня я взял с собой десять страниц. Расскажу о некоторых фрагментах. Я хотел бы обозначить исходные пункты дискуссии. Дело ведь не просто в чтении, не в том, что я открыл велосипед,

типа экзегетики или герменевтики. Мой опыт чтения накладывается на опыт поколения. Что я имею в виду?

Я родился в 1944 году. Первые девять лет везде висели портреты батьки Сталина. Помню букварь, который начинался с портрета Сталина, могу процитировать стихи, ему посвященные в том букваре... Но пришел 1953 год. «Кокнули вожачка», – как говорят герои «Оптимистической трагедии». Помню 9 марта, когда его хоронили: остановились и гудели паровозы, я шел по глубокому снегу вблизи железнодорожной станции, это отложилось навсегда. Прошло три года. И вдруг Сталин – «враг народа». Как же так? То нас принимали в пионеры под его портретами, а 30 июня 1956 года вышло постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Будучи пацаном, я хорошо запомнил, как мой отец, член партии с 1930-х годов, вместе с соседом-инвалидом, который воевал под Москвой и остался без ноги, обсуждали этот текст и говорили: «Сталин – враг народа». Будучи пятиклассниками, мы в 1956-м году осенью пришли в школу и из рогаток обстреляли портрет Сталина. Так мы реализовывали очередную партийную указивку. До сих пор помню побелевшее лицо директора школы. Хорошо, что вскоре бывшего вождя низвергли, свергли и его памятник в шинели и картузе генералиссимуса на районной площади.

Пришел Никита Сергеевич Хрущев. И спустя совсем недолгое время его назвали «верным ленинцем». Хорошо помню плакат с Лениным в кепке и подписью: «Верным путем идете, товарищи» (так Хрущев закончил свою речь на XXII съезде партии). Была свёрстана программа строительства коммунизма, опять загудели фанфары... Прошло десять лет правления Хрущева, «верного ленинца» назвали «волонтаристом», скинули.

Пришел Леонид Ильич Брежнев и, спустя непродолжительное время, получил титул «верный марксист-ленинец». Затем его тоже развенчали.

Итак, на протяжении сорока лет жизни моего поколения прошло свержение трех идолов, не говоря о Ленине. Опыт поколения, в данном случае мой, способствует выводу: тот, кто сегодня объявляется вождем-полубогом, завтра «загремит по мелкому указу», – так один из героев В.Белова обозначает указ о мелком хулиганстве. Вот что я имею в виду, когда говорю, что на протяжении сорока-пятидесяти лет было низвергнуто четыре вождя. Это требует рефлексии, и эта рефлексия началась у меня ещё в школе. Дистанция от людей, олицетворяющих власть, началась в далеком детстве. Знаю многих коллег, людей постарше, ровесников, и помоложе, у которых началось аналогичное отторжение, без всякого копания в доктринах, на уровне поведения и т.д. Это – как произвольная рвота от всей официальной сферы «гусударства», как говорят герои В.Шукшина. Я думаю, от опыта поколения нельзя уйти при освоении любых текстов, особенно связанных с рефлексией о власти.

Теперь я хотел бы с удовольствием сослаться на коллег-москвичей – Бориса Дубина и Льва Гудкова. Они занимаются не только социологическими штудиями, но и литературоведческими. Написали ряд работ о современном истори-

ческом романе. Что же такое? Вроде бы произошла перестройка. Но они на основе разбора современных исторических романов показали: то, что раньше, в советское время, было официальной версией истории, сегодня навязывается с помощью книжного рынка. Таким образом, рыночные механизмы используются для внедрения в массы старой советской идеологии. Средством служит современное массовое искусство.

На этой основе я предлагаю исходный тезис: нужны концепции, направленные против монархических, советских и постсоветских вариантов историографии, а также всех механизмов ее распространения, включая рыночные, в той степени, в которой они некритически воспроизводят монархические и советские идеологемы. Я думаю, что идеи, сформулированные Юрием Сергеевичем и его коллегами, позволяют обсудить эту проблему.

Теперь некоторые иллюстрации. Один из тезисов Юрия Сергеевича – теоретическое прочтение русской истории. Он пишет о том, что «...придает исследованию научный характер, превращая эмпирические факты в научные, а хронике – в историю». Я согласен также с Вашей номиналистской установкой при понимании истории. Здесь уже упоминалось имя Н.С.Розова. В 1995 году вышел целый номер «Вопросов философии», в которых он опубликовал статью «Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера». На основе анализа К.Поппера Н.С.Розов приходит к выводу: «В итоге деятельности К.Поппера в социально-историческом познании укрепился безответственный иррационализм, отказ от труда теоретического мышления в сфере истории». Н.С.Розов высказывает также идею о необходимости построения теорий среднего уровня. В данном случае – теории политики и теории власти. Он это подчеркивает. По его мнению, эти теории могут быть названы холизмом моделей в противовес холизму тотальностей. Вы говорили, что выступаете против реализма, но он ввел различие для определения видов холизма. Здесь есть тонкие различия в методологии социальных наук – пять параметров, пять измерительных шкал, возрастающих по точности: наименования, порядка, интервалов, отношений, абсолюта. Как их использовать при описании исторических фактов?

Количественные методы в историографии используются широко, а в политике – темное дело. Хотя клерки из спецслужб здесь уже давно пасутся. Прекрасно несколько раз Юрий Сергеевич говорил, что результаты конкретных социологических исследований – дискуссионная вещь. Я жалею, что не сохранил те социологические исследования, которые проводились в 1989-91 гг. Ростовским Обкомом КПСС. В них утверждалось, что позиция Обкома наиболее социологически репрезентативна. Тогда впервые я увидел, как целые институты лгали с опорой на социологические исследования, которые вроде бы не вызывают сомнения.

Моя следующая идея такова. Заклучая от противного, – от К.Поппера и от версии Н.С.Розова – нужна такая методология социального знания, которая ба-

зируется на противоположных посылах: не прогресса и свободы, как предлагают либералы, а регресса и рабства. Или, как сказал кто-то из московских концептуалистов, «про-регресса». Считаю, что такая методология может быть не менее доказуемой, чем предложенная К.Поппером. В книжке «Русская власть» я частично и реализую эту установку. Методологические выводы можно использовать для всей сферы социальных и политических наук, не буду их всех перечислять. Здесь интересен как раз вывод об отрицании любых форм онтологии. Вы, Юрий Сергеевич, проговорили это хорошо на другом языке, как «возможность совершенствования разнообразных онтологий».

Далее. Мне очень понравились вводимые Вами метафоры. Всякое исследование начинается с метафоры. Могу сослаться на К.Маркса: «Общество – это организм». На этой метафоре держится целый теоретический конструкт, заимствованный у Гегеля. Мне очень понравился Ваш термин, концепт или метафора «Великая Самодержавная Революция 1517-1649 гг.», в ходе которой в форме самодержавия окончательно сформировалась Русская Власть. Вы пишете: «...Суть великих социальных революций заключалась вовсе не в том, что некий класс приходит к власти..., и даже не просто в том, что возникает новая система... Суть, прежде всего, в том, что возникает качественно новый исторический субъект, способный строить новую систему». Это представляется продуктивным, и здесь я с Вами согласен. Для укрепления этой позиции можно применить теорию революций. Петр Штомпка в книге «Социология социальных изменений» дал обзор существующих теорий революций и указал пять парадоксов, которые должны быть решены, я их назову.

Возникновение революции – неизвестно, что собой представляет та взрывчатая смесь или тот синдром, который должен проявиться в данном месте и в данное время, чтобы произошла революция. То есть, называя нечто революцией, необходимо анализировать те парадоксы, которые уже социологами зафиксированы. Второй парадокс – революционная мобилизация. Неизвестно, почему масса людей вдруг преодолевает барьер апатии, пассивности, инертности и решает сражаться за свои интересы. Третий парадокс – революционное наследие. Неизвестно, где находится общая причина, лежащая в основе революционных порывов. Четвертый парадокс – результаты революции. Неизвестно до сих пор, почему результаты революции обычно так сильно отличаются от того, о чём мечтали революционеры. Пятый – предсказуемость. Это завершающий парадокс, и я процитирую с удовольствием профессора Ягеллонского университета: «...теория революции бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергаться, если же не способна, то это вовсе не теория».

Как тут быть? Забегая немного вперед, скажу о голландском ученом Ойген Розеншток-Хюсси, его книге «Великие революции. Автобиография западного человека». Он высказал идею: Папская революция предвосхитила все социаль-

ные революции Европы и России. Возникает вопрос: «Что такое – Папская революция?». Я не узнал ни у коллег-историков, ни в Интернете.

Ю.С.Пивоваров: У него есть такая толстая книга «Революция», но я, честно сказать, давно её читал и не помню.

В.П.Макаренко: Да. Он постоянно на Папскую революцию ссылается, но в книжке я не нашел. Идея, конечно, очень интересная. Он из Папской революции, произошедшей в лоне официальной церкви, выводит всё последующее социальное развитие. Возникает тогда вопрос – насколько Ваша концепция может быть сопоставлена с тем, что пишет он? То есть может ли быть сопоставлена Ваша идея Великой Самодержавной Революции и идея Папской революции? Как реализовать эти установки, я не знаю.

Ю.С.Пивоваров: Мы пишем ещё о Великой Капиталистической Революции...

В.П.Макаренко: Меня заинтересовал частный случай. Вы очень хорошо прописываете, в отличие от официальной историографии: не Москва, а Литва – реальный модельный наследник Киевской Руси. Наверное, Василий Николаевич, в Киеве об этом пишут, но в наших учебниках, я просмотрел, даже упоминания об этом нет. Правда, до революции 1917 года в гимназиях мужских и женских это преподавалось как два потока русской истории. Один – это Литовское государство от моря и до моря, где основное население – малоруссы и белорусы, где славянский язык и т.д. Это наследница Киевской Руси. Это была официальная историографическая дореволюционная точка зрения. И называлось – Русско-Литовское государство, которое первым начало объединять русские земли, а не Москва.

Из зала: Сейчас на Украине, используя вашу концепцию Русской Власти, объявили украинцев «Лишними Людьюми», «субъектниками», в отличие от россиян.

Ю.С.Пивоваров: Я счастлив за Украину.

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич, Вы пишете, что история не знает слагательного склонения. Многим эта мысль нравится, Вы с ней вступаете в полемику. Вы пишете, что она представляется ошибочной. Мне кажется, можно усилить Вашу концепцию, если связать с идеей ретроальтернативности Игоря Бестужева-Лада. У него эта идея прописана. Мне очень приятно, что Вы вступаете в полемику с евразийскими изысками. В тексте это прописано так: «...эта логика и необходимость были перебиты более сильными и масштабными – евразийскими, будто ломом прошедшими по хребту русских историй и сломавшими, погнувшими их». Это очень сильный образ: евразийство – лом по хребту России. Я предлагаю использовать его для критики прошлого и современного евразийства. Приведу примеры из литературы. Вышла книга «Живя всю жизнь в словах» – воспоминания о Л.Н.Гумилеве, Санкт-Петербург, 2006г. Зелинский пишет, что Гумилёв создал термин «сатаногенез» наряду с пассионарностью. Пассионарность известна, сатаногенез никому не известен. Смысл сатаногенеза

Л.Гумилев изложил в пьесе «Посвящение Асмодея», которая при жизни не публиковалась. Термин сатаногенез означает коллективную гибель. Вопреки учению о ноосфере Вернадского, Л.Н.Гумилев утверждал, что в «...научных кругах пора ставить проблему: ноосфера или сатаногенез». Но в то время, да и сейчас эту проблему ставить было негде. Я думаю, теперь можно поставить проблему сатаногенеза. И укажу два возможных аспекта.

1. В настоящее время в России преобладает понимание религии как элемента культуры. Есть множество концепций культуры, в том числе концепция насыщенного описания культуры. В состав этой концепции входят следующие постулаты: человек есть животное, окутанное сотканными им самим сетями смыслов, которые преобразуют культуру; интерпретативная теория культуры помещает людей в контекст их собственных банальностей, занимается экспликацией, расширяет границы человеческой деятельности и т.д.; культура не является самостоятельной органической реальностью. Короче говоря, Клиффорд Гирц пишет о вопиющей неполноте культурного анализа. Поэтому требуется постоянная связь культурного анализа с политической, экономической, социальной реальностью. Мне кажется, представленная Юрием Сергеевичем и его коллегами концепция эту задачу выполняет. Хотя Вы мало в ней о культуре пишете. Вот это одно из возможных направлений – включение религии в исследование русской власти.

2. Издано три тома книги Дж.Б.Рассела «Дьявол: Восприятие зла с древнейших времён и до раннего христианства». Автор показал, что историко-концептологический метод разработан для исследования экономического, ментального и духовного насилия и базируется на изучении прямого экзистенциального зла в христианстве и других религиях. Этот метод противостоит теории архетипов Юнга, феноменологии, структурализму. Для обобщения используется материал социологии и истории идей. Из всего этого можно вывести концепт совпадения религиозного зла и политического зла. Для понимания идеи зла и страдания, в том числе в России, этот метод чрезвычайно важен, поскольку позволяет описать связь религии и насилия. Например, Рене Жирар написал «Насилие и священное», и показал, как насилие входит в религиозные практики. Это насилие проявляется в концепте священной войны в исламе, христианстве и других религиях. На этой основе можно как минимум написать интересную статью. Я только чуть-чуть это зацепил.

Еще одна тема. Г.И.Зверева проанализировала интеллектуальный рынок с 1990 года. Она включила Вас в следующий список: Ахиезер, Дугин, Ерасов, Ильин, Кантор, Панарин, Платонов, Пивоваров, Троицкий, Уткин, Цимбурский, Чубайс, Шкаратан, Яковенко. Аргументирует это тем, что «основы этих работ образуют разные концепции цивилизационной специфики России». Но мне кажется, Вы цивилизационными штудиями не вдохновляетесь?

Ю.С.Пивоваров: Я первый, кто опубликовал в России Данилевского, но это не значит, что я являюсь его сторонником.

В.П. Макаренко: Я это и имею в виду. Г.И.Зверева осуществляет критику историософии, а если бы я писал ваш текст, то подумал бы: являюсь ли я историософом? У меня здесь длинный разговор, а закончу выводом Г.И.Зверевой: «В конечном счёте построения историософии в России выглядят попытками генерации и закрепления того научно-публичного дискурса, который претендует на нормативность в пространстве социогуманитарного знания, и одновременно в условиях становления российской государственной идеологии стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании». Вот тут надо записать, что в эту компанию Вас зачислили зря. Мне представляется, что та работа, которую делает Юрий Сергеевич Пивоваров, весьма продуктивна. Она позволяет продвинуться от жвачки, которая на книжном рынке сегодня представлена на уровне «научных монографий». Надо взять на прицел догмы современной российской историографии.

Ю.С.Пивоваров: Я немного о евразийцах. Вы сказали про Гумилёва – это так история сложилась, что он считал себя евразийцем, и Пётр Савицкий его на царство венчал. На самом деле, между трудами Гумилёва и трудами евразийцев начала 1920-х годов нет почти ничего общего. Дело в том, что евразийцы по отдельности – Н.Трубецкой, П.Савицкий, П.Сувчинский, Н.Алексеев, Г.Вернадский – были замечательны в своей отрасли знания. Это были замечательные мыслители, их работы научная молодёжь должна знать, причём многие из этих работ не евразийские, а их собственные. А сегодня есть такая пошлая мода на евразийцев, это одно. Другое дело – общая евразийская концепция. Но есть третье – труды этих людей. Для меня, например, очень дорогим и интересным русским мыслителем является Н.Н.Алексеев – главный политолог евразийства. Его работы писались и в евразийский период и в постевразийский период. Они дают очень много для понимания природы власти и права. Или работы Савицкого по политической географии. Они тоже интересны. Или работы Вернадского на английском языке о русской истории не менее интересны, его работа 1927 года «Начертание русской истории» – это главное историческое произведение. То есть, критикуя пошлую моду на евразийцев, это извращение идеи, можно сказать, что написано много замечательных и потрясающих работ. К этому надо дифференцированно относиться, из 100% написанного там 85% – это подлинная наука и поиск. Другое дело, что эти 15% настолько отвратительны по своим политическим последствиям, будучи ранним аналогом национал-социализма в Германии. Есть работы, сравнивающие эти вещи. Евразийцы – очень серьёзные были люди.

В.П.Макаренко: Яотреагирую – действительно, к евразийству надо подходить дифференцированно. Возьму Георгия Флоровского, он был сначала евразийцем, потом стал их критиковать, но его потенциал пока не используется! Евразиец даёт такой материал для критики евразийства, которая ещё не прописана. У евразийцев есть тяга к Востоку, «свет с Востока» – одна из магистральных банальностей. Как изучать эту банальность? Я сам заядлый читатель. В про-

шлом году под руку попалась книжка «Русские военные востоковеды». 400 офицеров-востоковедов занимались разведывательной деятельностью до Тибета, на этой основе возникли Рерих и Блаватская, её учение. Это всё единый мутный поток, который сегодня заливаает мозги, как моча. Дело в том, что эта идеология кумулировалась среди русских военных востоковедов – это такой социологический пласт генезиса «тяги к Востоку». Теперь возьму, к примеру, книгу Шебаршина «Рука Москвы». Он пишет, что в МГУ были восточники, в МГИМО – западники. Я не буду говорить о научной и политической судьбе Юрия Примакова, бывшего премьер-министра, он был резидентом в пограничных восточных странах. Читать эти автобиографии очень интересно, я бы взялся за конкретное исследование евразийства с учетом прямой деятельности этих, так сказать, «любителей Востока»...

Ю.С.Пивоваров: Но ведь британские и немецкие востоковеды тоже были агентами их разведки. Как и специалисты по Западу были агентами на Западе.

В.П.Макаренко: Вы предвосхищаете, я люблю конкретный разговор. Хорошо. Возьму «Семь столпов мудрости» полковника Лоуренса – шпиона похлеще наших. Там совершенно другая идеология, чем в работах П.Савицкого и других евразийцев. Это несравнимые вещи. Полковник Лоуренс был английский разведчик, занимался конкретным делом, учил подрывать поезда и другим интересным занятиям, на него мочился верблюд в пустыне – он так смачно об этом пишет... Но тип рефлексии у него совершенно отличный от евразийцев – я никакой аналогии здесь не вижу.

Ю.С.Пивоваров: Но они иногда и пользу приносили. К примеру, Сталин узнал, что Америка начала осуществлять атомный проект из письма, которое Вернадский своему отцу отправлял. Тот сказал Капице, а тот позвонил Сталину. То есть, эти люди следили за тем, чтоб мир был равновесный. Кстати, чекисты в 1932 году раскрыли заговор – так называемое дело славистов, – что в ЧК и в штабе Тухачевского получили распространение евразийские идеи, и они действительно рассчитывали на евразийскую революцию в России. Да, чекисты внедрились в евразийскую среду, использовали евразийцев как агентов НКВД, но приняли евразийскую идеологию. В 1932 году их пустили под нож, но Тухачевского не тронули. Сергеев был резидентом советской разведки в Париже, на нём кровь Льва Седова, сына Троцкого, начальника разведки. Он был левый евразиец, и за это его советская власть по полной: его дочку в лагерь; жена повесилась; сын погиб на фронте. В том году была уничтожена вся резидентура советской разведки.

В.П.Макаренко: Мы несколько отвлеклись и подавили своими рефлексиями аудиторию. Кто хочет высказаться?

А.Н.Ерыгин: У меня есть вопрос. Ты в самом начале сказал, что нам нужны концепции, направленные против монархических, советских и аналогичных вариантов историографии, нам нужна методология социального познания, потом критика, критика. В таком варианте возможна наука, когда всё критикует-

ся, предлагается под нож все пустить? А с другой стороны, нам нужно то-то и т.д. У меня после твоего выступления, его второй части, сложилось впечатление, что в этой аудитории наука не нужна. И Русская Система куда-то делась, то есть мы уходим от темы. Я считаю, что обсуждать при наличии того, что Вы с Юрием Сергеевичем наметили, нечего. Концепции нет, до этого я Юрия Сергеевича не читал, благодаря Макаренко прочитал, потом посмотрел, что есть в Интернете. И здесь сказано – это всё не концепция, это намётки, тезисы. Плюс к этому было сказано, что это большая задумка и метафора. И с одной стороны есть эти намётки, а с другой – книга «Русская власть». Что сравнивать? Концепции русской власти нет. Я услышал призыв критиковать и нам нужно то-то. Зачем нам опровергать монархические концепции? Наука не занимается этим, она делает своё скромное и позитивное дело. Где тот элемент науки, который прозвучал в твоём выступлении к тому, что помещено в «Русском историческом журнале» в статье Пивоварова-Фурсова. Где тот элемент науки, который ты там заметил?

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич сказал: глупо считать Русскую Систему существующей, он выполнял эвристическую задачу. Она заключается в сколачивании табуретки, на которой можно сидеть и заниматься изучением. А я некоторые элементы этой табуретки попытался развить. Из твоего вопроса вытекает иное понимание науки, нежели номиналистическая версия методологии социального познания. Она противоречит твоему пониманию науки. Теперь насчёт позитива: в состав политической концептологии входит положение о необходимости дистанцирования всей системы социально-политических наук от политической конъюнктуры. Здесь я сослался на опыт поколения и сам опыт существования науки в XX веке свидетельствует о тупиках, которые известны. История России в XX веке и является таким тупиком.

А.Н.Ерыгин: Но всё-таки наука стремится к открытию строгих законов и фактов.

В.П.Макаренко: Ты говоришь, что читал книжку «Русская власть», а там описаны три версии фактуальности. Ты говоришь о факте, не учитывая, что существует несколько концепций фактов.

А.Н.Ерыгин: Предмет – Россия, а если это не так, то обсуждать нечего! Я читал то, что предлагалось к обсуждению, и Виктор Павлович по поводу этой статьи высказался.

А.В.Лубский: Если кто-то хочет искать исторические законы, то ищите. Мы предлагаем методологический конструкт. А кто не хочет их открывать и считает, что их не существует, пусть занимается другим. Он должен получать научные факты, но возникают интерпретации фактов.

В.П.Макаренко: Мы уходим от темы.

Ю.С.Пивоваров: Статью, о которой Вы говорите, я не считаю удачной, у каждого человека много статей. А в этой статье кое-что да сказано. Мне не совсем удобно говорить, так как я один из авторов этой статьи. Я уже говорил,

что цельного текста нет, есть отдельные материалы. По поводу законов я могу сказать, что мы убеждены: их в истории нет. Русская Система – это попытка обрести язык, с помощью которого можно разговаривать о методологических проблемах. Она выросла у авторов, которые по роду работы десятилетиями занимались анализом западной науки, касающейся России. Я думаю, нет ни одного такого человека на земле, который бы по роду своей деятельности написал бы такое большое количество рефератов по России. Мне просто зарплату платили за младшего и за старшего научного сотрудника в ИНИОНе, Фурсов там специализировался по Востоку. Мы просто сели и стали писать, что мы думаем по поводу попытки понять русскую историю и найти какой-то общий язык, на котором можно говорить о явлениях за пределами России. Как все русские люди, мы ставим гигантские цели построить коммунизм, но не можем газ провести в соседнюю деревню. Относится ли это к той науке, которую мы преподаём в университете? – точно не относится. Это не история, не социология и не политология, а просто попытка людей, которые думают, поразмыслить. Мы сами не историки по образованию, я – международник-германист, а Фурсов востоковед по образованию. Мы даже не претендовали на то, что это будет как-то изучаться и исследоваться.

А что такое факты? – факты это быт, как сказал Фернан Бродель. А что является фактом? Вот Вы говорите об открытии новых фактов. Каких фактов?

А.Н.Ерыгин: Я приведу пример. Ещё в середине XIX века С.М.Соловьёв, начиная свою «Историю России с древнейших времён», обозначил в предисловии свои задачи и обозначил основные явления русской истории. Кстати, до меня никто в литературе о Соловьёве эти факты не вычленил. Затем эти явления рассматриваются через совокупность конкретных фактов, которые могут быть строгим анализом, даже для историков получены. Первый факт, который мы констатируем – это протяженность той территории, где располагались славянские племена. Факт восточно-европейской равнины, который никуда не денешь и который определяет своим строением определённую конфигурацию единого государства, в отличие от ряда государств восточной Европы. Это явление, которое он зафиксировал: так случилось, что есть такая территория и на неё славяне осели, получилось единое государство.

Второй факт: в течение IX-XI веков на этой территории происходило расселение, связанное с географическими обстоятельствами. В это время не было многих вещей. Третий момент: во второй половине XII-го века начинается отток с Киевской Руси в сторону северо-восточной Руси, который до прихода татар обеспечил движение событий в том направлении, в котором потом ордынский толчок дал им импульс двигаться дальше. Но обеспечило это и те явления, которые мы можем зафиксировать и поставить. Они дали эффект появления новых городов, где нет княжеской власти с той формой собственности, которая была раньше. Города оказались княжескими – подчинёнными, и отношения сложились наподобие Киевской Руси – то есть, подданства. Появилась вотчинн-

ая собственность и та первоклеточка, на которой базируется вся последующая история. Это не факт?

А.В.Лубский: Так что же было для Соловьёва первично – те самые факты, которые ты называешь, или общая концепция Соловьёва, которая позволила отобрать эти факты? Я считаю, что сама концепция Соловьёва определяет, что изучать и что считать фактом.

А.Н.Ерыгин: Ты читал мою работу и знаешь, что сначала он выдвинул историко-философскую концепцию, и под влиянием Гегеля выдвинул концепцию изучения русской истории. Затем изучение русской истории создало обстановку, что ненормально навязывать все эти умозрительные обобщения эмпирическому материалу. Реальное изучение русской истории привело к тому, что он отказался от своей философско-исторической концепции. И вообще отказался от философии, начав строить строго научную концепцию истории. Он её менял несколько раз, изучая от тома к тому новые явления. Дойдя до середины XV века перестроил её ещё раз и т.д.

В.П.Макаренко: Коллеги, на исторической почве мы к согласию не придём никогда.

А.Н.Ерыгин: Каждый должен уважать в науке дело, произведённое строго научно. Если Соловьёв открыл какие-то факты, то их надо либо пересмотреть, либо ввести в новую систему связей, если они не согласуются с другими фактами.

В.П.Макаренко: Хочу прокомментировать: ты исходишь из явления существования одного-единого государства и говоришь о факте в теории Соловьёва. Выведение природы, характера рас и поступков людей – вся методология XIX века была сформулирована в духе романтизма.

А.Н.Ерыгин: Это теория географического детерминизма, но это роли не играет. Географический детерминизм – это абстрактная правда, а Соловьёв в своём труде применил её к анализу русской истории.

В.П.Макаренко: Не пойдёт! Когда Соловьёв писал свой вариант историографии, в Европе аналогичные варианты развивались – в Германии, Англии, Франции.

Ю.С.Пивоваров: На самом деле речь идёт не о Соловьёве. Вы когда говорили, что читали статью в «Русском историческом журнале» и не увидели там концепции, то я не обиделся. Просто мы с Вами по-разному понимаем науку, и Соловьёва Вы лучше знаете, а я, как и большинство в этом зале, простой читатель его работ. Но что Вы там прочли такое, что заставляет защищать Соловьёва, которого не надо защищать? Вы защищаете какой-то свой подход к науке?

А.Н.Ерыгин: Я должен сказать, что никакой отрицательной оценки к тому, что мы увидели, в этой работе нет. Я прочитал вашу статью, до этого я не читал ваших работ, и благодарен Макаренко за то, что он мне её дал. Потом я нашёл Ваши материалы в других журналах, ответы на вопросы. Всё это меня привлек-

ло, поскольку соответствует тому духу, который я сам исповедую. Многое от туда мне близко, многое я сам высказывал по поводу трактовок ранней русской истории. Эти вещи и многое другое мне показалось очень ценным, и сама статья и по тематике, и по нацеленности – очень серьёзный вклад, чтобы переместить устоявшиеся точки зрения и позиции. Но, начав что-то новое, мы должны быть бережными и аккуратными. Ломая, мы не должны попадать в ситуации, когда Юрий Сергеевич сказал, что у нас там всё хорошо. Меня восхитило понятие Великой Самодержавной Революции, в связке лютеранской реформации и идеи Москвы-Третьего Рима. Они совпадают по датам, и всё это выглядит красиво, – я читал и восхитился. Но я не уверен, что Вы докажете, что эти две революции по сути параллельны.

Ю.С.Пивоваров: Я германист, и легко Вам это докажу, что они синхронны и параллельны. Выехали с одного вокзала в разные стороны. В моей интерпретации это сопоставимые вещи, очень даже. Сопоставимые вещи, только прямо противоположные. В этом смысле я их сопоставляю. Это то же самое, как я могу сопоставить рейганомику, тегчеризм и горбачёвские реформы в экономике. И гайдаровские реформы – это было одно и то же, а привело к совершенно разным результатам. Но интенция была очень схожей. В истории есть такие вещи, которые бывают очень схожи. В Европе в довестфальский период, фигуры Лютера и Филофея – фигуры проблематичные в формировании нового на Западе и у нас. Думаю, что Соборное уложение сопоставимо с тем, что получила Европа после Вестфальского мира, то есть были сформированы новые порядки. Меня, как позитивиста, поражают эти совпадения. Я могу очень много говорить о таких совпадениях. Например, есть тема, не затронутая в Русской Системе – это передельная община в России. Её в истории вообще нет. Есть много вещей, не затронутых здесь, и мы много книг и статей написали – уже почти пенсионеры. Поэтому по этой статейке всё понять невозможно. Я говорил утром, что мы хотели посвятить русскую систему М.Н.Покровскому, – говорил провокационно. Мы не скрываем его влияния на нас, при всём отвращении к его социальной функции. Там есть продуктивные идеи.

В.П.Макаренко: Я предлагаю вашу полемику притормозить и дать слово А.В.Венкову.

А.В.Венков: Я наблюдаю, как это исследование попало к философам, и они стали рассказывать о себе и о своих работах – их характерная черта. Давайте вернёмся к русской власти. Прочитав работы, я могу сказать, что их трудно сравнивать. Но мне более импонирует первый докладчик, так как я сам учился в советский период, и мы привыкли связывать политические процессы с развитием экономики и социальной структуры общества. В докладе я обратил внимание на феномен Популяции, и здесь сделаю историческую ремарку. После войны немцы сразу Германию отстроили, мы формально тоже отстроили, но я сразу вспомнил воспоминания покойного А.И.Козлова: наши солдаты, вернувшись с фронта, первые два года только пили и никто не работал. Давайте на это по-

смотрим, так как власть в некоторой степени рекрутируется из популяции. Что из себя представляет наша популяция? Финны не боятся сухого закона, они ввели его. У нас в Покрове, например (это те же угро-финны), – качество населения! У нас на юге пьют, но так не спиваются – развит славянский элемент. Давайте вспомним: население северо-восточной Руси на стыке тысячелетий перешло Днепр, двинулось и оккупировало эту территорию, на которой потом возникла Московская Русь. Как говорил Есенин, «..растворилась Русь в мордве и чуде». Завоевателей не может быть больше коренного населения, их было примерно столько же. В итоге мы получаем: контингент популяции Московской Руси один, а в Руси власть иная, более того, – по религии иная; она принесла христианство. Потом власть рекрутировалась из тюркоязычных, Литвы, прибалтов, немцев. Некрасов нам говорил «Потомок татарки коня выводил на рынок раба-славянина».

Ю.С.Пивоваров: Ровно треть – выходцы из Европы, треть тюрки и треть славяне.

А.В.Венков: Да, а низовое население – угро-финны. Позже наш популяризатор Валишевский, когда писал об Иване Грозном, говорил, что власть оккупационная. Это наша русская власть. После Петра Первого, когда началось впитывание верхним слоем европейской культуры, а низы остались традиционалистскими, они снизу вверх смотрели на власть как на иностранцев. Аркадий Аверченко описывал, как европейски образованные пытаются любить русский народ и организуют хождения в народ. А народ рот раскрыл и шарахался при первой возможности, – Боже упаси! В итоге у нас власть и народ расколоты. Если власть по истокам своим оккупационная, то она к народу так и относится. С другой стороны, огромный ряд противоречий, который образовал нарыв, закончившийся революцией и гражданской войной – власть абсолютно поменялась. Когда мы с этой стороны пытаемся смотреть на историю России, то я считаю, что мы зря отбрасываем формационные подходы. То, что у нас было с 1920 до 1990-х годов, четко объясняется формационным подходом. У нас революция и гражданская война выбила верхушку. По социальной структуре Россия откатилась на период Древнего Египта. По аграрному законодательству и Декрету о земле 98% земли отошло крестьянам-общинникам. У нас раздут бюрократический аппарат, так как полуграмотные батраки заняли свои места и могли исполнять функции царских чиновников. Рабочего класса было 2%. По социальной структуре у нас море крестьян-общинников и бюрократия. Это Древний Египет.

Мы декларировали построение социализма, коммунизма. А в реальности мы имели рабский труд и систему лагерей, где работали за еду. И в массе население пережило крепостное право, но уже в классическом, европейском варианте. Посмотрите, в России крепостное право есть прикрепление человека к человеку, а в 1932 году вышел паспортный закон о прикреплении человека к территории. У нас сейчас в паспорте прописка – это прикрепление к территории. Мы

должны здесь чётко соотносить: с точки зрения развития экономики, мы рванули вверх. А с точки зрения социальной структуры, у нас Древний Египет, но остались железные дороги, и мы вышли очень быстро, у нас появилась теневая экономика, мы пришли через феодализм к капитализму. А какой остался менталитет? К власти пришли крестьяне со своим общинным менталитетом. Ленин был с университетским образованием, Сталин с семинаристским, Хрущёв и его окружение были крестьяне неграмотные, менталитет у них крестьянский. Я был на совещании в Москве политологов, социологов и слышу там риторику, что народ должен поддерживать власть, а власть должна прислушиваться к голосу народа. Эти рассуждения о соборности идут с XVII века. Такой крестьянский менталитет оправдывает существование самой власти. В этой ситуации мы должны исходить из двух вещей: - социальная структура; - менталитет и его соответствие социальной структуре. Мы пережили урбанизацию, весь этот крестьянский народ ушел в город. Там эти крестьяне чувствуют себя одиночками. Живёшь на лестничной клетке и не знаешь своих соседей.

В.П.Макаренко: Понятие городской культуры сделалось чуждым городу как некоей духовной целостности, люди не чувствуют себя родными.

А.В.Венков: Почему всем захотелось свободы? Все пришли, и началось массовое движение несунув. Власть советская превратила колхозы в совхозы, собственность отобрала, сделала их наёмными рабочими, и они поехали в город – нужна свобода!

Вот в этой работе о русской власти для меня очень ценны были моменты о популяции. В этом смысле работа Юрия Сергеевича, действительно, достойна изучения. Мы должны по-новому рассматривать всё это, зреть в корень. У нас, действительно, были откаты. Мы идём прежним формационным путём – через феодализм к капитализму. Посмотрите на многострадальную Украину: Богдан Хмельницкий поднял восстание, разнесли панов, отменили эту зависимость, восстановилась у нас там военная демократия – гетманщина. А когда Петр Первый брал их в Северной войне участвовать, то украинцы шли очень охотно. Почему? Они захватывали чухонцев в плен и уводили на Украину, и там эти пленные чухонцы были рабами.

В.Н.Ткаченко: Да что Вы такое говорите? У нас есть другие факты.

А.В.Венков: Мы смотрим отчёты, которые писали, к примеру, Репнин, Шереметьев. Казаки захватили чухонцев и увезли их на Украину. Какой у них статус? Рабов. Потом на Украине Екатерина Великая устанавливает крепостное право. Возьмём нынешнюю Чечню – за короткий период через неё прошло 800 тыс. рабов и заложников, народ не сопротивлялся – и это в 1990-е годы! Они спокойно восприняли это рабство. Эта лесенка: родовой строй, потом рабство, феодализм, и опять к капитализму приходим. Эта формационная теория имеет рациональное зерно.

Н.С.Абдулов: Я читал статью и книгу, и мне далеко не всё понятно. Но я вынес из всех этих разговоров: власть – это бяка, русская власть – двойная бяка,

а советская власть – многократная бяка. И в эту линию подвёрстывается и Грозный и Сталин, в таком умозрительном сочетании, и нет даже попытки прояснить, какой смысл вкладывается в Русскую Систему. Постулируется три элемента, но никакая система из трёх элементов не состоит, а взаимосвязи? Я нигде в этой книге не прочитал, какой смысл Вы вкладываете в понятие «Власть»? Я очень положительно отношусь ко всяким поискам, но отсутствие логики... Логика требует определённости – каков предмет, о чем идёт речь. Логика требует обоснованности – у Вас же много оценочных суждений. И есть ли критерий, по которому можно отделить фантазию от научного объяснения? Мы можем фантазировать сколько угодно, предлагать концепции и схемы, но есть ли критерий? То, что я говорю – это моё восприятие, которое может быть таким же ошибочным, субъективным и произвольным. И вот у меня вопрос: Вы, Виктор Павлович, говорите, что любая социальная теория должна дистанцироваться от любой политической конъюнктуры. Но назовите мне любую теорию, которая могла бы дистанцироваться от социально-политической конъюнктуры. Даже в естественных науках главная задача в минимизации влияния аппаратов и оборудования на результаты исследования. А у нас самый ненадёжный источник познания – это человек. Мы не находимся в вакууме, мы также наполнены всякого рода конъюнктурами.

Я, честно сказать, пришел не столько выступать, сколько послушать, понять, разобраться для себя. Но, честно сказать, пока не разобрался.

В.Н.Ткаченко: Первое, что хотелось бы отметить, – это радостный приезд в Ростов. Информационное поле такое большое, на Украине сейчас разгул демократии и паралич власти. У нас никто не издавал закона «О комиссии при президенте по попыткам фальсификации истории в ущерб интересам...». Кто что хочет, то и пишет. Есть у нас газета «Россия-2000», и Костя Затулин имеет свой филиальчик там, пишет материалы в стиле Жириновского, Третьякова. У Третьякова есть такое: «Пусть украинцы не думают, что они титульная и государство-образующая нация. На Украине две государство-образующие нации: украинцы и русские. Мы смотрели сквозь пальцы, что часть русских людей и русская территория попала под украинские суверенитеты. Но сейчас, когда стоит вопрос о НАТО, то мы должны поставить вопрос, что русская государство-образующая нация должна самоопределиться...».

Как это понять? Это как если бы украинцы ставили вопрос: кубанские украинцы должны самоопределиться. Такие газеты в каждом киоске. Вот я приехал в Одессу и не нашел украинской газеты. Вся пресса русскоязычная. Русификация – 27% украинского населения в Крыму. Короче говоря, когда так смотришь и видишь, что делается, а власти нет, паралич, и смотришь на парламент – то ли там коалиция есть, то ли её нет. Правительство то ли действующее, то ли недействующее. Президент: какой у него статус – неясно. Такая тоска разбирает, а тут ещё надо ехать в Ростов, и там скажут, что мы такие-сякие. Оказывается, мы чухонцев брали в рабство!

Я 12 лет был на государственной службе и не отслеживал историческую литературу. Но я думал: сейчас приеду и буду смотреть Ю.С.Пивоварова, поскольку мне это стало интересно. Мы встречаемся и становимся интересными друг другу. Мы можем поднимать самые различные проблемы и увидеть резонанс. Я, сколько ни писал книг, старался уйти от темы того зла, которое «проклятые москали» причинили Украине. Потому что легче всего найти супостата зарубежного и снять с украинцев ответственность за свою судьбу. Сказать: мол, нам не давали, не пускали никуда и т.д. Что это за убогий народ такой, и что мы не понимаем, что с такой историей нельзя к детям выходить. Дитя подумает, мол, угораздило меня уродиться среди таких подонков, которые не знают, кто они и что они не могут определиться, да лучше бы я родился в другом месте. Я это сам испытал – у моей дочери в 9-ом классе был такой кризис, она говорила: «Папа, эта твоя украинская идея и эта деятельность, ты видишь, что мама страдает, а я выйду замуж за русского, и в моей семье будут говорить по-русски». А когда появилась независимая Украина, то дети переменили своё отношение. Поэтому очень хорошо, что мы встречаемся, у нас есть что сказать друг другу. Если я буду говорить о борьбе за наследие Киева – у Чубарьяна эта идея проходит, – то не надо так за киевское наследие бороться. Есть такое направление в российской историографии, солидные учёные аргументируют и доказывают – и уже есть какие-то союзники, есть какое-то понимание, а не эти туполобые политики, которые будут говорить всё, что угодно.

Дальше насчёт Хмельницкого посмотрим. Когда рассматривают эту систему власти, – а там всё совершенно по-другому, – то не видят сюжет Переяславской рады. Просто объективно одну власть с другой было сложно соединить. 8 января 1654 года в Переяславе в Храме Святого Успения собралось духовенство московское и духовенство киевское, спели все псалмы и собрались подписать, а дело затянулось. Но когда пришли Хмельницкий и старшина, то говорят: «Надо, чтобы царь присягнул украинскому народу в том, что он будет соблюдать права и традиции, и тогда мы присягнём царю на верность, и не было такого, что Украина входила в состав России». Речь шла о том, что сюзерен-царь выступает одновременно царём российским и сюзереном украинским. Украина в состав России не входила, она принимала верховенство царя при протекции над собой и всё такое прочее. А как это царь будет вам присягать? Дело в том, что в составе княжества Литовского король нам присягал и была взаимная обязанность. «Да о чём вы говорите, когда это украинец будет присягать!» – Хмельницкий делает демарш, выходит, бояре остаются. Хорошо, что церковные песнопения заполняют эти паузы, но проблему нужно как-то решать! Потом подходит Иван Богун с другим старшиной и пытается уразуметь, говоря: «Что же мы скажем казачеству?». На это отвечают: «О чем вы вообще говорите, если вы старшина и не можете поставить эту чернь на место, то о чём вы говорите?»

Это две совершенно противоположные системы власти и конституционного права и понимания, кто и кому присягает. Хмельницкий был в таком состоянии, и русская сторона говорит, мол, давайте подпишем и поедем в Москву, а там уточним, придем к консенсусу. Собрались – надо подписать, одни понимали под этой бумагой одни права, а другие совсем другие, и это все тянулось сотню лет. Уже в 1762 году была целая поэма – «Разговор Малороссии с Великороссией». Малороссия говорит: «Я не тебе присягала, я присягала царю, и царь у нас общий, а мы с тобой равные». В ментальности было понимание, что мы живём ещё при старых тех порядках, а их уже не было. Эта традиция подминала под себя остатки Киевской Руси, а московская власть заявляла о себе. Потом вы говорите о чухонцах, а это напоминает, как вы в прериях индейцев отстреливали.

А.В.Венков: У нас тут и ногайцев в плен брали...

В.Н.Ткаченко: Давайте посмотрим на эволюцию, когда Хмельницкий и союзники воевали против Великого княжества Литовского. Иван Золотаренко идёт на Гомельщину, какова его политика? Он занял сторону Белоруссии и говорит: «Всем записываться в полки, феодальное право отменяется». Система показачиванья, которая была на Украине, автоматически переносится на Белоруссию, там создаётся гомельский казачий полк. А в Витебской области проводится совсем иная политика, – почитайте белорусских авторов, к примеру книгу «Странная война». Там просто захватываются территории, как это было в Новгороде и Пскове, население собирают и переселяют в центральные области. То есть пока шла война на Витебщине, осталось до 30% населения, потому что это живой товар. Существовала, с одной стороны, система показачиванья, а с другой – увод в рабство. После Андрусовского перемирия 1677 года Украину разделили на две части. Вся Киевская и Черкасская области были объявлены выжженной землёй. Шло насильственное переселение украинцев на левый берег, сжигались сёла. Человек, попавший в состояние, когда он терял землю, – терял всё имущество, попадал в кабалу к казацкому старшине, он уже терял свободу. Постепенно, уже при Мазепе, стали появляться крепостные дни. У всех мазеповцев стали отнимать имения. Всё население переводилось в крепостные. То есть, торговля людьми пошла уже как система власти. Если своих уже отдали в рабство, а там и Северная война, то грех чухонцев не взять, коль уж пошла такая пьянка, как говорится. А прошло всего-навсего 50 лет с того момента, как украинцы ввели показаченье в Белоруссии. Через 50 лет они уже своих закрепили. Это то, что разъединяет.

Теперь говорят, что нас объединяет христианство. Я вспомнил после Майдана Драгоманова, когда он говорил об украинцах XIX-го века, как о набожных и т.д. Он говорит: «Какое христианство, на Украине двоеверие ещё с языческих времён, и как оно было, так оно и осталось, а особенно следы манихейства. Это мир, поделённый чётко на две части – это мир света, и это мир тьмы. Здесь собралась правда и наоборот, и пока правда не уничтожит неправ-

ду, на этой земле мира не будет!». Когда я смотрел это действие на Майдане, то где-то собрались силы света, а где-то собрались силы тьмы, и провозглашалось: «На нары и в тюрьмы сажайте!». Я смотрел, и у меня вопрос: что делается? И этот лозунг «Преступная власть». Неужели они не понимают, что он может быть использован против них же, как это и делалось. Мне кажется, надо преодолевать не христианство, а манихейскую психологию в широком смысле. По поводу украинского национализма я хочу вам сказать: когда Путин представлял Медведева Меркель, то сказал, что, мол, нормальный человек, такой же националист, как и я. Это не вызвало отторжения. Поэтому непонятно, почему украинский национализм вызывает такие вопросы.

В.П.Макаренко: Дорогие коллеги, на сегодня достаточно. Всем спасибо за участие. Завтра продолжение работы в зале заседаний СКНЦ ВШ.

Перерыв.

В.П.Макаренко: Разрешите приступить ко второй части. Вчера не успел высказаться А.Н.Ерыгин.

А.Н.Ерыгин: Продолжая вчерашний день и имея в виду то, что было передо мной, я не могу выходить за эти рамки. Если что не так скажу, – прошу не обижаться, так как я не слышал первых двух докладов. В основу того, что я должен в эти краткие десять минут сказать, я положу мое прочтение статьи «Русская система, генезис, структура, функционирование – тезисы и рабочие гипотезы». Эта статья произвела на меня большое впечатление. Сожалею, что в свое время ни «Русский исторический журнал», ни другие издания, в которых есть работы Ю.С.Пивоварова-А.И.Фурсова, мне не попадались. Это мое упущение. Что же мне предпочесть: остановиться с докладом, над которым я сейчас работаю и пишу критику или заняться изучением Пивоварова-Фурсова? На меня все это произвело большое впечатление. Напоминаю обстановку: обе работы – книга Виктора Павловича и статья Пивоварова-Фурсова вышли в 1998 году. 1990-е годы – это время, когда развалился Советский Союз, рухнула марксистская идеологическая система воззрений, исчезла теория из серьезного представления об истории, обществе, культуре. Но одновременно появилась трехтомная работа Ахиезера, которая проложила новые пути к рассмотрению русской истории. После Ахиезера пошло-поехало! Появилось много самых разных, как грибы после дождя, вещей. Читая эту работу, я погрузился в 1990-е годы, в ту свежую атмосферу, когда создавалась новая парадигма исследований в области истории, социальности, политики, то есть на стыке истории и философии. Сам я историк по исходному образованию, считаю себя историком, хотя у меня философские степени; свои работы пишу на стыке исторической и философской науки. Так вот, читая данную работу, я нашел много интересных и замечательных вещей, которые меня порадовали: и исторических, фиксирующих время 1990-х годов, так и сегодняшнего дня.

Коснусь момента, который вчера прозвучал по поводу Украины. Сегодня многие рассуждают на эту тему так: какая реальность есть, такая и есть. А в

свете Русской Системы у нас совсем другой взгляд: спокойный, взвешенный, разумный. Если мы признаем факт Русской Системы, проект которой сделан Пивоваровым-Фурсовым, то все просто и ясно. То, что произошло в годы перестройки, демократизации и всех последующих вещей, – дело временное, «халиф на час». Есть или нет государство Украина – это дело сегодня не принципиальное. Россия в четвертый раз находится в этом положении, Я нисколько не хочу обидеть Украину, – у меня старшая дочь замужем за украинцем, мать украинка, я себя наполовину считаю украинцем; но факт есть факт – есть Русская Система, а Украина, Прибалтика, Закавказье, даже Финляндия – все это ее части. Никуда не денешься – то, что русское государство освоило ко времени русско-японской войны (примерно) – и есть поле Русской Системы.

Вступая в противоречие со многими историками, я отстаиваю взгляд: русское государство возникло не в IX веке, не в XI веке, не в XVI веке, во время самодержавной революции, а возникло и сложилось в XX веке. Таковы наши громадные геополитические обстоятельства! И все это громадное историческое время было временем складывания российской государственности. Русско-японская война и вторая мировая война показали наши примерные границы. Все! Теперь они ясны! Трижды эти границы исчезали: после монголо-татарского нашествия, Смуты, Октябрьской революции. И снова восстанавливались, в той или иной мере с небольшими изменениями. Что сегодня будет? Восстанут ли они в четвертый раз? Если восстановятся, мы можем вслед за Г.П.Предвечным признать: Россия – страна на тех исконных территориях, которые вначале были заняты славянами, а потом были заняты в ходе колонизации Россией, включая даже американскую часть территории. Да, Аляска – тоже российская территория! А как оно в итоге цивилизационно и геополитически сложится, – покажет будущее, не нами увиденное, нам до него не дожить.

Вот почему важно понятие Русской Системы. Оно ориентирует нас на устойчивый, стабильный, воспроизводящийся конструкт, который одновременно является творческой конструкцией автора. Этот конструкт отражает нечто в самой реальности – историю российского общества, культуры и цивилизации, которая глобально сложилась, развернулась и создалась. Вчера А.В.Лубский приводил слова Г.И.Зверевой, согласно которой Ю.С.Пивоваров находится в команде покойного А.С.Панарина и других почвенников. Я не знаю, чем Зверева руководствовалась. Но мы видим в гипотезе Русской Системы замечательную идею – выявление элементов, которые сегодня структурно начинают замечаться политологами, социологами, историками. Момент устойчивой государственности, неустойчивой базисной субстанции – народа, национальности, Популяции (как ни назови, это просто различные наименования одного и того же элемента), элемент «Лишних людей».

В концептуальном плане эта концепция развита в Ростове в работах М.К.Петрова. К сожалению, на работы Петрова ссылаются редко и мало, а зря. Потому что его анализ сопоставления Китая и Западной Европы, показываю-

ший роль «лишних людей» в формировании социальности, дает нам такое направление исследования, которое приоткрывает новые вещи. Совершенно стихийно, самостоятельно мы видим вклад, который сделан в анализ России под этим углом зрения в работе Пивоварова – Фурсова. Я считаю это замечательным моментом в данной работе. Кстати, даже С. М. Соловьев, которого я люблю и всегда на него ссылаюсь, замечал, что русская история делается государством, а также народом, его трудящейся частью, но и той частью народа, которая выступает вольно, творчески (казачество или иные формы). Тут я должен упомянуть: вчера профессор Венков говорил, что надо формационный подход использовать. Но давайте вникнем в понятие Русской Системы. На мой взгляд, это попытка синтеза формационного и цивилизационного подходов. Она предлагает систему понятий, представлений, образов, которые позволяют соединить достоинства формационного и цивилизационного подходов. В данном изложении Россия – не цивилизация, а система, но эта система напоминает общество, имеющее системный характер типа формации; я думаю, это сильная сторона концепции.

Наконец, последний пункт: понятие Самодержавной революции – самая уязвимая часть работы. Само понятие бросается в глаза как метафора, яркий образ, не более того. За образом революции что всегда стоит? Смена одного строя другим. На Западе понятно – когда капиталистическая система (то ли с учетом Вебера и его протестантской революции и роли Лютера, то ли без этого учета в марксовском исполнении, то ли в каком-то модернизационном исполнении) – но во всех случаях понятно, что один строй, одна общественная система, одна цивилизация, как бы мы ни назвали, сменяется другим. То есть, действительно, есть переворот, революция. А что сменяется, если мы признаем самодержавную революцию источником Русской Системы? Как формировался в ходе революции исторический субъект, далее строящий эту систему? По работе видно: Киевскую Русь мы не берем...

Ю.С.Пивоваров: Брали! Брали! Киевской Руси посвящено листов шесть!

А.Н.Ерыгин: Я сужу по работе.

Ю.С.Пивоваров: Я просто говорю: брали.

А.Н.Ерыгин: Вы говорите: мы берем ордынские истоки этой системы, и это логично, для того чтобы представить самодержавную власть, конечно, нужна опора на ордынскую идею евразийцев – тут никуда не денешься и это логично, но что меняется? У вас выходит, что вместо представления о феодальном характере периода Киевской Руси (который совпадает со средними веками Европы) мы получаем идею о поздневарварском обществе в Киевской Руси. На мой взгляд, неправомерно такое принижение уровня, статуса социальных структур, культуры, общественного сознания, политической силы, которая имела место на территории восточно-европейской равнины. Тем более что за поздневарварским обществом следует Самодержавная революция. Я считаю это

самым уязвимым местом. Зато Вы поняли, что Русская Система не радуется глаз и плохо поддается объяснению.

Авторы много раз ссылаются на Чичерина, но ведь у Чичерина хорошо показано, что гражданское общество есть тот эквивалент, который в одинаковой мере, но по-разному присутствует и в средневековой истории России. Я имею в виду его работу «О духовных грамотах великих князей», которая до сегодняшнего дня остается непревзойденным историческим сочинением. Кто-нибудь может высказаться против? До сих пор в литературе никто не высказался. Эта гипотеза Чичерина пока никем не оспорена. Значит, перед нами в России – гражданское общество, правда, в чичеринском понимании. Так же, как и на Западе. Тогда логично и понятно: в конце XV – начале XVI-го века в России существует государство, то есть самодержавная власть, абсолютизм, а ему предшествуют и в России, и в Европе гражданское общество средневековья. Здесь логика понятна. Почему же автор, который столько раз ссылается на Чичерина и положительно о нем отзывается, пропускает эту возможность? Ну, в коротком выступлении всего не скажешь. Я хотел назвать самое крупное в этой работе, что я заметил, и в целом считаю серьезным, если не выдающимся вкладом в развитие отечественной науки, а также сопредельных областей, – прежде всего, философии и истории.

В.П.Макаренко: Спасибо, Александр Николаевич, – раскопчегарил дискуссию. Слово Ю.С.Пивоварову. Должен сказать Вам комплимент: Вы всех вчера очень тронули и почти всем понравились.

Ю.С.Пивоваров: Спасибо! Я хочу несколько слов сказать еще для понимания позиции. Действительно, если бы тексты собрать о Русской Системе, то взгляд будет иной. Например, проблема Киева детально описывается, более того, авторы написали эту работу в середине 1990-х годов и подчеркивали, что много киевского есть в современной России, что мы все видим; я хочу еще раз подчеркнуть: «Русский исторический журнал» не является репрезентативным для понимания идеи Русской Системы. Но это проблема авторов, а не читателей, хотя она существует. Видимо, следует прочесть тексты и по другим источникам. Что еще хочу сказать: совместно эта работа писалась только до конца 1990-х годов. После этого пути авторов резко разошлись не только идеологически и человечески, но каждый из авторов, в той или иной степени, пытается продолжать линию Русской Системы в разных своих работах. Но уже не так целенаправленно, а, скорее, занимаясь своей конкретной научной работой, какие-то линии Русской Системы развиваются дальше. Я вчера сказал, что мы вообще не рассматривали эту работу как что-то серьезное, просто решили роман написать. Это делалось так: в комнате без телефона собирались два человека, мобильных телефонов тогда еще не было, и мы с утра до вечера каждый день писали, один сидел за столом и записывал за другим, потом менялись. Потом (тогда компьютеров у нас еще не было) на машинках перепечатывали, правили, и так далее. Это была такая веселая устная работа. Если прочесть текст, который написан и

опубликован в журнале «Политическая наука», там просто увидишь, что это с диктофона списанная работа. Она немножко редактировалась и поэтому во многом носит не наукообразный характер, а скорее характер полулитературного творчества.

Сейчас в выступлении было сказано, что, с одной стороны, Галина Ивановна Зверева зачислила авторов «Русской Системы» в «почвенники», а с другой стороны, было сказано, что мы недооценивали эту систему. Я вам скажу: это действительно так. Когда «Русскую Систему» в конце 1990-х годов читал А.Проханов, он говорил, что это русофобия. А когда читал Ю.Афанасьев, он говорил наоборот: чуть ли не черносотенцы какие-то писали. Дело в том, что в 1990-е годы у нас не было никаких политических убеждений. Ну какие тогда могли быть политические убеждения? Оппозиция в России была отвратительной, власть – еще более отвратительной. Мы были абсолютно свободными людьми. Сейчас все поменялось: Андрей Фурсов стал одним из идеологов русского национализма, а я, наоборот, качнулся резко в либеральную и, если угодно, антипутинскую линию, чего никогда не скрывал и не скрываю. Вот и пишу об этом в «Независимой газете», пока публикуют. Значит, работа «Русская система» уже тогда была некий компромисс между двумя людьми: человеком, который собирался пойти в почвенническо-националистическую сторону, и мной (хотя мы тогда этого не понимали), я пошел в сторону либеральную.

Теперь что касается западничества. Вообще западничество – это не то, что мы думаем: западничество – не любовь к Западу, разница между славянофильством и западничеством в классическом смысле – это разница между теоцентричной и антропоцентричной мыслью; раскол между западниками и славянофилами (я этим занимался профессионально, несколько книг написал по истории русской мысли) заключается не в том, что одни страстно любили свою почву и особенно славян, а другие были влюблены в Запад. Если внимательно посмотреть, то наиболее культурными и образованными людьми в западном смысле слова были славянофилы, а целый ряд западников были малообразованными. Например, Белинский был уникальный человек – не знал иностранных языков, а Бакунину, основателю марксизма, некогда было получить классическое образование, – он всё время что-то замышлял. Хотя и среди западников были совершенно замечательные, образованные люди. Но я должен вам сказать опять, что политические и философские взгляды К.Кавелина и Ю.Самарина – двух ровесников, приятелей и антагонистов – очень похожи. Славянофилы вернули в русскую мысль её теоцентричность, – то, что было потеряно в русской культуре с реформами Петра; западники были антропоцентричны, то есть они были ближе к тому направлению мысли и культуры, которое развивалось на Западе, где человек стоял в центре мировоззренческом и цивилизационном. И в этом смысле ни наша работа, ни мы не являемся ни западниками, ни славянофилами. Для нас не существует тем, которые уже сняты наукой.

А вот очень интересно, – я весь вечер думал над словами, которые сказал Н.С.Авдулов, когда он прослушал выступление Виктора Павловича и мое. Ему показалось, что это метафора, что это не доказано. И я стал думать, а вот отчего же (не знаю, как Виктор Павлович) я не могу больше писать так, как меня учили, когда я был студентом, аспирантом, молодым научным сотрудником. Мне пришла в голову простая мысль, естественно, литературная: невозможно сейчас писать такую литературу, как русский реалистический роман XIX века. И невозможна больше такая наука, какая была в XX веке, не говоря уже о XIX-ом. Невозможна! Видимо, что-то изменилось в культуре. Действительно, когда Виктор Павлович вчера вёз нас в гостиницу, он сказал: толстые книги прочтет один человек, надо писать, наверное, что-то другое. Изменилась какая-то что-ли глубинная культурная ситуация. Изменилась даже такая формальная штука, что толстые книги «не идут». «Идут», становятся доступными и влияют на дальнейший интеллектуальный процесс другие формы. Я думаю, с этим нельзя не согласиться. Да и научный язык (чтобы в эти дебри не залезать, поскольку я не готов залезать туда) не может быть языком той старой, классической науки, которая удовлетворяет наши потребности в достоверности, фундаментальности. В этом смысле Сергей Михайлович Соловьев, который всегда для любого историка, гуманитария останется основополагающим, фундаментальным, – это ретро, как ретро-западники, ретро-славянофилы, ретро-русская религиозная философия; все это ушло неизвестно куда.

Вот у нас все говорят: Путин цитировал и постоянно цитирует Ивана Ильина. Я не знаю, как вы, наверное, кто-то читал Ивана Ильина, но ведь его читать совершенно невозможно. Это я вам говорю как специалист в том смысле, что всю жизнь этим занимался и изучал все эти тексты – их невозможно стало читать, вы понимаете? Тот же Иван Ильин, – это не тот язык. Видимо, то, что произошло в конце XX столетия, дало российскому человеку новый принципиально совершенно новый опыт, который нужно осознать. В «Русской Системе» он еще не осознан, авторы еще не знали, куда все это пойдет, куда качнется, сейчас более-менее ясно. Но также ведь еще нет опыта предыдущего. Моя точная, предельно четкая позиция заключается в том, что мы должны понять то, что произошло. Понять, что такое советская власть, что такое большевизм, что такое советский период русской истории. Научные работы пишутся, но не написаны, что-то сказано, но далеко не всё. Кстати, надо отказаться от исторической хронологии, ее придется менять. Я хочу обратить внимание: революция, которая произошла на рубеже 1980-90-х годов на территории Советского Союза, носила, наверное, три характера: один из них – национально-освободительный, это освобождение народов Российской империи; второй – антикоммунистический, антисоветский, это понятно, но интересно, что эта революция была первой революцией по Марксу, когда класс пролетариев стал классом-собственником, обрел нечто в ходе этой революции. Я имею в виду советскую номенклатуру. Мне страшно за тех, кто проводит мысль: то, что произошло, –

только фаза того периода, который стал складываться в хрущевско-брежневское время, когда номенклатура освободилась от страха перед тем, что было при Сталине, когда она становилась всевластной, и в то же время была управляющим бессобственническим классом, эдакое непонятно что. Я думаю, на рубеже 1980-90-х годов произошла удивительная вещь – правящий класс советской системы пожертвовал всей системой не только ради самосохранения, но и ради того, что она стала собственником. Можно долго об этом говорить, с разных сторон подходить, уточнять, спорить, но что-то в этом есть.

Я думаю, гибель советского режима во многом была связана с тем, что в нем не были решены две проблемы, центральные для любой культуры и цивилизации: трансляции власти и трансляции собственности. Вернее, даже не собственности, а некой вещественной субстанции, потому что собственность – это ведь не богатство, а сложный правовой институт, очень сложная правоотношеческая ситуация. Советский режим не решил эти две ключевых и тесно связанных между собой проблемы потому, что коммунизм исходил из презумпции: государство отомрет само собой, поэтому тему трансляции власти и обсуждать нечего; что до собственности, то коммунизм есть бессобственническое общество. А оказалось, что это не так. Причем, эти ключевые темы не прописаны в рамках концепта трансляции собственности и трансляции власти. Одной из сегодняшних страшных проблем для нашего общества является тема трансляции власти. То, что сделано у нас в 1999 году Б.Н.Ельциным, а в 2008 году – В.В.Путиным, – это крайне опасная ситуация с точки зрения русской истории.

Мы знаем, что вообще тема трансляции власти центральнее, чем, скажем, формы государства. Мы знаем, например, что неудачный указ о престолонаследии Петра I привел к тому, что Россию на протяжении всего XVIII столетия трясло, как в ознобе, – сплошные перевороты. Мы знаем, что указ Павла 1797 года о том, что власть по закону передается в режиме примогенетуры – от отца к старшему сыну – установил в России твёрдую власть. Историки-юристы считают это первым конституционным актом в русской истории. Недаром этот указ Павла стал первой главой русской Конституции – я имею в виду основной закон Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года. Большевики этой темы не решили, у большевиков каждая смена власти была маленькой гражданской войной. Конституция РФ решает эту тему, но политическая практика практически нивелировала конституционный принцип. Россия опять стоит перед темой трансляции власти. Ситуация крайне сложная. Я заиклен на теме трансляции власти именно потому, что постоянно пишу и говорю о властечентричности русской культуры, о Русской Власти как о моносубъекте русской истории.

Кстати, еще одна из тем, не разработанных на самом деле (причем, не по какой-то технической причине), – это тема права, права Русской Системы. Бытует мнение, что для русской культуры характерен дефицит права; с другой стороны, есть совершенно вздорная концепция Ивана Ильина. Я – резкий про-

тивник Ильина – считаю его философом крайне вредным, опасным. Недаром он становится важным человеком для людей, типа Путина, Михалкова, светлейшего патриарха Кирилла и прочих. Я думаю, не случайно этот философ им по нраву. Ведь Ильин писал о каком-то особом православном правопонимании, что совершенно никак не доказывается. Но дело в том, что в рамках Русской Системы существовало особое право. Право западное является, в основном, публичным и частным, и носит характер разрешительный и запретительный. Особенностью русского права является запретительный характер. Недаром мы говорим о крепостном праве. Надо помнить, что в крепостном праве находились все сословия Российской империи, – а до этого – Московского царства, – а не только крестьянство.

Здесь вспоминали Чичерина, но применение термина «гражданское общество» к русской истории крайне сомнительно. Я и сейчас практически не вижу гражданского общества в России, хотя какие-то элементы, безусловно, есть. Я вообще думаю, что в этот период Русская Система может и закончиться, причём я ещё раз повторю: Русской Системы нет! Русская Система – это попытка понимания того, что происходит в России; это принципиальный повтор. Дело не в том, что Русской Системы нет, нет и других концепций. С помощью Русской Системы мы пытаемся понять это общество, так как и Соловьев, и другие. Они, если угодно, навязывали обществу своё понимание – и общество так понимало себя. Но это совсем другая тема, хотя и важная. Так вот, тема крепостного права тоже очень важна. В Русской Системе мы говорим частично об этом, показываем, что первым было закрепощено не крестьянство, а дворянство. Как известно, дворянское сословие первым возникло как сословие и сразу же было закрепощено. Но оно же первое и было раскрепощено, – это и есть мысль Чичерина. Государство закрепощало сословия в определенной последовательности, а потом в точно такой же последовательности их раскрепощало.

Я специально говорю импрессионистично, чтобы какие-то вещи вокруг Русской Системы объяснить. Вот тема Русской Власти здесь очень важная вещь, которая не прописана в Русской Системе, хотя частично что-то и есть, ведь Русская Власть формируется не только по линии заимствования из Орды; идея «Русской Системы» – не евразийская идея и не является симбиозом Орды и чего-то другого. Идея Русской Системы в том, что мы во многом взяли ордынское понимание власти, что совершенно не характерно для крестьянского общества. Причем, мы постоянно пишем, что до того, как возникла Русская Система (или то, что мы называем Русской Системой), русское общество было полисубъектно, как вообще принципиально полисубъектно любое христианское общество. Это можно видеть на развитии других обществ. Потом произошла редукция к моносубъектности. Во многом таков смысл Самодержавной революции, а мы специально ее назвали Великой Самодержавной Революцией. Как вы понимаете, это аналогия Великой Октябрьской революции. Это понятно для

людей, выросших в этой культуре и пользующихся этим языком. А можно ведь совершенно по-другому назвать, но смысл от этого, думаю, не изменится.

Есть ещё очень важная линия формирования Русской Власти – она идет от Византии по линии православия, затем уже по национально-православной линии. После Флорентийского собора русские стали смотреть на византийцев как на изменников, а потом вообще пришел каюк Византии. Концепция симфонии церкви и светской власти, которая пришла на Русь вместе с христианством, – это очень важная вещь. Я надеюсь, публика квалифицированная и знает, что это такое. Напомню, что в рамках концепции симфонии две эти части – церковь и государство, духовная и светская власть обречены на взаимопроникновение и на слияние. А на Западе этого не было. Концепция «двух мечей» резко разводила светскую и духовную власть, причем разводила даже территориально – один меч находился в Риме, другой – в имперских городах в руках императора. В России этого не было. Конечно, очень важным для формирования особого типа русской культуры, в рамках которой создается так называемая Русская Система, является влияние паламизма. Паламизм возник в Византии в XIV веке и пришел на Русь в начале XV века, во времена Андрея Рублёва. Это формирует особый психологический тип на Руси: с приходом паламизма Русь ставит барьер для всякого рода возрожденческих движений, что очень важно. Например, Д.С.Лихачёв не мой герой, я скептически отношусь к его роли в истории и еще более критически к нему как к исследователю, но человек он был замечательный. Он считал, что паламистский тип личности лежит вообще в основе дальнейшего развёртывания русского человека в историческом времени.

Ещё очень важна победа иосифлян над нестяжателями. Это ведь происходит именно тогда, когда мы – авторы Русской Системы – начинаем находить некие основания для того, чтобы утверждать: с помощью нашей концепции можно понять то, что происходило. Здесь был нанесен удар по свободомыслию. Одной из самых отвратительных для меня, схожих с Александром Невским, исторических фигур является Иосиф Волоцкий. Его известные слова: «Мнение есть падение». Вообще, любое мнение есть падение, падение не в том смысле, что споткнулся о кирпич и упал, а в смысле ниспадения в ад, это религиозный язык. Понятно, здесь закрываются вообще всякие пути для развития.

Затем наступает эпоха старца Филофея и концепции «Москва – Третий Рим». Концепция Филофея очень важна для формирования особого типа Русской Власти. Был или не был Филофей – неизвестно. Но мы специально свели Лютера и Филофея, поскольку из известных приписываемых Филофею посланий мы взяли то, которое адресовано наместнику в Пскове 1517 года. Взяли именно потому, что Лютер в 1517 году сформулировал и опубликовал свои знаменитые 95 тезисов, направленные против церкви как средства спасения души. Исторически мы имеем право на такую параллель. Так вот, обычно, когда мы говорим о концепции Филофея, мы знаем, что это – христианская концепция, в её основе лежит пророчество Даниила, фрагменты из Ветхого Завета – «Исто-

рия Царств» и т.д. Кстати, последняя реплика этой концепции – это нацистская концепция Третьего Рейха, но уже освобождённая от христианских коннотаций. Те люди, которые задавали эту концепцию в 1920-е годы, считали себя христианскими мыслителями. Таким образом, концепция Третьего Рима не является исключительно русской.

В этой концепции обычно обращают внимание на то, что «два Рима пали, Третий стоит, а четвёртому не быть». Но там есть вещь гораздо более важная в контексте Русской Системы. Почему мы сравниваем Филофея с Лютером? Что такое Лютер? О нём гениально сказал Томас Манн, не мыслитель, а писатель: «Когда Лютер сказал, что каждый сам по себе священник, с этого началась европейская демократия». Что значит: «каждый сам себе священник»? Это абсолютно полисубъектное общество, когда много субъектов. Когда у каждого человека есть прямой «телефон» туда «наверх», а не через католическую иерархию, через агент-коммутиатор, так сказать. Томас Манн приводит известные слова Энгельса, что Лютер превратил попов в мирян, а мирян в попов. Лютер создает современный тип общества, что особенно характерно для протестантского мира.

А что делает Филофей? Он проводит операцию прямо наоборот – редуцирует полисубъектность в моносубъектность. Он говорит: «А кто же этот хранитель истины в последней инстанции? Кто он?». «Ну, как кто? Ты, царь!» – говорит он. «Ты! Один ты! Не какой-нибудь там митрополит», – мы знаем, что патриархов тогда ещё не было, – «не какой-нибудь там съезд епископов, а ты, царь». Ведь смотрите: только в русской церковной службе, – ни в одной другой православной церкви этого нет, – зафиксирована одна очень важная вещь: царь имеет право входить в царские врата. Светский человек не имеет права входить в царские врата, на службе они закрываются, там происходит основная мистерия, а царь имел право входить туда. Дело доходило даже до того, что туда пускали и цариц. Как мы знаем, девочка вообще туда не может попасть, мальчиков при крещении туда заносят, крестят, но девочку нет, потому что женщина – более порочное существо, с точки зрения христианской мифологии. Сделана фантастическая вещь: царь имеет право, и Николай II пользовался этим правом, – уже вполне современный человек, который занимался цветным фотографированием и водил автомобиль. Тем не менее, он тоже туда входил. Ни в одной другой православной церкви мира этого обычая нет, это только обычай Русской православной церкви и Московской Патриархии впоследствии. Тем самым царь становится тем, чем его называли: царь-священник. Он не только является предельным властителем земным, но и духовным, потому, что если подумать, что «Москва – это третий Рим», хранительница истины и четвёртому Риму не быть, и будет конец света, – а мы знаем, что все эти ожидания имели место, – и царь обладал абсолютной духовной властью. Всё это имеет очень важное значение для складывания фигуры этого моносубъекта. Поразительная вещь: с того мо-

мента, как построили Кремль при Софье Палеолог и завели там двуглавых орлов, пришла концепция «Москва – третий Рим».

Произвели следующую операцию: стали свозить со всей России мощи святых, укладывая их вокруг Кремля, ставить церкви; некоторые ещё даже сегодня в Москве остались, – там, где была раньше гостиница «Россия». Огромное количество небольших церквей, которые прикрывают мощи святых. И как бы намагничивалась земля вокруг Кремля и в Кремле. Одновременно с этим резко меняются взаимоотношения царя и подданных. Как показали историки, раньше цари (начиная с Ивана III) были простыми мужиками и лишь количественно отличались от населения. А здесь уже качественное отличие – народ начинает видеть своего царя только дважды в году: в крестный ход на Рождество и на Пасху. Пасха у нас весной, Рождество по новому стилю – 7 января; значит дважды в году видят москвичи своего царя и его свиту. Вокруг мощи святых, а вся земля намагничена. Что это напоминает? Советскую ситуацию – когда мощи главного святого, храм стоит, только уже языческий, светский, где главный верховный лежит, вокруг – погост, где прах основных его «апостолов», последователей. И так же дважды в году советские люди видели своих вождей: на Первое мая, это напоминает Пасху по времени, и 7 ноября – думаю, это вещи абсолютно не случайные. Это громадная коллективная память! Этого не произошло нигде, а только у нас по образу и подобию Московскому.

Потом стали так же делать и в соцстранах. Это к вопросу о том: Русская Система – не Русская Система, как говорил Пастернак, «здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба!». Вот эти удивительные вещи, но ведь не только у нас в стране! То же самое и на Западе можно, и в европейских странах найти, Восток я не знаю, я не востоковед... Но если закончить с религиозной частью и сказать дальше, то Самодержавная революция была! Смысл её заключался в переходе от полисубъектного к моносубъектному обществу. От общества более-менее свободных людей, территорий, институций, к Соборному Уложению, где все абсолютно закрепощены! Такая служебно-крепостническая гармония охватывает всю сословную структуру Московского царства. Мы можем констатировать: самодержавие, крепостническая система, популяция (то есть полностью лишённый субъектной энергии закрепощенный народ), – всё это имеет уже место быть.

А что в это время происходит на Западе? Происходит то же самое – заканчивается тридцатилетняя война, Европа переходит от религиозной по преимуществу самоидентификации – к идентификации политической и государственной. Начинает складываться Новый мир, где будут рождаться гражданское общество, национальные государства, капитализм как способ организации экономической деятельности человека. Но я вам должен сказать, что Россия продолжает развиваться синхронно с Западом, решая схожие темы, а откуда это? Мы в Русской Системе пишем: «это два способа самополагания в истории двух различных христианских субъектов», это два пути христианских народов в

истории, поскольку единственной основой для русского западничества (не в том смысле, в котором я говорю, а в том, как все его понимают) является христианство. Нас ничего больше с Европой не объединяет, здесь другой климат, другие традиции, у них – латынь, а у нас – церковно-славянский, и т.д. Совершенно другая история! Конечно, как и во всём мире, есть сходства, но если сравнивать принципиально, дифференцированно, то очень разные истории. Нас больше всего объединяло и объединяет христианство.

Надо заметить, что крупнейший европеизатор Пётр I (фигура, которую я тоже терпеть не могу) наносит удар по христианству самый страшный после Соборного Уложения. Это я к тому, что мы идём с Западом синхронно, решая схожие проблемы. Ведь что делает Пётр? Оставляю общую оценку реформ, она у каждого своя. Но он, например, лишает Россию выборов, – единственного на тот момент демократического института. Где были выборы? В церкви. Кого выбирали? Патриарха. Разумеется, можно сказать, что это было ограничено, не современно. Конечно! Где тогда было «современно»? В России это был единственный институт выборов, – Пётр отнимает его у страны. В принципе, он вообще наносит удар по церкви. Цитирую Ф.М. Достоевского: «Русская церковь в параличе со времён Петра Великого». В параличе, то есть, когда ещё живёт, но уже не действует. Что ещё со времён Петра происходит? Происходит страшное дело, я вчера цитировал В. Ключевского, который сказал: «Из реформ Петра вышло не два периода русской истории, то есть допетровский и послепетровский, древняя и новая; вышли два враждебных друг другу склада жизни: Пётр разломал русскую целостную культуру на две субкультуры – европеизированную верхушку, которая имела очень слабые корни в русской истории и традиционалистскую, почвенническую, старомосковскую, хранящую заветы тёмной старины». Это крупнейший результат реформ Петра. Бердяев не мой герой, но человек очень значительный, иногда даже полезный, в отличие от Ильина. Он говорил, что это была главная бомба под здание Империи, которую Пётр создал и сам же заложил под нее взрывчатку. А такой «тонкий» человек как К.Маркс (не очень любящий Россию) написал в 1856 году: «Настанет русский 1793 год! Господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным доселе в истории, но зато вместо мнимой цивилизации, возведённой Петром Великим».

Я сделал акцент на господстве террора полуазиатских крепостных, но меня волновало иное – мнимая цивилизация, возведённая Петром. Мнимая! Не имеющая корней в русской почве! Весь XVIII-XIX вв. – это борьба этих субкультур. И это тоже очень тесно связано с проблемой Русской Системы. А в чём синхронность с Западом? Куда двинулся Запад? Запад двинулся туда, где он себя и нашел – в американской и английской революциях. Создание общества равных людей после сословного (неравного) общества, но на основе права. То есть, общество равных правовых субъектов. Маркиз ты или крестьянин, но ты равен в правовом отношении. А что произошло в России? Пётр создает об-

щество, которое великий историк Платонов назвал «обществом равенства и всеобщего бесправия». Пётр строит на Руси общество равных, как строят его французы, американцы, англичане, только там на основе права, а здесь – на основе всеобщего бесправия. Он доводит бесправие московской Руси до гораздо большего.

Что ещё важно для Русской Системы – коль мы заговорили о сословиях – русские сословия созданы и отличаются друг от друга по объёму и типу несения ими «тягла», как и западные сословия тоже, но и по объёму и типу свобод. В русской культуре не была тематизирована идея свободы, не возникла эта идея. В русской культуре не только не было места для рационального познания, а не было места именно потому, что не было всех этих монашеских споров, номиналистическо-реалистической борьбы, не было Ренессанса, который заимствовал идею римского права. Всего этого не было. Именно поэтому не возникла идея свободы. Русское сословное деление общества не связано с темой деления по принципу прав и свобод. Можно ещё долго об этом говорить, но в Русской Системе главной является тема времени и пространства. У меня даже возникла идея начертить здесь табличку, позвольте, я просто её прочту – мы сделали такую табличку:

Восток – это пространство и локальность. Эти цивилизации не знают темы времени в иудео-христианском смысле. Проблема времени и вечности не артикулирована. Время не отделено от вечности. Это локальные цивилизации, развивающиеся в локальном пространстве.

Запад – это время и внелокальность. Трансцендированная вечность, вынесенная из настоящего за пределы социального порядка. С возникновением часов это порождает проблему, когда время и вечность расходятся.

Россия – это пространство, которое постоянно темпорализуется властью, и внелокальность. Вечность вынесена из настоящего. Тема расширения пространства, его темпорализации. Русская Система может существовать только в условиях расширения пространства. Она не может существовать в условиях сокращения пространства. Бывают периоды, когда Русская Система жертвует пространством ради самосохранения власти. Пример: почему Ельцин развалил СССР? Ведь ещё Сталин говорил Ленину: «Вы доиграетесь!». Помните спор о форме государственного устройства СССР? Сталин был прав, но с точки зрения русского великодержавия. Дайте республикам права, – они когда-нибудь выйдут. Безусловно! Но почему давали права республикам? Потому, что надеялись, что другие вступят туда, на правах, так сказать, свободного входа-выхода. Но что сделал Ельцин? Он пожертвовал пространством ради власти. На какое-то время, такое бывало уже неоднократно. Ленин Брестский мир подписал, пожертвовал пространством, но укрепил свою власть. Мы об этом в Русской Системе много пишем на конкретных примерах принципов Невского, Донского, «власть – первична, территория – вторична», «власть – первична, население – вторично». Если тенденция к сокращению пространства преобладает, русское

пространство сокращается, – Русской Системе не быть. У неё не было ничего для «перемолота».

Очень важный момент – тема передела, если мне дадут ещё несколько минут, я расскажу о переделном по-преимуществу характере русской социальности, переделе как основном способе функционирования Русской Системы. Переделе власти, вещественных субстанций и проч. Даже из этой хаотической информации вы должны заметить, что концепция Русской Системы богаче, чем она представлена в статье. На этом я поставлю точку, чтобы потом оставить себе возможность продолжить. Кстати, моя тема сформулирована как русские революции, я хочу сказать несколько слов о русских революциях, прежде всего о главной, которая является принципиально новой революцией в истории человечества! Потому что до этого в ходе революций, как совершенно справедливо нас учили, – то новое, что вызревало в недрах Старого порядка, выходило и побеждало старое. А в ходе русской революции новое – то, что вызревало – погибло! Произошло возвращение к архаичному, тому, что Макс Вебер называл «первобытным коммунизмом». Но это не только русская революция, национал-социалистическая революция в Германии была такой же. Русская революция открыла череду новых революций, как Французская череду других революций за сто лет до этого.

И это имело очень большое значение. Всё, точка!

Б.И.Буйло: Что Вы думаете о происхождении номенклатуры?

Ю.С.Пивоваров: Я могу вам сказать, что такое номенклатура для меня. Есть три периода в русской истории – Московское царство, Петербургский и Советский период. Каждому периоду соответствует свой способ организации властных групп: местничество в XVI-XVIII столетиях, Табель о рангах в XVIII-XIX веках, и номенклатура в XX-ом столетии. Что такое номенклатура? В 1920 году Сталин создает учетно-распределительные отделы, в обкомах, губкомах, райкомах. Номенклатура – это люди, которые попадали в эти самые списки номенклатурные; то был новый правящий класс, который впервые в истории Европы и России был классом бессобственников. Раньше были правящие классы, которые имели собственность, даже петербургское чиновничество XIX-го столетия. В СССР они уже были бессобственниками. Эта группа правит страной до 1990 года. Как только кончается эта организация, кончается всё! Царь Фёдор Алексеевич отменяет местничество – и Московское Царство рухнуло. Это открыло возможность Петру привлекать во власть проходимцев, бандитов, авантюристов, а также умных, талантливых, достойных людей. Табель о рангах практически перестает действовать в начале XX столетия. По формированию высших слоёв мы видим, что всё не так. Скажем, карьера Витте показывает, как Александр III его вёл, ломая Табель о рангах, и что происходило в период Витте-Столыпина. Когда рушится СССР? Когда на последнем съезде летом 1990 года с подачи академика Кудрявцева, вице-президента Академии наук СССР и

главного юриста при Горбачёве, Горбачёв отменяет номенклатурный порядок формирования системы.

Номенклатура – это то, что управляло страной, класс советских управленцев-бессобственников. Но вся революция 1980-90-х годов не сводится к номенклатурной революции; я ещё раз говорю: там была демократически-правовая, антикоммунистическая и национально-освободительная части, потому что именно в результате советской модели произошло формирование наций. Я глубоко убеждён, что процесс строительства наций на территории бывшего СССР-Российской империи происходил под покровом советской власти потому, что до революции подавляющее большинство русских реформаторов были русификаторами. Сейчас все молятся на П.А. Столыпина. Между тем, этот человек во многом повинен в гражданской войне в России. Он проводил политику русификации, и поэтому национальные окраины восстали. При советской власти процессы были разные, – была и русификация, и формирование наций. То есть эта революция имела разные измерения, она была многовекторной. Но одной из важнейших её составляющих было то, что номенклатура стала собственником.

Когда мы ехали из аэропорта, я сказал Виктору Павловичу: возьмите Каданникова. Помните человека, который создал «Автоваз»? Это из его воспоминаний: когда он был в Турине и учился на «Фиате», – его туда молодым парнем послали, – а потом он там работал и всё время был тесно связан с «Фиатом», он всё время чувствовал, что хозяева «Фиата» передадут его детям, внукам. И они вкладываются полностью в этот завод, а он, Каданников, отдаёт всю свою единственную жизнь, физическую и духовную, этому заводу, а потом назначат кого-то другого, не его сына, внука, племянника, или кому бы он хотел передать. Эта тема волновала А.В.Вольского, я с ним хорошо был знаком. Это был, безусловно, умный, гибкий, глубокий человек несовременного типа, он не пользовался компьютером. Но когда утром, в 1990-е годы, он сидел в администрации Президента, бывшем здании ЦК КПСС, в том же кабинете, где он раньше был заведующим отделом промышленности, то по-прежнему «красные» директора, к тому же собственники, звонили ему. Будучи никем, он проводил селекторные совещания, по-прежнему управлял, знал наизусть сотни цифр, все имена-отчества, это был совершенно уникальный человек! Он мне несколько раз говорил: безусловно, нами движет то, что, в отличие от американцев или европейцев, мы – никто, нас могут вышибить. Мы чиновники, и естественно, наше стремление – получить собственность. Речь идет о стремлении всех этих черномырдиных.

Черномырдин, – кстати, не сам, а какие-то писатели за него написали – очень интересно описывает это и в своих мемуарах, как это происходило, как ЦК ему мешало, это была подлинная революция пролетариев, которые овладели собственностью. То есть, в рамках советской системы вызревала новая Россия, новая Украина, новая Белоруссия. Люди, которые работали тогда в ЦК, подтверждают это своим опытом. То, что произошло в 1990-е годы, вызревало

в недрах Советской системы. Не могло не вызреть – идея бесхозяйственности и безгосударственного общества, видимо, противоречит природе человека; я не антрополог, но не удалось марксистам этого сделать! Видимо, они наступили на какие-то грабли. Влияние Маркса на социал-демократическое, западное, профсоюзное развитие отрицать нельзя. Тем не менее, слава Богу, что социал-демократия это отбросила, но эти вещи, видимо, были невозможны. Они не получились ни у нас, ни у китайцев!

Это было тогда невозможно! При Сталине чиновники сменялись почти каждый день, их расстреливали. Тогда была другая ситуация – наращивания жира, стабильности, традиционности. Люди, пришедшие к власти в 1950-60-е годы, дожили до 1990-х годов! При Сталине каждый год всё менялось, летели головы.

Б.И.Буйло: Вы считаете, что сталинский режим не допускал стагнации?

Ю.С.Пивоваров: Можно, я потом скажу, что думаю о сталинском режиме? Он тоже прошёл несколько этапов и был разный, он не один. «Мы не знаем общества, в котором мы живём», – это слова Андропова, неглупого человека. Есть один советник, с которым мы с Ириной Юрьевной немножко дружим, – Ф.М.Бурлацкий – утверждает, что он вообще всё написал, – программы партии, конституции. Он вообще всё написал, всё рассказал, всех научил – Хрущёва, Брежнева, Андропова и т.д. Я думаю, что это не так, не знаю.

Р.А.Шипилова: Что Вы скажете о роли церкви в «Русской Системе»?

Ю.С.Пивоваров: Это концепция симфонии, когда патриарх и император вместе находятся в Византии, в Константинополе, дворцы их были рядом. До петровских реформ патриарх, как и царь, жил в Кремле. В петровский период всё разрушили. Примечательно, что одним из первых указов Ельцина, когда он выгнал Горбачёва и пожертвовал территорией ради власти, был указ о том, чтобы патриарху сделать кабинет в Кремле. Патриарх – единственный, из больших людей России, имеет рабочий кабинет в Кремле. Для сравнения: премьер-министр не имеет, Председатель правительства не имеет. Однако по Конституции президент – первое лицо, премьер – второе, Совет Федерации – третье, Дума – четвёртое, председатель Конституционного суда – пятое и т.д. Патриарх по службе приравнен к первым вице – премьерам. Так же к вице-преьерам приравнен председатель Счетной палаты, по российским делам. Самолеты, охрана, обслуживание, питание, санатории и т.п. То есть он вписан в систему государственной иерархии. Я думаю, что с таким патриархом, какого избрали сейчас (других кандидатов не было), процесс симфонизации отношений будет продолжаться. Я знаю Кирилла, выступал с ним вместе и полемизировал.

Кирилл – это то, что Бердяев назвал военно-спортивный тип личности. Ему бы быть президентом или верховным главнокомандующим или министром обороны! Это человек 1946 года рождения, уже не юноша. У него было три инфаркта. Но до недавнего времени его любимое занятие было гонять на скоростном автомобиле по горам в Швейцарии, – он долгие годы в Женеве работал; он

международник, на трёх языках говорит, выполнял всякие деликатные функции, прошёл хорошую школу внешнеполитической деятельности, и не всегда, как я понимаю, в рамках только Церкви. Это человек умнейший, образованнейший, изумительный оратор совершенно, политик. При нем, конечно, всё это будет, но ведь и свято место пусто не бывает, – ведь Сурков не тянет на роль ни Жданова, ни Суслова, просто под ним не стоит всей этой мощной марксистской традиции, а вот Кирилл может потянуться, – под ним стоит очень сильная традиция.

Только всё это никакого отношения не имеет к теме : «верят ли русские в Бога?», «возвращается ли православная вера в души людей?», это совсем другие процессы. Они будут идти. Я недавно был на совещании у Нарышкина, когда создавалась комиссия по фальсификации истории, там сидел ректор МГУ Садовничий, какие-то ещё людишки, и Нарышкин сказал: «Отдадим всё в истории, но не отдадим войну». А ведь в этом году 70 лет с начала Второй мировой войны. Власть в Кремле очень боится, что появятся произведения, где будут Сталина и Гитлера ставить на одну ступеньку, как поджигателей войны, поскольку был пакт Риббентропа-Молотова. Они, действительно, боятся, так как это испортит образ России. Нарышкин сказал, что войну не отдадим. По революции можно спорить, гражданская война, коллективизация, а войну не отдадим. Дальше он сказал: «И церковь не отдадим!». В каком смысле, – а Нарышкин – генерал-лейтенант ГБ, значит 1954 года рождения, прекрасно говорит по-английски, по-французски, так сказать, миляга, очень милый человек, – он говорит, что не отдадим церковь? Ошибка большевиков была в том, что они не связали идею социализма с идеей религиозной, идеей христианства, и, главное, с самой церковной организацией, а мы свяжем. Таков современный курс, Нарышкин – одно из первых лиц сегодня, он, как дядька, поставлен премьером к президенту.

В.П.Макаренко: Мой доклад называется «Большевизм и Россия – от азиатской чумы до основной личностной структуры»³.

* * *

Продолжение работы творческой мастерской (вопросы по докладу В.П.Макаренко «Большевизм и Россия – от азиатской чумы до основной личностной структуры»).

Б.И.Буйло: Можно ли рассматривать большевизм как воплощение одной из вариаций «русской идеи»?

В.П.Макаренко: Попробую поставить себя в позицию историка. Переформулирую Ваш вопрос: какие источники считать адекватными для ответа на него? Являются ли тексты того же Бердяева репрезентативными? Вроде бы, да. А ещё какой комплекс текстов (видимо, с такой проблемой юристы сталкиваются, когда формируют комплекс каких-либо документов) считать репрезентативными? Я не обсуждаю этот вопрос, но вижу его. Моя задача – создать кон-

³ См.: Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 4

цепцию для того, чтобы можно было работать с нею не только мне, но и моим аспирантам, последователям, коллегам. Историографические проблемы я здесь не обсуждаю. Так вот, Бердяев предложил свои критерии отнесения одних мыслителей к русским, других – к западным. Но есть и другие версии. Например, Фёдор Гиренок даёт свою версию того, кто относится к русским мыслителям, а кто не относится.

Б.И.Буйло: Я немного не о том спрашивал. Вы сказали, что есть два направления, которые рассматривают большевизм, как русское явление и как западное. Я считаю, что это и то, и другое.

В.П.Макаренко: Верно! Но есть и иные точки зрения. Приведу свежий пример. Покойная Наташа Козлова в своей книжке «Советские люди: сцены из истории» считает: за всё, что произошло в России, ответственными являются люди из Европы. То, что произошло в России, было реализацией проекта Просвещения. А этот проект будто бы нёс в себе железную диктатуру. Значит, виноваты не мы, а дядька со стороны. Я привел только один из свежих примеров, когда новый корпус источников (в данном случае – «народный архив», дневники простых людей) используется для аргументации схемы, которой двести, триста и более лет. Хотя от религиозных мыслителей мы её тоже можем вывести.

Вопрос из зала: Правильно ли считать большевизм реакцией феодального мышления на капиталистическую, буржуазную реформацию?

В.П.Макаренко: Да, такая позиция существует. Но я сейчас не возьмусь рассуждать в этом направлении. Если так считать, то приходится работать в концепции романтизма, относящейся к XVIII веку. Сейчас уже XXI век. Насколько эта духовная формация устарела? – особый вопрос. Но с ним связан иной интересный вопрос. Обращаю внимание на то, что делает Вадим Михайлин. В книге «Тропую звериных слов» он изучает генезис силовых структур. Показывает взаимосвязь антропологических типов «пса» (полицейского) и «волка» (военного). Описывает связь между магическим освоением мира и различными профессиями силовиков. Какой тип экономики они порождают? – Этот вопрос может быть предметом особого исследования. Хотя из чтения Макса Вебера можно узнать: экономика «набега» существует до сих пор. Многие народы просто не хотят работать. В этом никакого шовинизма нет, просто такой образ жизни сложился. Сама идея систематического труда и вознаграждения за него возникает только в отдельных цивилизациях.

Ю.С.Пивоваров: Вы коснулись очень важной темы. Дискуссия здесь ведётся постоянно. Большевизм – это русское явление, то есть вычитывается из русской истории, то есть оно было запрограммировано каким-то образом в русской истории, или это западная зараза, или наоборот, не зараза, а благо? Например, Солженицын на сто процентов был убеждён, что это всё пришло оттуда. При том, что он занимался русской историей, и знал её хорошо, особенно начало XX века.

В.П.Макаренко: А потом он промежуточную занял позицию.

Ю.С.Пивоваров: Нет, всё равно он считал, что это западная просвещенческая зараза. А Бердяев, про которого сегодня говорили, действительно считал, что это как-то связано со стихиями русской истории. Но у меня другой вопрос: разве мы можем говорить о большевизме как о том, что было раз и навсегда? Что это одно и то же? Или, может, две этих позиции связаны с тем, что мы видим два разных большевизма? Вот, смотрите: в 1920-е годы господствует интернационал-большевизм, с идеей мировой революции, – даже чуть раньше, на рубеже 1910-1920-х годов; идея мировой революции, где Россия – ничто, а надо захватить весь мир, по всему миру распространить советскую власть, лозунг «Земшарная республика советов!». В этом смысле и конституция специально принимается. Конституция 1922 года привела к тому, что СССР никто не признавал, вот мы раньше учили «эпоха непризнания», потом стали признавать СССР. Почему? Потому что в Конституции 1922 года был нарушен главный постулат международного права – связь государства с территорией. Каждая конституция описывает то, что в нее входит. А в конституции 1922 года нет такой связи, там записано, что все республики, по мере возникновения в мире, могут присоединяться к СССР. То есть, то был универсалистский проект единого Советского всемирного государства. Интернационал-коммунизм.

Дальше, люди, которые были его идеологами и практиками (например, Лев Троцкий), были глубоко культурные, эстетически продвинутые. Троцкий – автор очень не плохих очерков о русской поэзии, вообще знал западную поэзию, литературу, искусство. Эти люди обладали очень ярким футуристическим проектом. Пример: А.Эткинд, о котором Вы говорили, открыл в архивах, что у большевиков до атомного послевоенного проекта было два главных проекта в 1920-е годы. Их курировал Троцкий и Отто Шмидт, который потом прославится как полярный исследователь. Первый проект осуществлял Богданов, ближайший друг Ленина. Был создан Институт Крови, где он делал опыты над кровью, чтобы дать новую формулу крови, которая бы позволила человеку жить 200-300 лет. Он умер, делая на себе эти опыты. Второй проект ещё более сногшибательный – скрещивание человека и обезьяны. Для этого использовались люди, которые оказывались (подобно генетику Вавилову) в странах, где водятся обезьяны. Они должны были по поручению ГПУ привезти обезьян сюда. Но опыты ни к чему не привели. То есть, это были весьма эстетически продвинутые люди, которые сформировала культура декаданса на рубеже XIX–XX века, Ницше и многие другие. Они пытались преодолеть физическую природу человека, ставили квазирелигиозные цели. Стремилась преодолеть территориальность государства, двинули сексуальную революцию – движение «Долой стыд!». Мы не можем себе представить, что по Красной Площади ходили демонстрации абсолютно голых людей, во главе с Карлом Радеком, который был ростом метр пятьдесят с кепкой.

Вот такое громаднейшее влияние всей европейской совокупности просвещенческих и постпросвещенческих идей. И вдруг это всё кончается и провали-

вается. Появляются совершенно доморощенные люди, достаточно взглянуть на Политбюро 1920 года и Политбюро 1934 года, – это уже сталинские люди. Они связаны с русской провинцией, с русской почвой, никогда не были ни в каких Швейцариях, никаких языков не знали, дальше Орла никуда не выезжали. Люди с нулевым образованием, совершенно русские, почвенные, корневые. Именно на них делает Сталин упор. Кстати говоря, к нему присоединяется в этот момент целая куча людей, которые отброшены интернационал-коммунизмом. Я имею в виду черносотенное движение. Перед революцией оно было массовым, не очень успешным, но массовым. В архивах (например, в Амстердаме) есть свидетельства не абстрактные, а научные. Там есть документы, показывающие, что целый ряд черносотенцев потом служил в НКВД. Мы видим «социализм в одной стране», отрицание Запада, все фобии перед Западом. Это совершенно другой тип человека – психологически, антропологически, культурно. Это совершенно два разных большевизма. Один большевизм, условно – сталинский, второй, условно – Троцкого. Один даёт русские дела, другой – дела Европы, но на русской почве. Они сюда как в гостиницу приехали. Не случайно многие из них просто жили в гостинице, на ул. Горького были специальные коминтерновские гостиницы. Так вот, это два разных большевизма, когда один сменил другой, или это один большевизм? Думая всё время над этим, я нахожу: у Солженицына есть аргументы и у Бердяева есть аргументы. А вот как Вам кажется – большевизм – это целостное явление или на смену одному пришло совершенно другое? Например, с моей точки зрения, 1936-1937 гг. – это антикоммунистическая революция, которую провёл Сталин, по уничтожению ленинской гвардии, отказу от всех этих идей. Я думаю, Ленин был какой-то такой фигурой между ними связующей, третьей. Вот как Вы думаете, извините, за долгую постановку вопроса, меня, действительно, интересует Ваше мнение – это два разных большевизма или один большевизм?

В.П.Макаренко: Спасибо за вопрос, Юрий Сергеевич. Всякий вопрос приходится встраивать в собственную систему размышлений. Первая реакция, – я, конечно, пытался рассказать об идеологической традиции. Но примеры, которые Вы приводите, меня тоже интересуют. Я не дописал ещё статью, в которой как раз рассматриваю вариант скрещивания человека с обезьяной. Было бы интересно в сегодняшней Абхазии, в Сухуми провести цикл лекций на эту тему. Между прочим, множество женщин, в том числе абхазских, хотели пойти на скрещивание с обезьяной. В газете «Советская Абхазия» публиковали желания этих женщин претерпеть скрещивание с обезьяной ради выведения нового типа. Для меня это пока другая сфера. Вы свели вместе интернациональный и локальный большевизм. Я сейчас отвечу на этот вопрос предварительно, не как исследователь, а, скажем, как обыватель, – мне ближе интернациональная версия большевизма.

Ю.С.Пивоваров: Но это одно или два явления?

В.П.Макаренко: Ваш вопрос не для упражнений в риторике, а реальная проблема. Скажу пока о свежих способах подхода к ней. Карл Шлегель в книге «Берлин, Восточный вокзал» показывает связь (в рамках советско-фашистского интернационализма) дипломатии, расписания поездов, топографии местности, личного состава Коминтерна, генералов, типа Людендорфа, и возникающего советского генералитета, разведки (ГПУ и абвера), политических деятелей и т.д. Он называет это «сетевой историей». Уже есть традиция, позволяющая работать для ответа на Ваш вопрос. Хотя мне ближе, повторяю, интернациональный проект, поскольку он был отвергнут национальным большевизмом в СССР и Германии. Последствия хорошо известны. Но окончательного ответа я сейчас не дам. На Ваш вопрос смогу дать ответ спустя некоторое время, когда завершу исследование. Ведь речь не идет о простом реферировании «сетевой истории». Например, мы вчера затрагивали тему евразийства. К.Шлегель показывает, что концепция корпоративизма возникла в нацизме, а также в писанине эмигрантов из Советской России, включая евразийцев. Сегодня концепция корпоративизма пропагандируется в выступлениях В.В.Путина. Такова одна из многих совершенно определённых параллелей между прошлым и настоящим. Я очень хорошо помню, как в 1960-е годы на всех заборах писали «Научно-техническая революция!», потом пришла мода (целые институты работали) писать о «социалистическом образе жизни». Затем пришел черед «человеческого фактора». Теперь гундосят о «корпоративной культуре». Все это я считаю разновидностью политического эпигонства – одного из шаблонов бюрократического мышления. Поскольку эти идеи первоначально возникли в рядах идеологов белого движения, подход К.Шлегеля позволяет показать их эвристическую суть. Короче говоря, Юрий Сергеевич, этот вопрос я надеюсь с Вами обсудить в приватном порядке.

Ю.С.Пивоваров: По поводу корпоративизма. Я К.Шлегеля читал почти все работы, некоторые даже переводил и рецензировал. Без сомнения, это один из крупнейших современных ученых. Но корпоративизм возник в романтическом движении начала XIX века, затем в католической и социальной мысли XIX века, потом его переняли другие. Однако многие сейчас пишут, что национал-коммунизм (точнее интернационал-коммунизм) был первым вариантом глобализации в XX веке. Я к этому никакого отношения не имею, но люди говорят: надо взглядеться в этот опыт, поскольку предлагалось создать такой универсальный порядок, который уже юридически был заложен в Конституции 1922 года. Это была попытка глобализации на футуристически-коммунистический лад. Многие левые силы Запада (а коммунистическое движение на Западе уничтожено), социал-демократы, по-прежнему очень левая западная интеллигенция черпают в этом некое вдохновение. Что касается сталинского варианта «азиатского марксизма» (по определению Струве), это, безусловно, два совершенно разных проекта. С моей точки зрения, между ними много общего, но по другим линиям: насилие, отказ от компромиссов, ставка на борьбу и т.д. Этот вопрос

чрезвычайно важен для понимания русской истории, особенно советского периода. Конечно, феномен большевизма был абсолютно не случаен, его нельзя недооценивать. Мне кажется, он не закончился. Продолжается тот период русской истории, который начался с большевизма. Более того, я считаю, что в России продолжается сама большевистская революция в известном смысле. Например, в деятельности реформаторов начала 1990-х годов я отчасти вижу продолжение глобалистско-интернациональной линии по методам деятельности.

О.Ю.Мамедов: Я бываю на многих конференциях. А сегодня с тоской думаю: одно из самых больших преступлений русской власти – разделение экономистов, политологов, социологов по отраслям знания. Ничего, кроме бюрократизации науки это не дало. Думаю, все, кто защищался, знают, о чём речь. Это сделано ради принципа «разделяй и властвуй». Ни один экономист не знает, что творится у политологов, политологи не имеют представления об экономистах. Кроме бюрократизации, это ничего не принесло отечественной общественной науке. Как можно быть экономистом, не зная истории? Ведь история это фундаментальное общественное знание! Как можно быть историком, не зная экономики? Как можно быть политологом, не зная экономики и истории? Я преподаю на юрфаке, юристы ненавидят всё обществознание, вместе взятое. Экономике не хотят знать и всё! Я не знаю, что на других факультетах творится, но ситуация, мне кажется, очень тревожная. Такое незнание сплошь и рядом. Молодые друзья, надо быть обществоведом, а обществовед – это не политолог, не социолог, не историк, а политолог, социолог, историк! Обществовед, но не обществовод! Эту грань трудно перейти. Люди сами знают, куда им маршировать, наша задача – понять логику их марша.

Теперь относительно темы конференции: подходят к изучению русской власти как к чему-то такому, что надо изучать... Я пришел, поскольку мне не доставало, чтобы сказали, в чём специфика этого исследования, какова предметность, методология, я хотел бы, чтобы сначала, – знаете, как хирург делает? Сначала вату берет и спиртом протирает место операции. Вот я бы хотел, чтобы сначала спиртом расчистили: вот ограниченность экономического подхода, вот достоинства, а вот недостатки политологического и т.д. Без решения общетеоретических вопросов нельзя начинать исследование. Институт русской власти, как его описывали здесь, с его жаждой насилия над личностью, самодержавностью, нетерпимостью к гражданскому обществу, к демократическим институтам, не является оригинальным. Это всё всем давно известно, можно прийти от чего-то в отчаяние или в восторг. Экономический диагноз института русской власти – это архаичный социальный институт, отражающий индустриальную, а во многих случаях и сферах доиндустриальную ступень развития нашей экономики. Она у нас находится на переходе от доиндустриальной к индустриальной ступени. Эти две ступени и порождают все выверты, включая скрещивание обезьяны и человека.

Скрещивали Русь с Западом – не удалось, с Востоком – не удалось. Значит, за всем этим скрывается самобытность, и об этом принципиальном вопросе я хотел сказать два слова. Общественные науки остаются науками, как бы их не умаляли их представители. Можно, чтобы сто исследователей имели сто ответов на один вопрос. Но все-таки как-то потом реки сливаются. Я не представляю, что бы кто-нибудь из физиков сказал: «Ваши западные атомы никогда с нашими, восточными, не будут взаимодействовать!». Что за «западные атомы»? Почему они не будут взаимодействовать? Если развитие общества имеет объективные закономерности, – это условие научности, если нет закономерностей, то обществоведам говорить не о чем. Есть общие закономерности, общие принципы, общие подходы. Я не знаю истории, политологии. Но в экономике, например, категория «эффективность» – это машина по превращению расходов в доходы. Вот и всё. Экономика – это машина по превращению расходов в доходы. В нормальной, эффективной экономике малые расходы дают большие доходы. В сумасшедшей экономике большие расходы дают мало или вообще ничего не дают. Вся проблема в том, чтобы построить нормальную экономику. Будет нормальная экономика – будет нормальная власть.

Я не склонен любоваться всеми вещами, о которых здесь говорили. Говорят, есть славянофилы и западники. Мне не нравится это полуэтническое, полу-географическое разделение. Я знаю только два деления: научное и антинаучное. Сколько можно наследовать даже в терминологии этот навязанный советской властью «западный» подход? Молодые исследователи должны знать: есть научный подход и антинаучный, никаких других подходов на белом свете не бывает.

И последний пункт, а потом еще краткий комментарий. Практика разрешает всё, что не может разрешить теория. Пока теоретики «прыгают», практика идет, и вдруг мы обнаруживаем, что это – уже вчерашний день, никого не волнует. Например, в Ростове всю жизнь была монополия телефонистов, а некто Ухов был Богом! И моя тёща, ветеран войны, валялась у него в ногах, он плевать на неё хотел. И вдруг, Ухов исчез – мобильники пришли. На этом закончились уговоры Ухова быть человеком, то же самое произойдет и с нами. Идет процесс глобализации, о котором я здесь мало слышал. Можно к ней относиться по-разному, я видел людей, которые боятся, дрожат жутко перед ней, но мы-то с вами, извините, ученые! Глобализация – это главный, основной процесс современного развития мира. И мы не можем в нем не участвовать. Не будем участвовать – погибнем, это я вам говорю как экономист. Глобализация требует определенных принципов в организации экономики и в организации власти. До тех пор пока мы будем бояться всех этих вещей, или освящать их нашими традициями русской власти, – мы не сможем двигаться. Нужно модернизировать русскую власть. Если наша страна не займется настоящей модернизацией экономики, не будет идти туда, куда надо всем идти, – к гражданскому обществу, к демократизации, – я могу сказать: были не такие страны и народы, как мы, и ис-

чезли все. Ну, раз шанс дала история, ну два, но не может же бесконечно давать! Другие не стоят на месте.

Я хотел сказать ещё вот о чем. От нас, обществоведов, власть ждёт помощи, я надеюсь на это. Как преобразоваться, а не как застыть в бессильном самолюбовании и бесконечном сокрушении: вот мы какие особенные, не такие, как все! Сколько раз я разговаривал с обществоведами, – я видел, что им не жаль этой страны. Они хотели бы выяснить то, что давно уже выяснено всеми. Надо меняться по-быстрому. Экономисты избегают политики, не занимаются политикой, это большой недостаток экономического анализа, они сидят в производстве, это нас погубит. Но когда я бываю у своих коллег по обществузнанию, я вижу, что там происходит то же самое. Мало кто говорит о реальных проблемах, несут какой-то бред об инновациях; преподаватель сейчас получает пять тысяч рублей, не остепененный, доцент получает восемь, девять, чего же вы от него хотите? Это человек, боящийся всех, посмотрите на профком, который прячется, когда проходит ректор. Посмотрите на ученых, которые зависят от внутривузовской бюрократии. Вот говорят: нам нужны инновации! Мы никогда не сделаем ни одну инновацию по одной причине: если только не займемся экономикой; тайна инновационной экономики – в её инновационной организации. Экономика, которая ставит барьеры, препятствия, монополии, бюрократизм, коррупцию, – в такой экономике инновации быть не может. Пока мы не начнем реально действовать, мы так и будем любоваться русской властью. В каждой науке есть свой скелет, который известен представителям этой науки. Нормальные экономисты-теоретики (правда, у нас есть много ненормальных, не будем о них говорить) боятся возврата к советской экономике. Советская экономика разрушила всю эту страну, помимо других причин. Хотел бы я знать: боятся чего-нибудь политологи или ничего не боятся?

В.П.Макаренко: Разрешите вручить Вам журнал «Политическая концептология» в качестве ответа.

Ю.С.Пивоваров: Октай Юсуфович, я хочу Вам ответить на вопрос: боятся или не боятся политологи? Я был президентом Российской ассоциации политической науки несколько лет и с уверенностью говорю: боятся. Боятся того анализа, который сделали Вы. Что я услышал сейчас? Опять экономоцентричный подход. Естественно, когда говорит экономист, но когда выступает политолог, или историк, или юрист и говорит о русской власти, то это историко-политологический центризм тоже. Понятно, поскольку мы этим занимаемся. Нам этого Вы почему-то не разрешаете, себе позволяете. Вы говорите: вы работаете на «втором этаже», а мы – на «первом». Это типично советский подход, объясняющий изменение всех социальных процессов экономическим базисом. Этот подход не действует в русской истории, он давно уже сломал себе там шею, а вот подход через Русскую Власть гораздо более устойчив в нашей научной традиции.

Например, Сергей Михайлович Соловьев – один из создателей государственно-юридической традиции в российской историографии, – он тоже «сидел» на «втором этаже». Поскольку «первого», с Вашей точки зрения, не касался. Моя позиция заключается в том, что возможны различные подходы, то, о чем Вы сказали, – «западные атомы» и «восточные атомы», – это ведь о чем говорит? О том, что Вы, видимо, не чувствуете разницу между науками естественными и науками социально-гуманитарными. Действительно, западные атомы не отличаются от восточных, а вот общества очень отличаются. Например, почему западное общество пошло по одному пути, а восточные по другому пути? Значит, атомы, из которых сделаны культуры и цивилизации, очень отличаются.

Что касается экономики. То, о чем говорите Вы, – совершенно европоцентрический подход к экономике. А на самом деле в таких цивилизациях, как Индия, экономика играет совершенно другую роль, там нет темы «расходов и доходов», поскольку там экономическая сфера жизни включена в совершенно другую картину мира. Вы это прекрасно и лучше меня знаете. Поэтому я не думаю, что подход реалистически-экономический – адекватно научный, а подходы историков, политологов, социологов, юристов (которые почему-то зациклились на власти) не являются научными. Совершенно разные люди на протяжении уже двух столетий, занимающиеся русской властью и по-разному её понимающие, сходятся в том, что именно этот элемент играет определяющую роль в русской истории; а экономика является следствием, «служанкой» института русской власти.

Что касается термина «Русская Власть», то я могу вам тысячу примеров привести (помимо Жириновского), когда люди и умные и глупые пользуются данным определением. А как ещё её определить? Это естественно! Во Франции – французская власть, в Германии – германская, и т.д.

Вы называете глобализацию главным событием в истории человечества. Я так не считаю. Это дискуссионный вопрос. Вообще в понимании глобализации очень многое зависит от того, в каком смысле она понимается. Более того, идёт и другой процесс, о котором пишут западные авторы – глокализация. Ситуация глобализации связана с ситуацией, когда нарастает плюрализм местных отличий. Они становятся важнейшими для развития общности, особенно в Западной Европе. Это я наблюдал неоднократно, работая там. Одна община делает ставку на это, другая – на то, и это не противоречит глобализации. Реальные процессы гораздо сложнее того, что мы называем глобализацией. Более того, можно участвовать в процессе глобализации, быть открытым экономически и совершенно закрытым культурно-идеологически, как Китай, например. Он чем-то вступает в глобализацию, а чем-то нет. То же самое происходит не только с Китаем, но и с другими странами, включая те же США, откуда идет процесс глобализации. Я думаю, эти процессы гораздо сложнее.

Я разделяю Ваш общий пафос, но не разделяю отношение к Вашим коллегам-обществоведам из других специальностей как романтикам, заикленным на своих вещах; те темы, которые поставили западники и славянофилы, актуальны по той простой причине, что Россия их ещё не решила. Не актуален может быть подход этих людей, хотя их культурный и научный запас был намного больше, чем у наших обществоведов. То были культурнейшие и образованнейшие люди России. Понятно, что по прошествии почти двухсот лет многое изменилось, но Россия не решила этой темы, поэтому спор западников и славянофилов актуален. Но это не только в России, то же самое происходит во Франции, в Германии. Мы не стоим перед русской властью как перед чем-то заколдованным, мы её конкретно изучаем в разных её версиях. Я Вам должен сказать, что в концепции Русской Системы, к которой я имею отношение, как и мой соавтор, мы тоже касались соотношения Русской Власти и развития производительных сил, и вообще экономического развития России. Но в этом же и прелесть, когда экономисты смотрят на исторические процессы и когда мы, не экономисты, смотрим на экономику. Я думаю, в этом тоже есть интерес.

О.Ю.Мамедов: Конечно, мы интегрированы в единый объект изучения, общество очень сложно, и оно, действительно, представляет собой систему загадок, тайн и прочего. Но я глубоко убежден, хотя это было почему-то названо экономоцентричностью, что есть объективно определенная иерархия социального знания, и она отражает объективную иерархию строения общества. Я не против того, чтобы изучать какие-то специфики и прочее. Но сначала необходимо выстроить чёткую каузальную, причинно-следственную связь, где все истоки, все проблемы общественной жизни – это доказано мировой историей – порождены состоянием экономики. Это абсолютно точно. Есть строгая иерархия научного знания. Если предположить, что политологический подход, экономический, культурологический имеют равную ценность, мы окажемся в «тумане». Как в том анекдоте: вы правы, и вы правы, и вы тоже правы! Нет, дорогие друзья, есть четкое разделение, четкая каузальность. Человек, которого носили на руках одно время, сказал: «Если на все последовательно посмотреть, все это испарения, всё это находится в производстве». Точнее скажу: в экономике. Для нас, например, работа Ленина «Развитие капитализма в России» – одновременно исторический, политологический, социологический и экономический труд. Может быть, Маркс был философом, или политологом, или социологом, историком или экономистом? Вот идеал! Разобщая наши ряды, не объединяясь вокруг основы, которой может быть только экономическая стадия, эффективность наша ухудшается и мы не достигаем того потенциала, которым обладаем. Я не возражаю против многих вещей, но я хотел бы, чтобы всякое научное знание было выводным. Я хотел бы, чтобы выводили особенности и специфику русской власти так, чтобы это повторяло логику иерархического строения социального знания.

Ю.С.Пивоваров: А экономику можете вывести? Требуя от нас вывести что-то из экономики, выведите сначала экономику.

О.Ю.Мамедов: Она выводится из производства.

Ю.С.Пивоваров: Нет ни одной классификации в мире, где экономика поставлена в основу, таких классификаций вообще в научном мире нет! Это противоречит научному мировоззрению вообще!

В.П.Макаренко: Должен сказать, что Октай Юсуфович в своем журнале «Экономический вестник Ростовского государственного университета» раньше всех завел рубрику «Возрождая целостность общественности». То, что он говорил здесь и сейчас, не столько отражает его общие методологические установки, сколько реакция на нашу разобщенность, которую мы сообща стремимся преодолеть. Мы работаем вместе с экономистами уже два года, они нас публикуют, мы их публикуем, и постепенно нащупываем контакты. Но, конечно, такие препирательства время от времени будут вспыхивать, потому что разобщены, сидим по своим ячейкам. Отсюда вытекает мера полезности или бесполезности наших споров. Я согласен с Юрием Сергеевичем: конкретные предметы надо определять. Что касается методологии социальных наук, то нет какой-то одной экономики; экономика Маркса не является авторитетом для Фридмана, и наоборот. Например, историческая школа экономики пересекается с исторической школой права, поскольку обосновывает возможность, необходимость и даже единственную правоту многофакторного анализа общества. Поэтому проблема выведения некой жесткой детерминации из одной сферы ко всем остальным просто не стоит.

Т.А.Марченко. То, что сказал Октай Юсуфович, имеет иное значение, как у М.А.Булгакова в «Мастере и Маргарите»: относительно факта существования Иисуса Христа есть и такое мнение, есть и такое, но то, что было, не нуждается в подтверждении. По моему, Октай Юсуфович хочет сказать следующее: монодисциплинарные подходы создают приблизительное знание об обществе, в котором мы живем. А нужны междисциплинарные подходы. Это не отменяет высказанную Октаем Юсуфовичем мысль о том, что институты экономики и власти надо познавать в их причинно-следственной связи, поскольку в особенностях их функционирования есть определенная иерархия.

В.П.Макаренко: Но если есть иерархия, значит есть «старшие» и «младшие», «главные» и «второстепенные» науки...

Т.А.Марченко: Конечно, с одной стороны то, что говорят ученые, усваивается массами, и общество начинает так о себе думать. Но, если объективно анализировать общество, в котором мы живем, то Октай Юсуфович указал на белое пятно: несмотря на обилие талантливых ученых, мы не имеем подобных исследований и вынуждены приводить в качестве примеров далеко отстоящие от нас факты.

В.П.Макаренко: Ссылка на высказывание Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором мы живем, относится к конкретному периоду, когда со-

циалистическая система стала трещать по швам. Ясное дело, у КГБ была такая информация. Поэтому фраза сказана под давлением обстоятельств, не являющихся универсальными. А оформить это могли многие, быть может, тот же Ф.Бурлацкий, или А.Бовин, или В.Печенев, или упоминавшийся уже Вольский. Всегда была шайка холуев-спичрайтеров, действующих по принципу: «Чего изволите?». В любом случае, это сказано под давлением груды проблем, которые были созданы самой советской властью. И они вылезли в виде прыща. На какой части тела? – особый вопрос. Для меня эта проблема связана с историей страны. Давайте поразмыслим: фразу о неизвестном обществе произносит человек, обладавший всей социальной информацией. Кого он дурачил – себя, структуру, которой командовал, население страны или мировое общественное мнение, так сказать? Фразу о неизвестном обществе приводят, а не обращают внимания на более важный факт: была водка «Андроповка», по четыре рубля семьдесят копеек, до того была «Рыковка», а до того была «Царская» водка, сегодня появилась водка «Путинка», есть и «Медведев». Вот эта традиция является универсальной для нашей истории и цивилизации. Ее и надо описывать, начиная от царева кабака и заканчивая нынешними политическими фигурантами. И помнить парадокс: Сталин насаждал всеобщее пьянство, но известен усами и кителем «сталинка», а не водкой!

Ю.С.Пивоваров: «Жириновский» есть водка!

В.П.Макаренко: Да, я знаю, «Горбачёв», «Александр Невский», «Святогор». Вот традиция! Почему я о водке говорю? Не только потому, что в прошлом я довольно лихо закладывал за воротник. Экономисты не дадут соврать: сколько сегодня составляет доля от продажи водки поступлений в бюджет? На этом конкретном факте смыкаются исторические (типа «История кабаков на Руси» Прыжова), экономические и политические исследования. Не говоря уже о социально-психологических зеленых чертах и других предметах, возникающих в похмелье!

Ю.С.Пивоваров: А вы знаете, сколько в царской России казённая монополия на водку, которая Витте была введена, давала российскому бюджету? Двадцать четыре процента! Именно на эти деньги существовали армия и флот. «Водочные» деньги были направлены на армию и флот.

А.В.Венков: Уважаемые коллеги, я хотел бы напомнить: идут процессы глобализации и локализации. Ведь это всеобщий закон, ещё в Экклесиасте сказано: «Все реки текут в море, но море не переполняется». Есть и обратный процесс: у нас сейчас идёт нивелировка национальная в городах, и в то же время, идёт процесс субэтнизации – последняя перепись населения показала появление новых субэтносов! Что касается этих глобальных споров, позвольте жизненный анекдот: в 1996 году, когда у нас все были в состоянии душевного потрясения, ко мне, тогда зам. декана по науке, приходили многие любители поговорить, «борцы», полусумасшедшие. И вот из Москвы приехал Николай Васильевич Глаголец, который пришел к нам, на исторический факультет, и ска-

зал: «Вот я работал в космическом центре, занимался подготовкой различных микроорганизмов, чтобы их с космонавтами засылать в космос на долгие годы; то есть, я работал в космическом центре, а занимался микроорганизмами; и я пришел к выводу, что весь космос, как и микроорганизмы, построены по одной схеме, по одной структуре, развиваются одинаково. Что глобально, что микро. И тут у меня проскочила мысль – перенести эту закономерность на общество. Как? Всё логично. Общество развивается по тем же законам, что и космос, и микроорганизмы». Я говорю: «Ну, а что вы сюда-то приехали?». А он отвечает: «А я просчитал: вот у нас Россия развалилась, должна собираться, и первым должно возродиться Донское казачество». Я говорю: «Я не верю, я сам казак и вижу, что там творится». Но прошло лет пять-десять, и я увидел, что он был прав.

Сообщество, внизу, в станице, возродилось очень рано. Вывеска такая: ходите в лампасах, в чем хотите, нас только не трогайте, мы здесь возродились и живем! Он был не сумасшедший, но с потрясенным сознанием человек. Определенная логика в рассуждениях была: существуют некие глобальные законы, но стоит глянуть в окно, мир многообразен и там такие процессы идут, а что касается конкретики... Ну, хорошо, давайте посмотрим! Само слово «политика» строится на основе полиса, города; изначально занялись этим греки, изучая правила жизни в городе, а через Средиземное море был Египет, где центром был не город, а деревня. Там развивалась абсолютно другая жизнь, абсолютно другая экономика, которая дала основу азиатскому способу производства. Азиатским способом производства до XIX века включительно занимались процентов семьдесят территорий и населения Земли. Там законы, на мой взгляд, очень сильно отличаются от классических европейских, греческих, римских и т.д. И у нас страна, хотя она не Восток и не Запад, сильно копирует древний Египет, древний Китай, но в иных климатических вариантах. Потому, что субъективное воздействие власти на экономику здесь имеет гораздо больший вес, чем в той же древней Греции, – они компактно жили, там все было обусловлено друг другом, в лицо все друг друга знали, им и экономикой легче было заниматься, чем в древнем Египте или древнем Китае. У нас, на мой взгляд, экономика и история, хотя и самостоятельны, но всё же ближе к Востоку, нежели к Западу.

А.Н.Ерыгин: Возникший здесь спор по поводу эконоцентричного подхода и иных подходов, конечно, имеет реальные основания для существования, как имеют основания претензии тех и других на свои позиции. С одной стороны, Октай Юсуфович прав: с экономической точки зрения можно построить всё так, как он нам предлагает. В обществах, которые с экономической точки зрения будут объяснены, так и этак. Только возникает вопрос: с Вашей же точки зрения, надо же вести самоограничение? Даже в Вашей области экономической, самоограничение политической экономии, экономической теории должно вестись! Сегодня среди экономистов в Москве довольно долго муссировались идеи о том, что философия экономики и философия права – вещи разные, пото-

му что экономика и хозяйство тоже разные. Когда Вы говорите об экономике, Вы говорите не всю правду. И поэтому Ваш моноцентрический подход так сильно задел представителей концепции Системы Русской Власти. А говорите Вы не всю правду потому, что берете только экономическую формацию общества. То, что Маркс четко обозначил, имея в виду общество XIX века, как историзм. Всё остальное – это капиталистические, так называемые формации, о которых речь шла иначе. То были способы производства, построенные не на экономической основе, общества с внеэкономическим принуждением, типа Египетского, о котором только сейчас говорили. Речь идет об обществах совершенно иного типа. В них соотношение между властными, экономическими, хозяйственными, семейными, национальными и иными моментами были совершенно иным, чем в рамках экономической формации общества. А экономическая формация общества – явление уникальное, характерное только для Европы.

Сейчас хорошо было сказано: политика от слова полис, а экономика от чего? От слова ойкономос. Это хозяйство Одиссея, маленький дом, мой дом – моя крепость, который и есть фундамент всякого общества. Если европейская традиция экономики – ойкономии – идет отсюда, то и полис отсюда произрастает, у него есть фундамент, но ойкономос, а не экономика рыночного типа, товарно-денежного общества в его развитой форме. Значит, мораль простая: даже в европейской линии развития мы не можем экономику положить в основу понимания механизмов хозяйствования. Россия в то время, о котором мы говорим, имеет книжку под названием «Домострой»; кто ее читал, тот знает: первая часть – политологическая, отношение человека как гражданина к царю, власти и т.д.; вторая часть – этика семейной жизни, что делать, как молиться, когда вставать, и прочее; третья часть – это типичная ойкономика, как вести хозяйство, как и когда пахать и сеять и т.д. Иными словами, определенный экономический, но не сугубо экономический в современном, капиталистическом смысле слова, такой хозяйственный подход, он всегда был и есть. И когда говорят о русской власти, то с ней гармонично сочетается определенная система русских хозяйственных отношений.

Вы, Андрей Вадимович, вчера говорили: надо больше формационному подходу доверять, способы производства брать за основу и привели пример России в эпоху сталинизма, квалифицируя ее как египетскую, рабовладельческую систему. Сегодня вы употребили термин «азиатский способ производства», и теперь можно как-то свести концы с концами. Давайте вспомним, что понятие «азиатский способ производства» ввел Маркс. И как бы сегодня ни говорили другие, кто пользуется этим понятием, пытаюсь свои права путем своего какого-то особого толкования этого понятия отвоевать, по сравнению с Марксом, у них явно позиции вторичные. А что понимал под «азиатским способом производства» Маркс? Очень простую систему хозяйствования, вышедшую за рамки первичных обществ, и вместе с тем не доросшую до экономической формации. Общество с внеэкономическим принуждением. А в чем

особенность этого общества с внеэкономическим принуждением на Востоке, в отличие от полисной Греции или от феодализма в Европе? В том, что система земледельческих общин, с общей собственностью на землю, при наличии частного труда (в этом дуализм, противоречие этой общины), составляла замкнутую систему, на которой восточная деспотия и устроилась довольно приличным, самым разным способом. Эта система земледельческих общин – фундамент такого общества. Так у Маркса.

Как Маркс и Энгельс использовали это понятие для анализа русской ситуации? Ленин прямо называет «азиатский способ производства» основой русской экономики в эпоху Московского царства. Но, что касается Плеханова (я писал об этом специальную работу), у него детальный анализ идет: вплоть до XX века «азиатский способ производства» сохранился в России; почему они свою аграрную программу предлагали иную, чем большевики, то есть не ставили вопрос о национализации земли, она и так была национализирована. Теперь возникает вопрос: когда исчез «азиатский» способ производства в России? Вот принципиальный вопрос, ответив на который, мы поймем разницу между старой Россией и русской властью, и новой Россией, которая на наших глазах создается. Как только колхозы вошли в нашу жизнь, как только рухнула система сельских общин, над Русской Системой нависла угроза: она исчезает на наших глазах! Система сталинская – это новообразование, это не общество деспотическое, это не общество, возникшее на базе «азиатского способа производства», это парадокс, который в истории возник, и не имеет объяснения до сих пор! Это – общество, не имеющее цивилизационной выраженности, которое породило цивилизационную пустоту. Это – общество, которое антропологически подготовило крах человечества. Оно продемонстрировало всему миру, что отказывается от цивилизационных оснований, даже азиатских.

А вот общество даже в первые десять лет советской власти благополучно существовало. Все эти партийные дискуссии, вся эта битва националистов и интернационалистов в большевизме могла происходить почему? Потому, что жила Россия, изживая старое наследство от «азиатского способа производства». Я ничего обидного для России в «азиатском способе производства» не вижу, но вижу, что когда Столыпин попытался его на свой манер преобразовать, крестьяне ответили четко: 10 % ушли в столыпинскую реформу, 90 % остались на прежних позициях. Советская власть в 1922 году проделала вторую столыпинскую реформу – сельским обществам было разрешено выпустить крестьян на свободу, известный факт. Сколько ушло на свободу? Наука знает ответ на этот вопрос, по крайней мере, историческая, не знаю, как экономисты: 10% , те же столыпинские 10%! Что это? Это стандарт русского существования! Это норма! Всегда есть небольшой процент людей творческих, способных, готовых капиталистически, товарно-денежно развиваться. Но есть масса, которая желает жить общиной. И этот общинный строй имеет (помимо недостатков, по логике капитализма) свои преимущества: сохранение и забота о своих членах; этот

строй был незыблемым до коллективизации в 1929 году, «великий перелом» всё разрушил. А создание безликих колхозов разрушило «азиатский» строй, разрушило русскую власть, разрушило Русскую Систему.

В.П.Макаренко: Мне очень приятно, что пошел контакт живой, помимо всякой официальнойщины. То, что кажется сегодня просто скоротечной дискуссией, на деле может породить (по своему опыту знаю), довольно интересные следствия – в творческом, организационном и тому подобных отношениях. Юрий Сергеевич, может Вы хотите отреагировать не только хлопками, но и словесно? Пожалуйста!

Ю.С.Пивоваров: Я не пользуюсь термином «азиатский способ производства», поскольку, как Вы, Александр Николаевич, уже сказали, он занят, но в целом, всё то, о чем Вы говорили, – это совершенно блестящий анализ русской истории. Правда, не 10% вышли в столыпинскую реформу, а 24%, – по разным губерниям по-разному. Причем, интересно, что гражданская война прошла наиболее жёстким образом там, где из общины вышла большая часть людей. Там, где община сохранилась, – войны было меньше, Русская Система не развалилась, если пользоваться этой концепцией, она приобрела другой характер. А вот то, что Вы сказали: 1929 год – год «великого перелома», – очень важно. Я считаю, что сталинская коллективизация в сто раз важнее, чем Великая Октябрьская социалистическая революция. Более того, тогда ещё был шанс, до 1929 года, причем это связано действительно с общинными делами. Есть совершенно потрясающая вещь: вот сама передельная община – это то, что нужно изучать, изучать, и изучать, хотя бы потому, что 90 % российского населения жило в этих условиях. И вы знаете, что явилось одним из спусковых крючков революции, что стало одной из причин страшного XX столетия для России? В 1893 году, под влиянием «национально» мыслящих людей, император Александр III издает распоряжение: переделы в общине должны принять двенадцатилетний цикл. То есть, если раньше переделы шли довольно часто, и это нарушало культуру хозяйствования, то теперь решили раз в 12 лет.

А в это время, как известно, в России раздался демографический взрыв, связанный с ним аграрный кризис – всю землю распахали, и ее больше не было, возникла «безземелица». И переделы после 1893 года пошли раз в 12 лет. Первый передел – 1905 год, и это связано абсолютно точно с революцией, поражением в русско-японской войне и финансовым кризисом. Почему (по анализу русской полиции) русская армия не хотела воевать уже к концу 1916 года? Потому, что в 1917 году должен был идти передел. Есть масса источников по губерниям о том, что происходило в 1916 году в общинах. Армия перестала воевать в 1917 году не из-за немецких действий, – мужики пошли делить землю. Потому что они боялись: пока Фёдор сидит в окопе, его сосед Василий землю приберет к рукам. Конечно, то, что произошло в 1929 году, это, безусловно, смерть той России, которая какие-то шансы имела даже после прихода к власти большевиков.

Вообще община, – судя по всему, эсеры были правы, – община эволюционировала. Она могла стать каким-то особым способом ведения русского хозяйства, это был живой организм, в котором, например, по мнению крупнейшего специалиста по общинному праву Александра Изгоева (у него есть серия уникальных работ), в рамках общины шло становление института частной собственности, но который не разрывал общину – это совершенно иной подход; удар был нанесен именно по русской социальности. Община – это не синоним застоя, это тот плавильный котел, в котором складывалась какая-то новая Россия XX столетия и, кстати говоря, это неплохо описано в романе Василия Белова «Кануны» о Вологодской губернии. Насколько хорошо он почувствовал, как на подъеме была деревня в 1927 году! Например, именно в 1920-е годы, а не во время «подъема» столыпинского, российская деревня достигла максимума производительности. И ещё, что очень важно, – общинность коррелировалась с тем, что в обществе пошли процессы кооперативные. Первые большевики не разрушили кооперативного движения, его потом Сталин разрушил. Мне кажется, что это есть ответ на то, что нужно все эти властно-политические дела связывать с экономическим развитием. Мне кажется, это невозможно опровергнуть потому, что это действительно так. Разве тип экономики по принципу «расходы - доходы» является единственным?

В русском обществе темы экономики вообще не возникало, пока это было общество религиозное. Или, как Струве назвал, «литургическое». Главной темой было спасение души, а не минимизация расходов и максимизация прибыли. К этому можно относиться со смехом, но это реальный факт. Современное индийское общество, несмотря на все успехи в электронике и т.д., это индуистское общество, где нет вообще темы экономической в том смысле, в котором мы говорим. И насчёт жёсткой классификации наук, где экономика поставлена во главе, – где это? Самый важный для западных социальных наук человек – это Макс Вебер. Мне это не нравится, но это моё дело. У Макса Вебера экономику определяют ценности. И на этом зиждется мейнстрим западной науки и описание той экономики, о которой говорили Вы. Я, к сожалению, разделяю эту точку зрения. И я, как обыватель, хотел бы воспользоваться плодами этой экономики. И Ваш подход, с моей точки зрения, предполагает дальнейшее изучение и позволит создать многолетнюю историю хотя бы нашей страны.

В.В.Вольчик: Дело в том, что многие экономисты очень уверены в своей правоте. Существует такой экономический империализм, апологетов такой линии мысли много и в западном мейнстриме, и в нашем. Более того, все экономисты-неоклассики уверены, что экономика является наукой, всё остальное наукой не является, а политология должна заимствовать методы экономистов. И они уверены, что экономика – это метасоциальная наука, а всё остальное – наука, только если она заимствует методы из экономики. Я так не считаю, и Октай Юсуфович так не считает, но это существует объективно. С этим надо как-то разбираться.

В.П.Макаренко: Ещё раз хочу поблагодарить Октаю Юсуфовича за то, что он сыграл роль запального шнура дискуссии. Значит, есть конкретные темы, помогающие интегрироваться и возрождать целостность общественности. Как сказал бы какой-нибудь политический вождь или религиозный кормчий: мы на верном пути!

Отреагирую на выступление Юрия Сергеевича. Я в советское время написал книжку о Вебере, с 1977 по 1979 год занимался этим, в ИНИОНе фотографировал материалы. Но тогдашний ЛИТО (цензура) её не пропустил. Книжка пролежала в столе до 1988 г. Я о ней говорю потому, что Вы сказали: согласно Максиму Веберу, ценности определяют интересы. Это не совсем так. Конституирующими для социального бытия являются материальные интересы, социальная структура и идеи. Все это в совокупности образует стиль жизни больших социальных групп. Но я сейчас в эту дискуссию вникать не хочу. Действительно, Макс Вебер – значимая фигура для всего корпуса социогуманитарной и экономической мысли Европы. Но в последнее время появился ряд новых теорий капитализма. Мы в течение года обсуждали концепцию Дугласа Норта. Видимо, есть смысл сделать эту тему предметом отдельного обсуждения. В советское время Веберу было посвящено всего несколько строк в «Философской энциклопедии». Сейчас он в России стал модным. Сегодня его концепция используется для апологетики существующего в России режима. Это – сложная тема. Хотя популярность Макса Вебера в России может считаться признаком ее интеллектуального провинциализма. Видимо, одну из конференций мы посвятим этой теме. Надо учитывать и те теории капитализма, которые появились в последние десятилетия.

Всем известно, что, по Веберу, этика определяет материальные интересы и стиль жизни. Но в новых теориях капитализма показано, что это работает только по отношению к отце-центричным экономикам, а к матере-центричным экономикам не относится. Тем самым, католические страны отстают от протестантских. Существуют и опровержения такого подхода. Так что все значительно сложнее. Ещё раз спасибо Октаю Юсуфовичу за то, что поджег шнур и выявил темы, которые смогли бы нас сгруппировать.

Второй пункт: я должен извиниться перед профессором Ириной Игоревной Глебовой за то, что не могу предоставить Вам слово. Мы приглашены к ректору ЮФУ и обязаны сейчас закончить наше заседание. Разрешите на этом закончить нашу творческую мастерскую, хотя повестку дня мы не исчерпали. Следите за нашим сайтом и журналом; всё, что здесь было, будет опубликовано. Может быть, есть у кого-то заключительные соображения? Кто-то хочет высказаться? Николай Ефимович Ерохин, учёный секретарь ЮФО.

Н.Е.Ерохин: Спасибо, Виктор Павлович! Конференция заканчивается, а спасибо Вам ещё никто не сказал! Я вторые сутки пребываю в состоянии пиршества ума, и это очень здорово. Вы вчера сравнили себя, Юрия Сергеевича и Ирину Игоревну с трио бандуристов. Это не совсем правильно, бандуристы

пели слепыми, и пели о том, что они видели, то есть вспоминали. А вы, скорее, трио баянистов – у вас такой слаженный хор, и я рад за это.

Второе. Я, когда припоздал утром и пришёл сюда, тут как раз коммунальный аспект поднимался. Я хочу сказать Вам, Юрий Сергеевич, что стоит заняться этой темой вместе с Виктором Павловичем. Говорили о характеристике нашего общества, а самая страшная из них – это мы и наша коммунальная жизнь. Когда человек не мог быть самим собой. Мы с профессором Лубским жили в одном общежитии. Утром в один туалет 27 человек – будьте любезны! А вечером наше белье висит на общей бельевой верёвке. Человек не имеет возможности быть самим собой, с самим собой, наедине с любимой женщиной и т.д. Это настолько исказило национальный тип, за который Вы так ратуете, когда говорите об общинах, о ценностях, о русском характере. И, хотя Ваша система очень изящная – Русская Система, – но я бы хотел, Виктор Павлович, родной, чтобы Вы отошли от известной формулы – «Философы лишь различным образом объясняли мир...». Я хотел бы, чтобы хоть иногда появлялась мысль о том, как изменить его. Дайте намёк, рычаг, как это делает Октай, чтобы изменить сложившееся положение вещей! Спасибо Вам!

В.П.Макаренко: Я бы хотел отреагировать. Может быть, в следующий раз мы пригласим специалистов по проблеме взаимосвязи советского коммунального быта со сталинским режимом и его последующими модификациями. Юрий Сергеевич ввёл понятие гражданско-коммунальной войны. Мы эти вещи непременно соединим. Спасибо за подсказку ещё одной идеи. Дорогие коллеги, разрешите поблагодарить всех участников за интенсивную работу. Особая благодарность действующему академику Ю.С.Пивоварову. Вообще-то, остались считанные люди – действующие академики и профессора. Это те, кто, получив маршальские погоны, не утратил творческого запала! Согласно классификации И.Бестужева-Лады, академики – это научные маршалы. Я, к примеру, только генерал-полковник. Мы отлично знаем, что люди, пока доползут до этих степеней, в большинстве случаев прекращают творчески работать. М.К.Петров называл их «пенсионерами от науки». Нам очень приятно убедиться в творческой молодости академика Ю.С.Пивоварова. За это предлагаю почтить его аплодисментами!

Аплодисменты

Ю.С.Пивоваров: Это неправда, я за последний год ни одной строчки не написал.

В.П.Макаренко: Юрий Сергеевич, это не Ваша вина. Ведь институтом тоже надо руководить! Нам очень приятно, что Вы приехали в Ростов-на-Дону. Это Вам скажут все присутствующие здесь. Большое спасибо, до новых встреч!